

Аслан Даурович Сангулия

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государства и права юридического факультета Абхазского государственного университета.

Автор более 50 научных работ, в том числе изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Соавтор учебника «История государства и права народов Кавказа».

Область научных интересов: история и методология юридической науки, теория государства и права, история государства и права Абхазии, история государства и права зарубежных стран, история учений о государстве и праве, государственное управление, исполнительная власть, административное, конституционное и информационное право.

Преподаваемые дисциплины: «История государства и права Абхазии», «История государства и права зарубежных стран», «История политических и правовых учений», «Административное право Республики Абхазия», «Конституционное право зарубежных стран», «Правовые основы журналистики», «Политическая журналистика», «Правоведение».

А.Д. Сангулия является государственным служащим системы органов исполнительной власти Республики Абхазия, заведующим юридическим сектором центрального органа государственного управления Республики Абхазия в сфере репатриации. Классный чин — «Советник государственной службы II класса».

ISBN 978-5-369-02179-8

А.Д. Сангулия УЧЕНИЕ М.Н. КАПУСТИНА О ПРАВЕ

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

А.Д. Сангулия

УЧЕНИЕ М.Н. КАПУСТИНА О ПРАВЕ

ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

РИОР
НАУКА

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

А.Д. Сангулия

УЧЕНИЕ М.Н. КАПУСТИНА О ПРАВЕ

ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

МОНОГРАФИЯ

Под научной редакцией доктора философских наук,
доктора юридических наук,
профессора Працко Геннадия Святославовича

Москва
РИОР

УДК 340.12
ББК 67.1(2)
С18

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1

Автор:
Сангулия А.Д. — канд. юрид. наук, доцент кафедры государства и права юридического факультета Абхазского государственного университета (г. Сухум, Абхазия)

Рецензенты:
Саидов З.А. — д-р юрид. наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Грозный);
Цечоев В.К. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Ростов-на-Дону);
Команджаев Е.А. — д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (г. Элиста)

Сангулия А.Д.
С18 Учение М.Н. Капустина о праве : история, методология, теория и практика : монография / А.Д. Сангулия; под науч. ред. д-ра филос. наук, д-ра юрид. наук, проф. Г.С. Працко. — Москва : РИОР, 2026. — 208 с. — (Научная мысль). — DOI: https://doi.org/10.29039/02179-8

ISBN 978-5-369-02179-8

Предлагаемая монография посвящена исследованию правовой теории Михаила Николаевича Капустина (1828–1899), включающей учение о внутригосударственном и международном праве. Охарактеризовано российское правоведение второй половины XIX века в контексте его соответствия развивающейся юридической практике. Определены основные этапы творческой эволюции М.Н. Капустина, дана их характеристика в контексте решения им проблемы создания общей теории права и разработки научной методологии познания права и др.

Монография предназначена для студентов юридических факультетов и вузов, аспирантов юридических специальностей, преподавателей, а также для всех, кто интересуется вопросами истории и методологии юридической науки.

УДК 340.12
ББК 67.1(2)

ISBN 978-5-369-02179-8

© Сангулия А.Д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **4**

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА В РОССИЙСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ М.Н. КАПУСТИНА **9**

1.1. Основные учения о правопонимании в российском правоведении второй половины XIX века 9
1.2. Теоретико-методологические и исторические предпосылки становления правовых взглядов М.Н. Капустина 28
1.3. Методология познания права М.Н. Капустина: позитивизм и историзм подхода 60

Глава 2. ДОГМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА М.Н. КАПУСТИНА **78**

2.1. Учение М.Н. Капустина о правовой норме и институте 78
2.2. Концепция права в объективном и субъективном смысле М.Н. Капустина 89
2.3. Концепция всеобщей истории права М.Н. Капустина 108

Глава 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ДОГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В УЧЕНИИ М.Н. КАПУСТИНА О МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ **126**

3.1. Интерпретация М.Н. Капустиным предмета и метода науки международного права 126
3.2. М.Н. Капустин о методах регулирования международных отношений и методологии изучения международного права 148
3.3. Этнографический и конфессиональный факторы международных отношений в теории международного права М.Н. Капустина 167

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **181**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ **192**

ВВЕДЕНИЕ

Российская империя второй половины XIX века до сих пор удивляет человечество своими достижениями в самых разных областях человеческой деятельности. Высочайшие образцы художественного, литературного, научного творчества вошли в золотой фонд современной цивилизации, определив многие направления ее научно-технологического, социального и духовного развития. Такой взлет русской культуры прежде всего был связан с двумя реформами, коренным образом изменившими облик России, ставшими могучим внутренним импульсом ее развития, раскрепостив дремавшие ранее внутренние силы. Давно назревшие крестьянская и судебная реформы, с одной стороны, изменили структуру общества, придав ему небывалую ранее динамичность, вектор социально-экономического развития, выводящий на формирование новых общественных отношений. С другой стороны, данные изменения затронули правовую жизнь общества, в которой право приобретало большее значение и ценность, объясняя столь же интенсивное развитие юридической практики в это время.

Пореформенный период истории России, в течение которого значение каждой из проведенных реформ трудно переоценить, ознаменовался осознанием необходимости развития юридической науки, которая не успевала за динамикой юридической практики. Кроме того, в современных исторических условиях необходим был специалист нового типа, юрист, обладающий обширными знаниями, владеющий в совершенстве юридической техникой, способный удовлетворить потребности развивающейся юридической деятельности. Примечательно, что если в 1866 году количество студентов юридических факультетов крупнейших вузов страны составляло 1062, то через шесть лет, в 1872 году, оно было уже 2719[1].

[1] *Фукс В.Я.* Суд и полиция: в 2-х ч. М.: Университетская типография, 1889. С. 282, 232.

Развитие юридической практики и специализация права, появление его новых отраслей, все это ставило новые задачи перед юридической наукой и образованием. Некоторые правоведы полагали, что с судебной реформой правоведение получило новый импульс развития, так как впервые со времени запрета преподавания философии права университетским уставом 1835 года правовая наука расширила свой предмет, вновь обратив внимание на право как таковое, преодолевая узкие рамки исследования действующего законодательства. Между тем эта естественно-правовая линия не стала определяющей в эволюции методологии изучения права. Юридическая практика требовала позитивного взгляда на правовые явления, а правовая наука должна была основывать свои положения не на умозрительных доводах рационалистической методологии, а на анализе юридической практики, юридических фактов. При этом требовалась интеграция развивающегося правового знания в рамках новой научной дисциплины, решающей задачу разработки общих юридических понятий на основе обобщения юридической практики.

Такую задачу решала общая теория права, которая стала теоретико-методологическим источником современной теории государства и права. Как самостоятельная юридическая наука она должна была не только интегрировать все разнообразие юридического знания, но и играть методологическую роль в отношении отраслевого правоведения, опираясь на строгую научную методологию, которая отождествлялась, как правило, с догматическим методом и элементами исторической школы права, а в дальнейшем с социологическим подходом. Эту задачу формирования новой юридической дисциплины на основе научной методологии решали разные русские правоведы XIX века. Вместе с тем наибольшую роль, как известно, сыграли концепции общей теории права Н.М. Коркунова (1853–1904) и Г.Ф. Шершеневича (1863–1812). Однако их общеправовые учения являются завершающей стадией того процесса, истоки которого лежат в исследованиях рус-

ских юристов более старшего поколения, предложивших свои концепции общей теории права значительно раньше.

Одним из таких русских теоретиков права является Михаил Николаевич Капустин (1828–1899), кому принадлежит первенство создания общей теории права как самостоятельной юридической дисциплины, являющейся альтернативой энциклопедии права. Необходимо сказать, что М.Н. Капустин оставил большое научное наследие, касающееся самых разных областей юридической науки. Значителен вклад Капустина в теорию международного права, он создал первые учебные руководства по этой дисциплине, теоретически обосновал предмет и методологию науки международного права. Кроме того, он зарекомендовал себя и как историк права. Если ранее юридическая наука ограничивалась историей правовых учений (философии права), то М.Н. Капустин впервые обосновал научные основы всеобщей истории права, что было новым словом не только в российском, но и в мировом правоведении. Этот теоретик уделял значительное внимание и теории гражданского права, значение которого в России того времени существенно возрастало.

Важным обстоятельством является то, что внимание М.Н. Капустина к отраслям юридической науки было обусловлено его общетеоретическими представлениями, его концепцией общей теории права ученого и, соответственно, пониманием сущности права и методов его исследования. Очевидно, что М.Н. Капустин последовательно реализует свои общетеоретические взгляды в своих отраслевых исследованиях, в силу чего они могут рассматриваться как развитие, дополнение и применение его подхода к изучению правовых явлений, которые сочетали в себе идеи естественного права, догматической методологии и исторической школы права.

Необходимость реконструкции теоретической мысли прошлого, столь необходимая современной правовой науке, которая видит в этом возможность познания закономерностей развития теоретической юриспруденции, открытия новых

методологических идей, актуальных для современных исследований, формирования модели правопонимания, не может обойти вниманием учение о праве замечательного русского теоретика Михаила Николаевича Капустина, изучению теоретико-правового творчества которого и посвящается данная монография.

В предлагаемой монографии охарактеризовано российское правоведение второй половины XIX века в контексте его соответствия развивающейся юридической практике, особенностей применяемой методологии и необходимости ее совершенствования; определены основные этапы творческой эволюции М.Н. Капустина, дана их характеристика в контексте решения им проблемы создания общей теории права и разработки научной методологии познания права; выяснены особенности методологического кризиса российского правоведения второй половины XIX века, значение догматического подхода М.Н. Капустина в его преодолении; концептуализированы представления М.Н. Капустина о правовой норме, ее юридической и социальной природе, определяющие их систему и видовые отличия; реконструированы представления М.Н. Капустина о «праве в субъективном смысле» как юридической возможности лица требовать соответствующих действий или бездействий от других лиц; определены представления М.Н. Капустина о всемирной истории права, обусловленной внутренним единством процесса эволюции права, направленной к воплощению идеала справедливости; дана концептуальная оценка учения о международном праве М.Н. Капустина посредством реконструкции представлений об особенностях международных юридических норм, заключающаяся в их конвенциальном характере и, соответственно, в том, что нет института принуждающей силы, характерного для национального права; раскрыто содержание представлений М.Н. Капустина о методах регулирования международных отношений, их диспозитивном характере, невозможности применения императивных методов; охарактеризованы

представления М.Н. Капустина об антропологических, этнографических, конфессиональных свойствах субъектов международного права.

Анализ концепции общей теории права М.Н. Капустина дает возможность выяснить особенности развития правопонимания в период методологического кризиса правоведения в России середины XIX века, формы преодоления русским правоведением недостатков классических школ права.

Важную роль проведенное монографическое исследование играет в реконструкции ряда теоретико-правовых идей М.Н. Капустина, играющих эвристическую роль и в современном правоведении. Представляет интерес сочетание в методологии теоретика идей разных школ правопонимания, актуальна предложенная М.Н. Капустиным концепция всемирной истории права. Эвристическое значение имеют разработанные М.Н. Капустиным критерии эффективности и прогрессивности права.

Особую роль предлагаемая монография играет в преподавании теории государства и права, истории учений о праве и государстве. Проведенное научное исследование восполняет пробел в знаниях об историческом значении теоретико-правового творчества М.Н. Капустина в эволюции российского правоведения, позволяет разрабатывать специальные курсы, лекции, методические рекомендации по изучению творчества этого классика российской юридической науки. Выводы и рекомендации, изложенные в данной книге, могут использоваться в процессе подготовки к проведению занятий по теории государства и права, истории правовых учений, истории учений о праве и государстве.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА В РОССИЙСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ М.Н. КАПУСТИНА

1.1. Основные учения о правопонимании в российском правоведении второй половины XIX века

Историю правовых учений сопровождает непрерывный процесс обновления знаний о праве, их систематизация в контексте общих правовых теорий, основной задачей которых является обоснование представлений о сущности права, его природе как регулятора общественных отношений. Учитывая, что данные теории выступают в качестве некоторого исторического итога эволюции не только правовых учений, но и самого права, общественных отношений, следует указать на историческую обусловленную закономерность их смены, формирование новых теорий, более отвечающих потребностям юридической практики. В этой связи очевидно, что в ходе эволюции правоведения неизбежно возникают периоды, характеризующиеся методологическими затруднениями интерпретации правовых явлений, когда сложившиеся теории правопонимания не способны в полной мере решать стоящие перед ними задачи. Такие периоды принято именовать методологическими кризисами, преодоление которых связано с разработкой новых теорий правопонимания, устраняющих противоречие, возникшее между практикой и теорией.

Важно отметить, что указанные закономерности эволюции правоведения свойственны развитию науки в целом. Речь идет о том, что эволюция научного знания может быть подразделена на периоды, сменяющие друг друга, в зависимости от успешности решаемых наукой задач, и означающие уро-

вень эффективности применяемой наукой методологии, ее способности интерпретировать фиксируемые факты. В этой связи не теряет своего эвристического значения типологизация эволюции научного знания, включающая этапы нормальной, экстраординарной науки и этап научной революции[1]. Первый этап означает нормальное функционирование науки как средства познания действительности, отвечающего цели и задачи науки. На втором этапе возникает противоречие между вновь обнаруженными фактами и возможностями данной науки их интерпретации. Сущность третьего этапа состоит в преодолении данного противоречия посредством перехода к новой методологии познания, означающего возникновение новой научной парадигмы. Так, понятие парадигмы прочно вошло в обиход методологии научного познания, обозначая механизм становления научного знания, структуру его исторической эволюции.

Развитие этих идей, которые дали возможность ответа на вопрос о том, как развивается наука, привело к разработке другой важной теории нашими отечественными методологами науки. В ее основе лежит идея исторической обусловленности типов научной рациональности и их закономерной смены, в результате смены научной парадигмы[2].

Несмотря на то, что данная типологизация исторического процесса эволюции научного знания, методов научного познания была проведена на материале естествознания, прежде всего физической науки, она приобрела универсальное методологическое значение, сегодня став принципиальной основой изучения научного познания. Она имеет большое эвристическое значение и в сфере социально-гуманитарного знания, в том числе и в правоведении. Очевидно, что ключевую роль данная теория должна играть и при изучении истории правовых учений, объясняя закономерности эволюции фун-

[1] *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2009.

[2] *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1996.

даментальной правовой науки, теорий правопонимания и, соответственно, кризисные явления в этой сфере, характеризующиеся как методологический кризис. Такой подход поддержан рядом современных российских теоретиков[1]. В основе их оценки исторических трансформаций правовой науки середины XIX — начала XX века лежит идея о соответствии типов правопонимания историческим типам научной рациональности. Это объясняет природу методологического кризиса российского правоведения того времени, также как и возникновение новых учений правопонимания, в основе которых лежали альтернативные классическим школам (школе естественного права и юридическому позитивизму) подходы к трактовке сущности права.

Фактором, обусловившим необходимость развития правовой науки в рассматриваемый период истории России, были реформы Александра II, существенно изменившие российское общество, структуру управления государством, родившие новые отношения. Речь идет о крестьянской, земской, судебной, городской реформах, о реформе управления на местах, проходивших в период с 1861 по 1870 год. Значительное влияние на развитие правоведения оказало и принятие нового университетского устава, принятого 30 июня 1863 года. Примечательно, что, начиная с 1838 года, правоведение как дисциплина было изъято из преподавания, заменено на законоведение, подразумевавшее преподавание будущим юристам законов Российской империи. Новый же устав возвращал не только преподавание, но и философию политики, философию права, тем самым создавая условия для развития фундаментальной науки права, жестко не отождест-

[1] *Поляков А.В.* Философия права Льва Петражицкого // Кодекс. Правовой научно-практический журнал. 2000. № 1; *Поляков А.В.* Государственно-правовое учение Н.М. Коркунова // Кодекс info. 2002. № 5–6; *Тимошина Е.В.* Стандарты научности в теории права: классическая и неклассическая парадигмы в социогуманитарном знании // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2011.

вляя право и закон. Кроме того, судебная реформа, развитие юридической практики требовало обобщающих теорий фундаментального характера, разработки системы общих юридических понятий, интегрирующих разрозненное юридическое знание. Все это создавало предпосылки для критического переосмысления господствовавших теорий правопонимания, на основе которых невозможно было решить эти задачи.

Не только философия права, классическая версия которой смыкалась со школой естественного права, в силу апелляции к априорному, умозрительному методу, не могла решить стоявшие перед русским правоведением исторические задачи, но и распространявшийся в России юридический позитивизм, отличавшийся формальным подходом к праву. Так, умозрительность классической версии философии права, апеллировавшей к рационализму как к основе своей методологии и опирающейся на идею естественного права, придававшей праву значение универсальности и внеисторичности, походила, скорее, на музейный экспонат, нежели на инструмент решения практических задач, стоявших не только перед юристами, но и перед всем обществом. В то же время юридический позитивизм, который, начиная с обоснованного Дж. Остиным размежевания моральной философии и науки права, триумфально распространился в мире в качестве единственно возможного научного способа познания права, но оказывался несостоятельным в решении тех же задач, в силу того, что их постановка и, соответственно, решение исключалась природой этого правопонимания, отождествлявшего право и закон, сводившего свою задачу к анализу действующего законодательства.

Природа методологического кризиса российского правоведения рассматриваемого периода состояла в неспособности классических школ правопонимания обеспечить эффективное познание новой правовой действительности. При этом основу методологии составлял способ интерпретации сущности права, таким образом отождествляя проблемы создания

эвристически значимого метода и разработки новой теории правопонимания как основы юридической доктрины. Столь бурное развитие российского правоведения пореформенного периода, со всем разнообразием появлявшихся подходов к праву, возникновение принципиально новых теорий права, в том числе обоснование общей теории права, является свидетельством методологического кризиса, стремлением его преодоления посредством перехода от экстраординарной модели юридической науки к научной революции и, соответственно, к новому типу научной рациональности, фиксируемой в новых теориях правопонимания.

Учитывая разнообразие концепций юридического позитивизма, следует указать на то, что существуют разные его источники. В XIX веке можно выделить три направления юридического позитивизма, восходящих, соответственно, к Дж. Остину, Г. Кельзену и О. Конту. Однако общие мировоззренческие и методологические истоки всех этих направлений сводятся либо к полному отрицанию, либо к существенному ограничению значения естественного права. Так как философский (общеметодологический, мировоззренческий) смысл юридического позитивизма состоит в признании исключительно позитивного знания в качестве единственно достоверного, и, соответственно, в отрицании метафизики как познавательной сферы, ориентированной на умозрительное построение картины мира, то и юридический позитивизм создается для того, чтобы создать науку права, то есть такую науку, которая была бы очищена от всяких оценочных суждений, от метафизики, имела четкую эмпирическую сферу исследования в качестве предмета и соответствующую методологию, не подверженную субъективности исследователя.

Необходимо отметить, что особое значение в преодолении методологического кризиса в российском правоведении имел юридический позитивизм. Именно эта модель правопонимания, ориентировавшая на объективность знания посредством отказа от умозрительности и оценочного характера знаний,

также как и эмпирически строго определенный предмет исследования в виде действующего позитивного права, представлялась оптимальной на пути построения новой науки права. То есть юридический позитивизм рассматривался в качестве метода. Однако в новых исторических условиях, в которых существовала российская правовая наука, высокая оценка значения этого метода для науки права была сопряжена с критикой жесткого отождествления права и закона, лежащего в основе позитивистского правопонимания. Таким образом, задача обоснования нового способа познания права мыслилась как задача обновления (не отказа) классических школ юриспруденции.

Учитывая ту роль, которую сыграли классические школы правопонимания в развитии правоведения, следует отметить их непреходящую историческую ценность, выразившуюся в выработке и обосновании системы понятий, правовых начал, ценностей, легших в основу современного права. Прежде всего следует констатировать непреходящее значение понимания роли метода в науке вообще и в науке права в частности. Рационализм и эмпиризм XVII века есть два альтернативных способа познания действительности, каждый из которых занял свое историческое место в науке. Между тем следует признать и то, что современное правоведение берет начало именно в школе естественного права, в рационалистической традиции, в доверии к разуму как к законодателю универсума, диктующего свои универсальные принципы и праву. Тем не менее исторические преимущества данной школы естественного права означают и ее историческую ограниченность. Речь идет о том, что, отвечая на вопрос о векторе реформирования государства и общества, эта школа мало что могла предложить практике правоприменения, актуальность которой возрастает по мере развития новых отношений и необходимости совершенствования техники применения права и законотворчества.

Очевидно, не является случайным тот факт, что философский позитивизм возник во Франции в 30-х годах XIX века,

также как не является случайным, что юридический позитивизм возник в Англии примерно в то же время. Тогда вопрос о понимании права стал непосредственно увязываться с вопросом о применении права, а гносеологическое значение правопонимания уступило место практическим задачам правоприменительной деятельности. В данном контексте никто не сомневался в важности для правопонимания и оценки действующего законодательства метафизики, моральной философии. Сомнение распространялось лишь на ее научную состоятельность, на способность решать обозначенные задачи. Поэтому юридический позитивизм начинается с исключения всяких оценочных суждений из контекста научного познания права. Научное же познание вообще, также как и научное познание права начинается с эмпирически фиксируемых объектов, предмета исследования, не подверженного изменению под воздействием субъективных факторов. Таковыми объектами в науке права должно рассматриваться позитивное право, законодательство. А доминирующим в правоведении методом должна быть формальная логика, ставшая основой формально-догматической методологии юридического позитивизма.

В российском правоведении пореформенного периода истории России культивировались все школы правопонимания, известные юридической науке. В том числе речь идет о разных вариантах юридического позитивизма и школы естественного права, большое распространение получила и историческая школа юристов. По некоторым оценкам, «Исследование онтологических и гносеологических проблем теории права способствовали синтезу учений о понимании и применении права, вместе с чем сохранялась конкуренция правовых концепций, основанная на определенных методологических подходах. Формально-догматический метод представлял правоприменителю необходимые категории и понятия для принятия решений на основании формально закрепленных норм права. Этим оправдывалось применение норм любого содержания. В социологическом позитивизме прида-

валось решающее значение социальной обусловленности процесса применения права, в котором творчество правоприменителя преодолевало несовершенство догматических приемов и законодательства. В позитивистских концепциях права, связанных с естествознанием, правоприменитель ориентировался на то, чтобы руководствоваться законами юридической статики (юридический позитивизм) и динамики (социологический позитивизм). В естественно-правовом направлении «вечные» законы (нравственные императивы) в учениях о применении права были основаны на аксиологическом оправдании принимаемых решений»[1].

Не случайным представляется распространение в России исторической школы права, которая чаще всего проявлялась в приверженности к историческому подходу при изучении правовых институтов. С одной стороны, она, очевидно, имела значение компромисса между школой естественного права и юридическим позитивизмом, преодолевая как умозрительность одной школы, так и формализм другой. С другой стороны, провозглашая народный дух в качестве неюридического источника права, интерпретируя право как его формы, создаваемые усилиями юристов, объясняя существующее разнообразие права в мире, она обладала значительным консервативным потенциалом, востребованным значительной частью российских юристов.

Тем не менее приверженность позитивизму в русском правоведении оставалась высокой. Однако в сложившихся исторических условиях существования юридической науки позитивистская методология претерпевала значительные изменения в трудах русских теоретиков права. По сути дела, невозможно найти хотя бы одного русского юриста-теоретика, который бы был привержен какой-либо из классических версий юридического позитивизма, не намеревавшегося его подправить и чем-то дополнить. Как правило, мы видим симбиоз

[1] *Лиска О.М.* Учения о правоприменении права в России во второй половине XIX — начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

идей разных теорий правопонимания, который претендует на новый подход к познанию права. Так, например, догматизм, не просто соседствует, но выступает в альянсе с историческим подходом к праву, при этом допуская в контекст теории идею естественного права, рассматривая ее в качестве важного условия существования общей теории права.

Однако сама тенденция позитивизации юридического научного знания все же состояла в придании особой роли, которую в нем должен играть юридический факт, интерпретируемый, правда, далеко не всегда в современном значении этого термина. По нашему мнению, следует принять во внимание точку зрения, согласно которой «Если в основу широко понимаемого юридического позитивизма класть положение о праве как социальном факте, что позволяет объединить этатистский и «социологический» позитивизм в их неприятии спекулятивного способа познания, то их философско-методологические основания также будут иметь качественные различия. Если в этатистской версии юридического позитивизма действительность позитивного права (*positive law*) связывается с его установленностью (*posited*) носителем верховной власти (*sovereign position*), то действительность права в концепциях социологического позитивизма — есть его социальная действенность, реальное определение правового поведения адресатов. Первая группа концепций имеет несомненные теологические, метафизические основания, поскольку омнипотенция государства как носителя суверенной власти следует из того, что оно занимает место Бога. Концепции социологического позитивизма являются, скорее, развитием ряда методологических установок философского позитивизма О. Конта, исключавшего как сверхъестественные, так и метафизические концепты из предмета позитивной науки»[1].

[1] *Михайлов А.М.* К вопросу о философско-методологических основаниях английского юридического позитивизма XIX столетия (правовые учения Й. Бентама и Дж. Остина) // Право и политика. 2020. № 11.

Учитывая, что интерпретация профиля юридического позитивизма «зависит от уяснения его философско-методологических и мировоззренческих ориентаций»[1], необходимо принять во внимание общие методологические установки разных его школ, рожденных на почве разных философско-методологических позиций. Так, очевиден характерный для классической английской философии сенсуализм учений классиков юридического позитивизма, прежде всего Дж. Остина. Он выражен в эмпиризме, который, в свою очередь, проявляет себя в отождествлении права и закона, в этатизме — в установке, что нет права без государства. С другой стороны, мы видим отказ от эмпиризма в нормативной теории права Г. Кельзена, который, скорее, опирается на методологические традиции классической немецкой философии, взяв из нее за основу рафинированный рационализм, позволивший обосновать право как нормативную систему.

Эмпирически ориентированный позитивизм в теоретической юриспруденции, по нашему мнению, имеет следующую совокупность признаков, присущих большинству его моделей.

Прежде всего, сама возможность позитивного знания о праве обосновывается на основе разделения реальности на две части (должное и сущее). При этом научность правоведения обосновывается отказом от изучения должного, составляющего предмет моральной философии. Только сущее может выступать в качестве такого предмета.

Помимо этого, важным его свойством является мысль о том, что лишь воля властного субъекта может рассматриваться в качестве источника права. Право — это итог его деятельности, преследующей соответствующие цели. При этом юридическое значение такое нормотворчество приобретает в силу установленных процедур.

Другим свойством должна быть признана формализация правопонимания, то есть отказ от содержательного нравствен-

[1] *Зорькин В.Д.* Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 24.

ного социального контекста нормы (закона), состоящего в отождествлении права с правилом поведения, соответствующего известным формальным принципам.

Следующее свойство юридического позитивизма сводится к интерпретации принудительности в качестве основного признака права.

В качестве последнего свойства необходимо указать на признание юридическими позитивистами значения языка права, который не только имеет свою специфику, термины которого далеко не всегда сводимы к терминам обычного языка, но который обладает своей внутренней смысловой и логической структурой.

Характеризуя юридический позитивизм как тип правопонимания и методологию познания права, нельзя не обратить внимание на его сходство с историческим подходом к праву. Историческая школа в той же мере культивирует эмпиризм, как и юридический позитивизм. И для той, и для другой школы право есть юридическая норма, закон, что придает им твердую почву объективности. Однако особенности правопонимания вносят свои коррективы. Позитивизм удовлетворяется отождествлением права с действующим законодательством, тогда как для исторической школы важным является историческая генеалогия действующей нормы закона. Для последней принципиальное значение имеет определение смысла юридического института, который определяется исследованием истории его возникновения, того, какие задачи он решал в момент возникновения, чего нет в позитивизме. Так, согласно одному из авторитетных мнений, Савиньи «видел предназначение юриспруденции в познании правовых норм, в их систематической взаимосвязи, их взаимной обусловленности и производности, что имело целью проследить генеалогию каждой нормы вплоть до лежащего в ее основе принципа и получить, таким образом, возможность доходить до ее наиболее конкретных выражений»[1].

[1] *Кленнер Г.* От права природы к природе права. М., 1988. С. 225.

Однако и первая, и вторая школы права, создававшиеся в качестве способов создания научных основ изучения правовой действительности, были едины во мнении, что наука права возможна лишь как эмпирическое изучение права, где норма и институт выступают в качестве первоклеточки исследования. Их анализ и обобщение должны вести к общим принципам, составляющим содержание правовой науки, которые, в свою очередь, ориентированы на юридическую практику. При этом многие российские сторонники юридического позитивизма, отдавая должное исторической школе, признававшей неюридический источник права в виде народного духа, отмечая значение исторического подхода к праву, видели главный ее недостаток в его абсолютизации. По мнению одного из русских юристов, сторонников социологического подхода, именно это не позволило столь перспективному учению дойти до признания существования права в догосударственном состоянии[1].

По нашему мнению, в силу указанных обстоятельств, не следует прямой источник юридического позитивизма искать в позитивистской философии Огюста Конта. История российского правоведения прямо указывает, что дальнейшая его эволюция, связанная с разработкой модели социологического позитивизма и социологического правопонимания, связана с исторической школой юристов. Очевидно, что преодоление недостатков методологии, на один из которых прямо указывал Гамбаров, неизбежно вели к социологической интерпретации права, его расширительной трактовке, выводя из-под жесткой опеки закона за пределы государственных явлений.

Приведенный анализ процесса эволюции школ правопонимания в европейском правоведении необходим для уяснения смысла процессов формирования науки права в России, которая была интегрирована в контекст европейских стандартов образования и науки того времени. Соответственно,

[1] *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 17.

те кризисные явления в методологии познания права, внешне выражающиеся в конкуренции разных школ правопонимания, характерные для европейского правоведения, были характерны и для отечественной науки права.

Необходимо принимать во внимание существенную зависимость как российской науки в целом, так и российского правоведения от европейских школ. Черты самобытности российскому правоведению стали присущи лишь во второй половине XIX века. В предшествующий же период, несмотря на целый ряд оригинальных учений, российское правоведение было компилятивным. Более того, длительное время профессура русских университетов формировалась преимущественно западноевропейскими кадрами. Начало XIX столетия было ознаменовано намерением формирования отечественной профессуры собственными кадрами. С этой целью в апреле 1802 года Александром I был создан так называемый профессорский университет в Дерпте (ныне Тарту) — Императорский Дерптский университет, который в том числе имел функцию подготовки профессорских кадров для русских университетов. Однако преимущественно культивировалась другая практика, состоящая в направлении выпускников русских университетов в командировку на два года в ведущие университеты Германии для подготовки к профессорскому званию, состоящему в написании диссертации. Таким образом, русские профессора того времени были носителями преимущественно немецкой традиции правоведения. Так, теории правопонимания, имевшие место в те годы в Германии, в той же мере были распространены и в России. Исключение, очевидно, составляет религиозно-теологическое правопонимание, которое в российском правоведении причудливо вступало в симбиоз со школой естественного права, исторической школой права и даже с юридическим позитивизмом, обретая форму единой конструкции правопонимания синтетического вида. Возможно, данный факт объясняется тем, что многие профессора получали базовое образование в духовных акаде-

миях, то есть религиозное образование. Альтернативы этому долгое время не существовало, так как количество университетов и, соответственно, образованных людей было в России недостаточно.

Несмотря на значительную зависимость российского правоведения от западноевропейского, российской истории правовых учений известны и оригинальные, самобытные учения. Правовое учение З.А. Горюшкина (1748–1821) является одним из таких. В.А. Томсинов в одной из своих статей дает следующую оценку его творчеству: «Несмотря на запутанность предложенной З.А. Горюшкиным систематики законодательства, а также другие недостатки его научных работ, многие из высказанных им мыслей оказались по-настоящему ценным вкладом в русскую правовую культуру. В частности, Горюшкин предвосхитил главнейшие из идей «исторической школы права», возобладавшей в русском правоведении во второй трети XIX века. В главном своем труде он попытался дать обзор истории русского права... Самое главное, однако, заключается в том, что он не заимствовал слепо чужие теории, чужеродные для русской общественной жизни, но старался создать собственную, более пригодную для русских условий правовую доктрину»[1]. Идеи исторического изучения права высказывали также Д.С. Аничков (1733–1788) и С.Е. Десницкий (1740–1789). По нашему мнению, правы те авторы, которые считают, что «исторический метод исследования правовых явлений был использован отечественными законоведами самостоятельно, еще до появления исторической школы права в Германии...»[2]. Школа естественного права в первой половине столетия, очевидно, не создала оригинальных учений. Однако было важно последовательное проведение идей этой школы. В этом смысле нельзя не отметить значение та-

[1] *Томсинов В.А.* Русский законоискусник Захар Аникеевич Горюшкин (1748–1821) // Закон. 2009. № 6.

[2] *Ячменев Ю.В.* Правовая теория К.А. Неволина (истоки естественно-правовой мысли в России): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. С. 8.

ких правоведов этого времени, как А.П. Куницын (1783–1840) и Л.А. Цветаев (1777–1835)[1].

Школа естественного права в начале этого столетия официально была придана забвению, если не сказать — запрету. Либеральная ангажированность этой школы не вписывалась в контуры консервативной государственной идеологии, сменившей игры в идеи свободы и равенства Александра I, закончившиеся дворянской смутой декабря 1825 года. Как отмечалось выше, изъятое из университетских уставов правоведение было заменено на законоведение, что означало фактический запрет рассуждений на тему о природе права и его идее, позитивистское отождествление права и закона.

Однако это время родило, по крайней мере, одного выдающегося русского правоведа, в некотором смысле опередившим созданным им учением свое время. Речь идет о русском юристе К.А. Неволине и его концепции энциклопедии законоведения. Его учение было консервативным, в полной мере отвечающем линии государственной политики. Однако нельзя сказать, что консерватизм этого теоретика выразился в полном отрицании значения идеи права в юридической теории. Его учение явилось образцом соединения всей совокупности существовавших в то время подходов к правопониманию. При этом нельзя сказать, что попытка данного соединения была эклектичной.

Так, следует выделить два, несомненно, положительных результата творчества Неволина для эволюции российского правоведения XIX века. Первый из них связан с самим фактом создания первого отечественного учебника по общему праву — энциклопедии законоведения, в котором обоснованы теоретические начала закона (правды), представлена общая теория закона. Известно, что этот опыт был уникален не только для России, но и для мировой практики, еще никогда не предпринималась попытка создания такой общей теории.

[1] *Цветаев Л.А.* Начертание теории законов. М.: Университетская типография, 1816.

Другой положительный результат состоит в обосновании и развитии идей, которые в дальнейшем станут играть основополагающую роль в таких школах правопонимания, как историческая и позитивная. Историзм в трудах Неволина, в его соединении с эмпиризмом исследования, играл роль метода, решающего задачу интерпретации разнообразия права в мире. Что касается начал позитивного правопонимания, которые стали распространяться в России лишь с 1840-х годов, то он выражался в стремлении основывать общие теоретические положения на анализе закона, в котором реализована идея законодательства. Объективной основой позитивизма этого времени была необходимость отождествления права и закона, обусловленная официальной точкой зрения. В подобном положении оказались все правоведы. Так, после принятия нового университетского устава один из современников К.А. Неволина писал: «В Своде законов стали искать всего нашего действующего права, между тем как Свод этот был составлен только из законов; отсюда явилось предположение, будто действующее законодательство и есть действующее право вообще; следовательно, источник права есть только законодательство; следовательно, право и законодательство суть выражения тождественные; следовательно — изучать законодательство, значит, изучать право; следовательно, знание, ведение законов, законоведение, есть знание, ведение права вообще, правоведение»[1]. Как пишет один современный исследователь, «Эти тенденции были усилены, когда в 40-е годы XIX века в Россию стали проникать идеи позитивизма, которые приравнивали действующее законодательство к праву вообще»[2].

Таким образом, позитивистскими правовые исследования этого времени можно признать лишь по их формаль-

[1] *Редкин П.Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 3.

[2] *Лицук А.А.* Проблема метода в философии права К.А. Неволина // TEMPUS ET MEMORIA. 2008. Т. 3. № 6.

ному результату, но не по их методологической причине, не по причине соответствующей теории правопонимания. Как было отмечено выше, распространение позитивизма в нашей стране относится к 1840-м годам. А первые оригинальные концепции были созданы спустя два десятилетия. Они создавались как попытка преодоления методологического кризиса посредством создания общей теории права, основанной на догматической методологии, сочетающей в себе идеи исторического подхода и естественного права. Первым таким русским правоведом был М.Н. Капустин, известный не только своей общественной и государственной деятельностью, но первой попыткой разработки общей теории права[1]. Перед этим теоретиком, как и перед всеми правоведами второй половины XIX века, стояла задача преодоления методологического кризиса, внешне выражаемого в конкуренции разных школ правопонимания, но имеющего внутренний источник в противоречии между культивируемыми ими способами изучения права и запросами развивающейся юридической практики. Тот пробел, который должен был заполнить теоретик права указанного периода, состоял в отсутствии системы общих теоретических понятий, обобщающих юридическую практику. То есть речь идет о необходимости создания догматики права, что требовало теоретически обоснованного ответа на вопрос о методологических возможностях той или иной модели правопонимания в решении данной задачи. Именно таким образом следует рассматривать перспективу преодоления методологического кризиса русского (и европейского) правоведения, исторически нашедшую подтверждение в концепциях общей теории права русских юристов. Первую из таких концепций предложил Михаил Николаевич Капустин, обосновав свой оригинальный подход к решению обозначенных выше проблем.

[1] *Капустин М.Н.* Теория права (Юридическая догматика). М.: Катков и Ко, 1868.

ВЫВОДЫ

Во-первых, разнообразие теорий правопонимания второй половины XIX — начала XX века. является результатом кризисного состояния российского правоведения этого времени, начавшегося его перехода к новому типу научной рациональности в форме новой альтернативной классическим школам правопонимания модели правопонимания, методологически снимающей противоречие между потребностями юридической практики и фундаментальной правовой теорией.

Во-вторых, критика классических школ правопонимания явилась неизбежным результатом разработки становления новой юридической теории. При этом задача ее разработки решалась не путем отрицания классических школ юриспруденции, а посредством их обновления. Так, современный позитивизм, как правило, рассматривался как методология, не в полной мере воплотившая его принципы. Историческая же школа права подвергалась критике в силу абсолютизации исторического подхода. Недостаток школы естественного права состоял в априорном характере знания подобных теорий. Таким образом, задача обновления классических школ правопонимания приобретала формы сочетания их идей в рамках одной конструкции правопонимания, создания на ее базе общей теории права.

В-третьих, юридический позитивизм возникает с исключения всяких оценочных суждений из контекста научного познания права. Научное же познание права начинается с эмпирически фиксируемых объектов, предмета исследования, не подверженного изменению под воздействием субъективных факторов. Таковыми объектами в науке права должно рассматриваться позитивное право, законодательство. А доминирующим в правоведении методом должна быть формальная логика, ставшая основой формально-догматической методологии юридического позитивизма.

В-четвертых, создание новой модели правопонимания и общей теории права интерпретировалось в контексте связи

юридической науки и юридической практики. Так, востребованность той или иной модели правопонимания оценивалась в контексте той совокупности задач, которые она могла решать, способствуя более эффективному применению права, в правотворчестве, принятии судебных и управленческих решений. Поэтому критика классических школ правопонимания базировалась на идее их несостоятельности в контексте юридической практики.

В-пятых, эмпирически ориентированный юридический позитивизм имеет следующую совокупность признаков, присущих большинству его моделей: научность правоведения обосновывается отказом от изучения должного, составляющего предмет моральной философии. Только сущее может выступать в качестве такого предмета; лишь воля властного субъекта может рассматриваться в качестве источника права, а его нормотворчество приобретает силу установленных процедур; формализация правопонимания, состоящая в отождествлении права с правилом поведения, соответствующего известным формальным принципам; интерпретация принудительности в качестве основного признака права.

В-шестых, формальная близость юридического позитивизма и исторической школы права состоит в роли эмпирического исследования права, которое придается их теориями. В то же время существенно отличаются методологические предпосылки такого эмпиризма. Если эмпиризм исторической школы права обусловлен необходимостью исторического исследования института, позволяющего выяснить истоки его регулятивного смысла, то эмпиризм юридического позитивизма связан с отождествлением права и действующего законодательства, доступного опыту.

В-седьмых, распространение в российском правоведении середины XIX века всех известных в Западной Европе школ правопонимания объясняется его значительной зависимостью от западноевропейских учений. Однако в России предпринимаются эффективные попытки создания оригинальных

правовых учений, особенность которых состоит в сочетании идей разных школ в рамках единой теоретической конструкции. Как правило, подобные попытки предпринимаются в контексте создания общей теории права.

В-восьмых, начала позитивного правопонимания стали распространяться в России с 1840-х годов, выражаясь в стремлении обосновывать общие теоретические положения анализом закона, в котором реализована идея законодательства. Источником этого нельзя рассматривать концепции законоведения, в которых, как правило, право отождествлялось с законом не в силу специфики правопонимания, а в силу необходимости следования консервативному идеологическому курсу государства. Подобные концепции можно рассматривать как позитивистские лишь по их формальному результату, но не по их методологическим предпосылкам.

1.2. Теоретико-методологические и исторические предпосылки становления правовых взглядов М.Н. Капустина

В XIX веке российское правоведение проделало сложный путь эволюции, от полной зависимости от западноевропейских правовых учений, часто выражающейся в прямой компиляции известным правовым теориям, подражании классическим французским, немецким и английским образцам политико-правовой мысли, до создания оригинальных концепций, направлений и школ правопонимания, признанных в качестве выдающихся образцов теоретической мысли, имеющих огромное влияние на мировую науку права. Внутренняя логика этого процесса остается за рамками настоящего исследования, она требует специального анализа, позволяющего вскрыть закономерности этой эволюции. Также как требует особого исследовательского внимания и система экономических, политических, социальных факторов, определивших процесс этой эволюции. Но остается несомненным положение о том, что развитие правоведения непосредственно связано с измене-

нием социального и политического значения права, произошедшего в пореформенную эпоху, востребованностью юридической практикой его научного изучения, обобщением юридического знания на основе новых подходов, иным значением правовой науки.

Вместе с тем следует учитывать то обстоятельство, что данный процесс эволюции, сколь объективным он не был бы, имеет субъективную форму выражения. Развитие правоведения всегда связано с деятельностью конкретных личностей, решающих задачи, стоящие перед наукой. В этом смысле он приобретает форму истории правовых учений, где каждый этап эволюции обозначен значимыми открытиями, коренным образом изменяющими подходы к изучению политико-правовой действительности, определяющими направление ее дальнейшей эволюции. Однако следует указать и на то, что эти выдающиеся личности осуществляли свою деятельность в определенном когнитивном поле, в системе учений и правовых теорий, которые, хотя и не признаны в качестве столь же выдающихся, создавали тот необходимый эвристический контекст, без которого были бы невозможны новые прорывные методологические решения. Имена этих ученых-правоведов не столь широко известны, а порой о них осведомлены лишь специалисты в области истории правовых учений узкого профиля. Но учитывая роль теорий этих юристов, которую они сыграли в накоплении теоретико-правовых знаний, определении направления эволюции правовой науки, создании новых методологических подходов, их значение является не меньшим.

В этой связи следует подчеркнуть значение открытия все новых и новых имен русских правоведов, начиная с конца прошлого века, когда чрезвычайно возрос интерес к отечественному теоретико-правовому наследию прошлого, роль которого умалчивалась идеологически ангажированным советским социально-гуманитарным знанием. При этом очевидно, что несмотря на выдающееся значение учений русских

правоведов пореформенной эпохи XIX века, свою немалую роль в становлении российской правовой науки сыграли и правовые мыслители первой половины столетия. Их учения не столь оригинальны, они страдают методологическим эклектизмом, во многом зависят от доминирующих в то время западноевропейских учений. Тем не менее естественно-правовые воззрения Л.А. Цветаева (1777–1835), А.П. Куницына (1783–1840), З.А. Горюшкина (1748–1821), М.М. Сперанского (1772–1739), К.А. Неволина (1806–1855) являются необходимой частью развития отечественной правовой науки, став теоретико-методологической базой учений не одного поколения русских юристов, некоторые из которых внесли свой вклад в русское правоведение второй половины столетия. Тем более, что, несмотря на указанную зависимость от западноевропейских источников, некоторые из данных мыслителей опередили многие методологические идеи, получившие распространение позже. Речь идет об идеях исторического правопонимания, которыми руководствовались в своих исследованиях З.А. Горюшкин, К.А. Неволин, о началах эмпиризма и позитивизма, пришедших из Западной Европы лишь в 1840-е годы, и нашедшие применение в комплексе с идеями других типов правопонимания. Несмотря на синкретизм методологии, характерный для многих учений этого времени, необходимо указать на роль отмеченных идей в эволюции русского правоведения.

Несомненно, что выдающиеся достижения русского правоведения второй половины XIX века связаны с распространением и методологическим обоснованием догматического подхода к изучению права, рассматриваемого в качестве наиболее научного в совокупности существовавших способов его изучения. Речь идет о юридическом позитивизме и его методологии, которая в середине этого столетия еще не имела строгих формально-догматических рамок, апеллируя к подражанию естествознанию, к натурализму, распространенному в связи с бурным развитием биологии. Догматический метод

был альтернативой юридическому позитивизму того времени, в чистом виде олицетворяя саму идею юридического позитивизма, ориентированного на изучение эмпирически фиксируемых правовых явлений (фактов). Но в России данный метод сочетался с укоренившимся ранее историческим подходом, игравшим значительную методологическую роль. Учитывая быстрое распространение «социологического принципа» в правопонимании, понятно, что такой симбиоз родил оригинальные подходы. Так, русские юристы-теоретики никогда не были правомерными позитивистами, несмотря на то, что позиционировали себя в этом качестве. Им был чужд узкий этатистский подход к праву, отождествляющий право с законом, государством. Стремясь, вопреки позитивистским установкам своего мышления, решить вопрос о природе права, ответить на вопрос о том, что такое право как таковое, они были склонны включать в свою методологию идеи исторической школы права, социологического правопонимания, по сути дела создавая прецеденты нового подхода. Так, расширительный подход к интерпретации права стал одной из определяющих черт наиболее выдающихся правовых теорий второй половины XIX века, а социологический подход (социологическое правопонимание), хотя и распространенный прежде всего в Германии того времени, получил необходимую теоретическую форму в русском правоведении.

В связи с этим нельзя не указать на значение общей теории права Н.М. Коркунова (1853–1904), вместе с применяемым в ней социологическим подходом, рассматриваемой как необходимая стадия эволюции мирового теоретического правового научного знания[1].

Идея общего учения о праве всегда присутствовала в русском правоведении, выражаясь в той или иной форме. Она была обусловлена необходимостью общего знания о праве, интегрировавшего разные его сферы на основе определения

[1] *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Магазин Н.К. Мартынова, 1914.

его сущности. Такую цель преследовали естественно-правовые учения, апеллировавшие, как правило, к разумным основаниям феномена права, создавая умозрительные учения, имеющие лишь опосредованную связь с юридической практикой. Энциклопедия законоведения, имевшая прежде всего значение вводного курса для будущих юристов, включавшая обзор всех существовавших областей юридического знания, также решала эту задачу. Но в российском правоведении были и иные примеры. Один из них — «Энциклопедия законоведения» К.А. Неволина[1], который ставил перед собой задачу не общего обзора всех юридических наук, а создание общей теории закона. Такая постановка задачи, мотивированная целью создания научной дисциплины со своими самостоятельным предметом, задачами и методологией, опережала свое время. Западноевропейское правоведение не знало такого примера, что объясняет интерес его представителей к данной работе русского теоретика. Несмотря на умозрительность методологической основы своего учения, он использовал идеи историзма и эмпиризма, в его учении можно найти и начала позитивизма. Тем не менее данная попытка представляет интерес лишь как первый пример создания общей теории права (закона), но не как новое направление теоретико-правовой мысли.

Не случайно идея К.А. Неволина не была понята его современниками, не нашла последователей, а о его творчестве упоминается некоторыми из них лишь в контексте застоя в правовой науке того времени, господством в университетском образовании изучения действующего законодательства, заменяющего собой изучение права. Во второй половине этого столетия ситуация существенно изменяется, прежде всего в отношении к юридической профессии, к праву, которое приобретает несоизмеримо более высокую ценность. Эволюция правоведения, обусловленная развитием юриди-

[1] *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения // Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 1 «Энциклопедия законоведения». СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857.

ческой практики, в том числе судебной реформой 1863 года, поставила новые проблемы, одной из которых было создание общей теории права и новой модели правопонимания, наиболее адекватно отражающей природу юридической деятельности. Н.М. Коркуновым, решившим эту задачу, данная цель создания общей теории права осмысливалась в контексте закономерности эволюции юридического знания, требующего нового способа обобщения, альтернативного умозрительной методологии школы естественного права, эклектике энциклопедии законоведения. Источником таких знаний, фиксируемых в системе общих понятий, должна была стать юридическая практика. При этом именно потребности развивающейся юридической практики в методологических ориентирах составляли главный смысл создания общей теории права, которая возвращалась в нее в виде ответа на ключевые вопросы о сущности права, правоотношении, юридическом факте, источнике и права и др. В одной из своих работ, задолго до выхода первого издания «Лекции по общей теории права», он писал: «Условия нашего университетского преподавания требуют от энциклопедиста действительно общего учения о праве, в полном значении этого слова. И этой потребности более или менее удовлетворяют или, по крайней мере, стремятся удовлетворить новые русские юридические энциклопедии... достаточно, для подтверждения сказанного, сослаться на "Очерки юридической энциклопедии" проф. Ренненкампфа и на "Юридическую догматику" проф. Капустина. В этих сочинениях общая часть получила такое развитие, какого мы не найдем ни в одной немецкой энциклопедии, и напечатанная часть курсов этих профессоров не исчерпывается одною общею частью... В нашем университете, Мм. Гг., развитие энциклопедии не остановилось на этом; она получила здесь вполне определенную постановку, как общее учение о праве»[1].

[1] *Коркунов Н.М.* Наука права и естествознание // Коркунов Н.М. Сборник статей. СПб.: Магазин Н.К. Мартынова, 1898. С. 56–57.

Столь высокая оценка методологического значения для правоведения того времени указанных теоретиков является признанием исторической роли их учений об общей теории права. Работа Н.К. Ренненкампфа (1832–1899) «Очерки юридической энциклопедии»[1] существенно отличается своим подходом от работы М.Н. Капустина. Не случайно он написал критическую рецензию на нее, давая оценку в контексте своего понимания этой новой дисциплины[2]. Но остается непреложным фактом, что Михаил Николаевич Капустин (1828–1899) был первым теоретиком, предпринявшим попытку создания такого учения, столь высоко оцененного Н.М. Коркуновым.

Многие выдающиеся правоведы того времени были выходцами из русской глубинки. Таковым был и М.Н. Капустин, прибывший в Москву для получения юридического образования из Екатеринославля. Учитывая, что он прибыл из отдаленной от столиц того времени Малороссии, вызывает удивление его стремительный рост как ученого и как общественного и государственного деятеля. Никогда не оставляя науку, он сделал выдающуюся карьеру в системе образования, высшей ступенью которой была должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и присвоение ему чина тайного советника, соответствующего в то время военному званию генерала-фельдмаршала. Что касается научных интересов М.Н. Капустина, то они охватывали широкий диапазон теоретической юриспруденции. Формировался он как юрист-международник, данная молодая юридическая наука всегда привлекала его внимание, и он оставил немалый след в ней. Кроме этого, он проявлял живейший интерес к науке гражданского права, о чем говорят его работы. Значительный вклад внесен этим правоведом в формирование науки всеоб-

[1] *Ренненкампф Н.К.* Очерки юридической энциклопедии. Киев: Университетские известия, 1868.

[2] *Ренненкампф Н.К.* Замечания об обработке у нас общего учения о праве: по поводу «Юридической догматики проф. Капустина и критич. статей проф. Незабитовского»: Статья 1. Киев: Университетская типография, 1869.

щей истории права, по сути дела, он был первым, кто определил ее предмет, задачи и методологию. Но, очевидно, главным вкладом этого ученого является его концепция общей теории права, методологическое влияние которой (догматический, исторический подходы) повлияло на все сферы юридического знания, к которым он обращался.

М.Н. Капустин закончил юридический факультет Московского императорского университета в числе лучших студентов, получив ученую степень кандидата, которой удостаивались, отнюдь, не все студенты, а лишь те, кто зарекомендовал себя исключительно как талантливый, подающий надежды в качестве ученого и педагога юноша. Степень кандидата была введена в 1803 году, являясь низшей из трех ученых степеней (кандидат, магистр, доктор). Это было начало славной карьеры юноши из глубокой провинции, где далеко не в каждом городе была гимназия, не говоря уже о высших учебных заведениях. Первое учебное заведение в Екатеринославе было открыто в 1793 году, через шесть лет после основания этого губернского города, когда Екатерина II в 1787 году заложила первый камень в основание Преображенского собора[1]. Этим учебным заведением было главное народное училище, на его базе в 1805 году была открыта гимназия, которая несколько раз преобразовывалась. Так, до 1837 года она называлась губернской гимназией, с 1837 — городской, в 1864 году она была переименована в городскую классическую гимназию, а в 1911 году — в первую классическую мужскую гимназию[2]. Соответственно, Михаил Капустин в 1844 году окончил городскую гимназию — Екатеринославскую городскую гимназию.

На время окончания М.Н. Капустиным Екатеринославской гимназии в Украине было всего несколько высших учебных заведений. Не считая институтов благородных девиц, это

[1] Екатеринослав // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. Т. 82. СПб.: Акционерное издательское общество «Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон», 1890–1907.

[2] *Шатров М.А.* Город на трех холмах. Днепропетровск: Промин, 1969.

был Харьковский университет, открытый в 1805 году, открытый в 1817 году Ришельевский лицей в Одессе, который приравнивался к высшим учебным заведениям, Нежинская гимназия высших наук, созданная в 1820 году, и Киевский университет, основанный в 1834 году. То есть система высшего образования в регионах Украины того времени, только начиная свое становление, являясь частью системы образования Российской империи. В большинстве случаев профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений состоял из выпускников вузов центральной России. Это значило, что амбициозному юноше, намеренному получить хорошее образование, посвятить жизнь науке, государственной службе или общественной деятельности, следовало ехать в Москву, Санкт-Петербург или Казань, с целью поступить в расположенные там университеты или иные высшие учебные заведения. Как указано выше, Михаил Николаевич поступил в Московский университет.

На момент окончания М.Н. Капустиным Императорского Московского университета численность его студентов достигла 902 человек, что делало его одним из крупнейших университетов Европы, он находился в периоде расцвета научной деятельности. Примечательно, что, обучаясь на юридическом факультете, Капустин слушал лекции таких выдающихся русских историков, как Т.Н. Грановский (1813–1855), П.Н. Кудрявцев (1816–1858), С.М. Соловьев (1820–1879); таких теоретиков права, как П.Г. Редкин (1808–1891), В.Н. Лешков (1810–1881), К.Д. Кавелин (1818–1885), Н.В. Калачов (1819–1885), И.Д. Беляев (1810–1873)[1]. Особую роль в судьбе М.Н. Капустина сыграл В.Н. Лешков, будучи сторонником славянофильства, он, очевидно, оказал влияние на формиро-

[1] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения 12-го января 1755 года, по день столетнего юбилея 12-го января 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. М.: Университетская типография, 1855. Т. 2.

вание мировоззрения юноши, привил любовь к русской истории и русскому праву, что вылилось в тему его магистерской диссертации, посвященной дипломатическим отношениям России с западноевропейскими странами во второй половине XVII века.

Анализ научных работ молодого Капустина показывает, что его научные интересы и методологические ориентации складываются уже ко времени написания магистерской диссертации, защита которой состоялась в 1853 году. Об этом могут свидетельствовать уже его студенческие работы. Его интерес вызывают работы, посвященные зарубежному законодательству. При этом очерчивается патриотическая позиция молодого исследователя, навеянная славянофильскими идеями. В одной из своих статей он критически оценивает «Общее земское уложение Пруссии», принятое в 1784 году, при этом отмечая, что единство российского права сложилось гораздо раньше, о чем свидетельствует Соборное уложение Алексея Михайловича, принятое в 1649 году. Особый акцент он делал на том, что ни одно европейское государство того времени не имело подобного кодифицированного акта[1].

Очевидно, влияние славянофильских идей, порой принимавших форму охранительной идеологии, на ниве юридической науки определило склонность молодого ученого к идеям исторической школы права, укоренившейся в русской теоретической юриспруденции. Примечательна его рецензия на другую работу, в которой он утверждает, что в судопроизводстве преобладает народное начало. По этой причине, считает он, нет никакого смысла искать общее между законодательствами и судебной системой разных народов, которого не то чтобы нет, его можно найти, но это будет в ущерб полноте и корректности изложения основного предмета исследования[2].

---

[1] *Капустин М.Н.* Историческое обозрение общих законоположений в Пруссии К. Лебедева // Москвитянин. 1849. Ч. 1. Отд. 4. С. 160.

[2] *Капустин М.Н.* Опыт начертания гражданского судопроизводства по российским законам. Сочинение Логина Камбека // Москвитянин. 1849. Ч. 4. Отд. 4. С. 31.

Несмотря на блестящее окончание университета, М.Н. Капустин далеко не сразу смог заняться наукой, стать профессором, заняв кафедру международного права, в соответствии со своими научными интересами. Прежде всего для этого требовалась защита диссертации и получение степени доктора. Кроме того, по невыясненным обстоятельствам, после окончания университета будущий светило науки и тайный советник три года преподавал законоведение в 3-й Московской гимназии. И лишь по истечении этого времени был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора по кафедре всенародного (международного) права. Через год, в 1853 году, Михаил Николаевич защитил диссертацию «Дипломатические сношения России с Западной Европою во второй половине XVII века». А еще через год он уже официально занял должность экстраординарного профессора, когда состоялось его назначение Советом университета[1].

Экстраординарный профессор — должность в российских университетах, также как и во многих университетах Европы, чье образование было построено на принципах системы образования Германии. Она являлась низшей в иерархии должностей профессорско-преподавательского состава. Как правило, на эту должность назначались молодые преподаватели, подающие надежды ученые, которые либо недавно защитили, либо в скором времени собирались защищать магистерскую диссертацию. Данная должность не позволяла получать жалование, а денежное содержание напрямую зависело от количества прочитанных лекций. Так, в отличие от экстраординарного профессора, ординарный профессор получал значительно более высокое жалование, превышающее содержание экстраординарного профессора примерно в два раза. Однако эта должность позволяла окунуться в научную среду университета, что способствовало эволюции молодого ученого. Кроме того, она давала возможность научных командировок. Так,

[1] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 24. Д. 528. Л. 2.

в 1854 году М.Н. Капустин направлен в научную командировку за границу. Согласно официальной формулировке — «с целью усовершенствования его в преподаваемой им науке... для занятий общенародным правом, дипломатией и науками, состоящими с ними в ближайшей связи»[1]. В течение двух лет молодой ученый объездил почти всю Германию, побывал в Генуе. Большой интерес у него вызвал старинный Гейдельбергский университет. Но немалый интерес представлял для него и процесс защиты диссертации. Он критически оценил защиту диссертации в Мюнхенском университете, на которой он побывал. Прежде всего, его удивило отсутствие реального диспута. Он писал: «Наши московские диспуты гораздо живее и оживленнее: здесь докторанты не защищались, а только выслушивали замечания профессоров. Возражения ограничивались одним тезисом, так что собственно диспут длился не более 20 минут; докторанты отговаривались неточностью выражений — и легко могли это сделать при отсутствии печатной диссертации»[2].

Вместе с тем Капустин делится своими впечатлениями и о посещении достопримечательностей, каковыми, по его мнению, полна Германия. В одном из номеров «Русского вестника» он писал: «Сохранившиеся остатки старины в Нюрнберге подали мысль сделать этот город средоточием всех художественных и литературных памятников германских древностей. Король, ученый и литератор, Иоанн Саксонский одобрил такой план и поддержал его своим содействием. Вообще нельзя не заметить той прекрасной роли, которая выпадает всегда на дело Саксонии; это — тихая лампада Германии, зажженная перед наукой и искусством; всмотритесь во все газеты — и вы увидите, что из Дрездена всегда приходят великие

[1] Отчет о состоянии деятельности Московского императорского университета за 1858–1859 академический и 1859 гражданский годы: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 25. Д. 83. Л. 74.

[2] *Капустин М.Н.* Новости и общественные вопросы в Баварии // Русский вестник (Современная летопись). 1857. Т. 8. С. 88–89.

ученые, благотворительные, художественные, — политических не бывает»[1].

После возвращения из загранкомандировки М.Н. Капустин полностью погрузился в преподавательскую и научную деятельность. В 1862 году он становится ординарным профессором, доктором права, читает лекции по международному праву и энциклопедии права, вплоть до 1867 года, когда он был назначен директором приюта для несовершеннолетних преступников. В этот период началась дружба М.Н. Капустина с другим выдающимся русским правоведом и государственным, общественным деятелем, будущим обер-прокурором Священного синода К.П. Победоносцевым (1827–1907). Они были ровесниками. Но сближению способствовала совместная преподавательская деятельность. Так, недавно защитивший магистерскую диссертацию К.П. Победоносцев с 1860 по 1865 год занимал должность профессора того же факультета на кафедре гражданского права. Более тесным связям молодых ученых способствовала их издательская деятельность. Согласно некоторым архивным документам, М.Н. Капустин представлял интересы К.П. Победоносцева в споре, возникшем по поводу опубликования сделанного К.П. Победоносцевым перевода. Причиной спора послужила статья в газете «Русская летопись», предметом которой были условия публикации этого перевода[2]. В архивах сохранилось два письма М.Н. Капустина, адресованных К.П. Победоносцеву по этому поводу. Так, говоря о том, что рукопись К.П. Победоносцева произвела благоприятное впечатление, М.Н. Капустин дает товарищу совет соглашаться на предложенные условия публикации, так как «общество не богато, а потому нужно договариваться, пока у него есть деньги»[3]. О дружеском характере отношений этих молодых

[1] *Капустин М.Н.* Письма из Германии // Русский вестник (современная летопись). 1857. Т. 7. № 4. С. 236.

[2] Русская летопись (приложение к журналу «Русский вестник»). 1861. № 49.

[3] РГИА. Ф. 1574. Д. 81. Капустин Михаил Николаевич. Письма к Победоносцеву Константину Петровичу. Письмо от 25.01.1862.

профессоров свидетельствует как дружеский тон письма, так и некоторые стандартные затрагиваемые в письме темы (нынешнее состояние здоровья М.Н. Капустина), так и речевые обороты («обнимаю Вас»).

Второе письмо является развитием темы публикации перевода, в нем М.Н. Капустин отвечает на оценки К.П. Победоносцевым сложившейся ситуации. Представляя интересы К.П. Победоносцева, поблагодарив его за осведомление о ценах на перевод, он отмечает: «По крайней мере, я буду знать теперь, чего держаться, чтобы быть в состоянии хотя бы приблизительно определить условия»[1].

Эта роль М.Н. Капустина, состоящая в представлении интересов своего ученого друга в печатном деле, объясняется, очевидно, тем, что в данный период К.П. Победоносцев, приглашенный воспитателем великих князей, был занят преподаванием законоведения великому князю Николаю Александровичу, будущему императору.

С 1867 года началось его восхождение по административной лестнице в системе образования Российской империи. Через три года он был назначен директором Демидовского лицея (Ярославль), который был преобразован в высшее учебное заведение. М.Н. Капустин приложил много сил на то, чтобы привлечь к преподаванию в этом вузе лучшие силы российской юридической науки. И усилия его были оправданы.

На этом карьерный рост М.Н. Капустина не закончился. В этой должности он прослужил в течение 13 лет и был вознагражден присвоением чина тайного советника. В 1883 году Капустин, уже известный государственный деятель в сфере высшего юридического образования, авторитетный ученый, культивировавший свой оригинальный подход к разным проблемам современной ему юридической науки, был назначен на пост попечителя Дерптского учебного округа. Как указывают исследователи, «Дерптский учебный округ, включавший

[1] РГИА. Ф. 1574. Д. 81. Капустин Михаил Николаевич. Письма к Победоносцеву Константину Петровичу. Письмо от 08.02.1862.

в себя территорию Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской губерний, был одним из шести учебных округов, созданных по указу императора Александра I 24 января 1803 года. К этому времени в округе уже существовали различные по своему основанию и состоянию учебные заведения. Статья посвящена начальному периоду осуществления образовательных реформ в Дерптском учебном округе, в которых принимал непосредственное участие первый ректор университета профессор Георг Фридрих Паррот»[1]. Учебный округ представлял собой территориальную единицу управления учебными заведениями Министерства народного просвещения. Такая структура управления существовала вплоть до Октябрьской революции (1917), была основана Александром I в 1803 году, когда было образовано шесть таких округов. Необходимо заметить, что, начиная с 1835 года, попечитель является «полным начальником всех учебных заведений округа»[2]. Так, «Деятельность попечителя учебного округа имела государственно-общественный характер и Уставными нормами ему предоставлялись полномочия административного характера по управлению, руководству и организации: учебно-воспитательного процесса, финансово-хозяйственной деятельности учебных заведений округа»[3].

Назначение М.Н. Капустина на эту должность было признанием его заслуг в сфере образования, его авторитета в научной среде. Демидовский лицей долгое время оставался одним из самых престижных юридических вузов в России, а введенная в нем система обучения, включающая, в частности, чтение лекций и их конспектирование студентами, а так-

[1] *Грачева Ю.Е.* Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 33–47.

[2] Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1890. Т. 48. Ярославль: «ТЕРРА»-«TERRA», 1992. С. 546.

[3] *Галиуллина С.Д.* Деятельность попечителя учебного округа // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 241–244.

же переходные экзамены, по статусу и обеспеченному этой системой качеству образовательного процесса не уступала юридическим факультетам ведущих императорских университетов.

В качестве попечителя Дерптского округа М.Н. Капустин проводил большую работу по развитию системы образования в регионе, с его именем связано много полезных для этого мероприятий, оказавших значительное влияние на формирование ученой элиты. В частности, он был инициатором формирования стипендиального фонда для наиболее талантливых студентов. Речь шла не о государственных стипендиях, фонд формировался на пожертвования русской интеллигенции. Примечательно письмо М.Н. Капустина одному из профессоров Московского Императорского университета А.А. Борзенко, в котором он пишет: «Искренне благодарю Вас за то, что откликнулись на мою просьбу, но мои желания гораздо скромнее, чем Вы думаете. Я полагал, что в течение полугода Вы можете собрать среди ваших знакомых и клиентов рублей 200 на стипендию от Москвы... Стипендия, собственно, в Риге требует капитал в 500 рублей (плата за учение 25 рублей), а в прочих городах 300 рублей или даже 200. Лично для меня дорог отзыв Москвы по поводу какого бы то ни было училища. Обещать награду за пожертвования я не в праве, да и не в моих это убеждениях. Ваши товарищи по профессии, знакомые и нуждающиеся в Вас, если захотят дать по 3 или по 2 рубля, так и наберется 200 или 300 рублей»[1].

Успешная служба в должности попечителя Дерптского учебного округа явилась предпосылкой назначения М.Н. Капустина в 1891 году попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Это означало большой карьерный рост М.Н. Капустина как государственного чиновника. Территориально этот округ включал несколько больших административных

[1] Письмо М.Н. Капустина А.А. Борзенко от 02.01.1886 (Ревель) // Михаил Николаевич Капустин и его письма к А.А. Борзенко. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. С. 6.

единиц. В него входили Архангельская, Вологодская, Витебская, Санкт-Петербургская, Новгородская, Псковская и Олонецкая губернии. На его территории, помимо Санкт-Петербургского университета, функционировало больше 8 тысяч учебных заведений, в которых, согласно данным 1915 года, обучалось 349 038 учащихся. Большинство заведений — школы (8312), с количеством обучающихся — 310 839 человек. В этой должности М.Н. Капустин оставался до конца своей жизни (1899)[1].

Несмотря на крайнюю занятость на административной работе, М.Н. Капустин не оставлял и преподавательскую деятельность. Примечательным фактом является то обстоятельство, что он читал лекции по международному праву Николаю II. Как теоретик международного права Капустин был признан не только российским научным сообществом ученых, но и за рубежом. Авторитет ученого М.Н. Капустина объясняет тот факт, что он был членом арбитража в международном споре Франции и Нидерландов по поводу прав на колонию Гвиана.

Примечательным фактом является постоянная потребность М.Н. Капустина в научной и преподавательской деятельности, несмотря на то, что исполнение им обязанностей как государственным служащим высокого ранга поглощало почти все свободное время. В одном из писем молодому ученому А.А. Борзенко, который решал жизненно важную для себя задачу дальнейшего направления развития карьеры (научно-преподавательская деятельность или карьера юриста-практика), он советует, не задумываясь, выбрать первое, а не второе. В искренности и доброжелательности его совета невозможно усомниться. С присущей ему скромностью он писал: «Обращаясь к Вашему личному вопросу, скажу, прежде всего, что Вы обратились к плохому советчику. Я не знаю ничего лучше профессорства, а потому всегда и всякому посо-

[1] *Коротков Ю.Н.* Учебные округа // Российская педагогическая энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1993.

ветую принять место профессора. Вы поставлены в благоприятные условия; не будучи обязаны писать ради денег, Вы можете работать спокойно ради науки и студентов. Не думаю, чтобы адвокатура доставила Вам столько нравственного удовлетворения, сколько дает научная работа. В настоящее время, когда я оторван от науки, я с особенной силой чувствую лишение и готов бы поменять мое попечительство на кафедру... а потому скажу не колеблясь: идите на кафедру; ничего с ней не может сравниться»[1].

Однако это блестящее восхождение М.Н. Капустина на олимп административной лестницы не раскрывает истинного значения его личности как ученого. Поэтому в целях настоящего монографического исследования необходимо проследить его творческое становление как теоретика права, что позволит определить место его правовых концепций в истории правовой мысли России.

Известно, что М.Н. Капустин оставил след во многих областях правоведения, на протяжении всей жизни занимаясь юридической наукой. Об этом свидетельствует перечень тем его работ:

- Дипломатические отношения России с Западной Европой во второй половине XVII века, 1852;
- Обозрение предметов международного права, 1856;
- О значении национальности в международном праве, 1863;
- Очерк истории права в Западной Европе, 1866;
- Этнография и право, 1868;
- Теория права (Юридическая догматика), 1868;
- История права, 1872;
- Международное право, 1873;
- Чтение о политической экономии и финансах, 1879;
- История римского права, 1880;
- Юридическая энциклопедия (Догматика), 1893.

[1] Письмо М.Н. Капустина А.А. Борзенко от 18.01.1886 (Ревель) // Михаил Николаевич Капустин и его письма к А.А. Борзенко. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. С. 7.

Таким образом, очевидны сферы его научных интересов, такие как международное право, история права, гражданское право и теория права. Однако, основываясь на хронологии исследовательского внимания ученого, трудно составить правильное представление о его творческой эволюции. Следует выделить основной критерий оценки его научного творчества, для того чтобы получить ключ к решению этой проблемы. Таким критерием является роль, которую он сыграл в эволюции правоведения, которая может заключаться не столько в его научных заслугах, сколько в актуализации главной проблематики, решаемой правовой наукой в то время. В связи с этим очевидно, что наука международного права при жизни М.Н. Капустина была молодой перспективной развивающейся отраслью. Обращение Капустина к данной проблематике и решение им проблем, стоявших перед данной отраслью, может свидетельствовать об искомом критерии. Действительно, М.Н. Капустин посвятил много работ проблемам международного права, анализу его методов правового регулирования, также как исследованию и определению предмета и метода науки международного права. Учитывая, что в России второй половины позапрошлого столетия было крайне мало оригинальных работ по данной проблеме, следует отметить значение и роль его вклада в общее дело систематизации теоретических представлений о международном праве, выработанных преимущественно в западноевропейском правоведении.

Тем не менее тот оригинальный вклад, который был сделан М.Н. Капустиным в данное направление, равно как и в другие направления правоведения, был обусловлен более глубокими его теоретическими изысканиями, преодолевающими кризисное состояние российского правоведения во второй половине XIX века и, одновременно, открывающего новые перспективы исследований и развития науки права. Речь, конечно, идет об общетеоретических работах М.Н. Капустина. Как было показано в предыдущем параграфе данной

монографии, российское правоведение этого времени испытывало методологические проблемы, связанные с выработкой нового правопонимания, отвечающего требованиям времени, ориентированного на быстро развивающуюся юридическую практику, позволяющего совершенствовать юридическую технику правоприменения и законотворчества. При этом важно, что данная проблема могла быть решена на основе обобщения юридического знания, позволяющего решить фундаментальные проблемы определения природы права, его сущности, выработать систему юридических понятий, источником которых являлись бы не умозрительные умозаключения философии права, а сама юридическая практика.

Такая ситуация, когда возникает необходимость обобщения юридического знания, является закономерным этапом развития правоведения, обусловленного эволюцией права. Как полагал один из классиков российской юридической мысли Н.М. Коркунов, такую роль в соответствующие исторические периоды играли философия права и энциклопедия права, но первая из них грешила умозрительностью своих положений, ее знания, хотя и сыграли положительную роль в эволюции правоведения, были оторваны от реальной юридической практики. Что касается энциклопедии права, то она лишь формально объединяла в составе своего предмета совокупность юридических дисциплин, не углубляясь в решение задачи определения общего юридического знания, которое было необходимо для реального методологического синтеза, выработки общего взгляда на право.

В связи с этим во второй половине XIX века в контексте преподавания юриспруденции в вузах Российской империи возникла традиция предварять изложение основного материала энциклопедии права вводной частью, посвященной разъяснению общих юридических понятий. При этом примечательным обстоятельством было то, что данные понятия, как правило, обосновывались не общими мировоззренческими установками, а анализом юридических норм, как формы со-

циальности и юридического способа регулирования общественных отношений. Это было новым словом в правоведении и началом нового этапа его развития, связанного со становлением общей теории права, востребованной не только как учебная дисциплина, излагающая азы права, но как отрасль науки права, решающая задачу познания общего содержания права, выработки системы понятий на основе анализа данных отраслевого правоведения, с тем, чтобы вернуть их юристам-практикам, как инструменты анализа и принятия решений.

Первая концепция общей теории права возникла благодаря усилиям М.Н. Коркунова, учение которого следует рассматривать в качестве отправной точки дальнейшего триумфального шествия этой науки, дошедшей до нашего времени в виде теории государства и права. Но, возможно, Н.М. Коркунов не смог бы решить этой задачи, если бы году это решение не было бы подготовлено первыми попытками правильно поставить эту проблему и предложить концептуально новый подход к теории права с задачей формулирования системы общих юридических понятий. По сути дела, это являлось первыми прототипами общей теории права.

В связи с приведенными положениями, тот искомый критерий оценки творчества М.Н. Капустина, который мог бы стать основой оценки его творческой эволюции как ученого-правоведа, является его концепция теории права, решающая указанные выше задачи. Как было показано выше, сам Н.М. Коркунов высоко оценивал труд создания подробных концепций, указывая на значение не только работ Капустина, но и другого русского юриста –Ренненкампфа.

Таким образом, формирование концепции общей теории права и, соответственно, научной методологии его изучения, образует тот искомый критерий, о котором идет речь. Ясно, что научные проблемы более частного порядка, в том числе и проблемы с определением науки всеобщей истории права, международного права, следует поставить в зависимость от

решения общетеоретических вопросов. Поэтому этапы концептуально-теоретического оформления этих идей должны совпадать с этапами творческой эволюции М.Н. Капустина.

Таким образом, если принять во внимание тематику написания М.Н. Капустиным его основных работ, то первый этап творческой эволюции следует отнести к периоду с 1852 по 1868 год, его начало обозначено защитой его докторской диссертации «Дипломатические отношения России с Западной Европой во второй половине XVII века», а завершение связано с изданием работы «Теория права (Юридическая догматика)».

Второй этап творческой эволюции охватывает период с 1868 по 1893 год, когда выходит в свет его работа «Юридическая энциклопедия (Догматика)». Поскольку это была последняя из известных работ М.Н. Капустина, можно предположить, что этим завершается его творческая эволюция как ученого.

Можно было бы сказать, что обращение к общетеоретическим проблемам правоведения М.Н. Капустина обусловлено не особым интересом к данной области, а случайностью, связанной с необходимостью читать лекции по энциклопедии законоведения. В 1859 году Московский университет покинул профессор С.Н. Орнатский, который читал курс энциклопедии законоведения. С.Н. Орнатский принадлежал к первому поколению русских профессоров, многие из которых имели высшее духовное образование и проходили обучение под протекторатом М.М. Сперанского, который возглавлял разработанный им проект по подготовке юридических кадров высшей квалификации под эгидой II Его Императорского Величества тайной канцелярии. Двухлетнее обучение в Берлинском университете под руководством Савиньи предопределило его взгляд на сущность права и методологию его изучения. Так, мировоззрение Орнатского сочетало в себе элементы религиозно-теологического правопонимания и исторической школы права и по своему содержанию было

схоже с мировоззрением К.А. Неволина, который, как указывалось в первом параграфе монографии, прошел тот же путь обучения. В своем учении он апеллировал к Закону Вечной Правды, которая постепенно воплощается в законодательстве человечества[1]. Эта идея красной нитью проходила через все его работы и была вполне органична для правопонимания первой половины XIX века. Тем не менее данные общетеоретические положения, хотя и имели значение для концепции этого ученого, не определяли содержание его курса энциклопедии законоведения. Содержание курса сводилось к Своду законов Российской империи, что для того времени было правилом для преподавания этой дисциплины.

Данная историко-биографическая справка необходима для того, чтобы определить значение принципиально нового подхода, реализованного в работе М.Н. Капустина «Теория права (Юридическая догматика)», изданного через 9 лет после начала преподавания им энциклопедии законоведения. Принципиально важное значение имеют два обстоятельства: во-первых, то, что он уклоняется от использования термина «энциклопедия», полагая, что такой термин создает неопределенность предмета и задач дисциплины и, во-вторых, что он позиционирует эту дисциплину как методологически отличную от традиционной энциклопедии права. Есть еще два обстоятельства, которые нельзя не принимать во внимание, а именно, речь идет, во-первых, о том, что после принятия нового устава университетов в 1863 году возникают принципиально иные подходы к изложению общетеоретических курсов, в основе которых часто лежат идеи естественного права, возобновляется интерес к философии права, культивируются и такие модели правопонимания, как историческая

[1] *Орнатский С.Н.* Речь об отношении между общим и частным в законодательстве и законоведении, читанная в торжественном собрании Императорского университета св. Владимира 15 июля 1836 года ординарным профессором, доктором законоведения Орнатским. Киев: Унив. тип., 1840. С. 9.

школа права и юридический позитивизм; во-вторых, учитывая, что к моменту издания этого произведения, М.Н. Капустин имел уже большой опыт преподавания данной дисциплины, следует указать на сложившуюся модель правопонимания и методологию познания права, модель новой дисциплины, наиболее полно отражающей не только потребности юридического преподавания, которое все более ориентировалось на формально-догматический аспект юридического мышления, но и адекватно отражающей потребности юридической науки, уровень ее развития и вектор дальнейшей эволюции.

Как пишет один из современных исследователей творчества М.Н. Капустина, этот теоретик, «учитывая потребность России эпохи Великих реформ в профессионально подготовленных юристах, поставил перед собой задачу создания оригинально учебного курса, опирающегося на достижение крупнейших научных направлений — естественно-правового, позитивистского, исторической школы права»[1]. Это сочетание в методологии идей разных школ права является характерной чертой данного этапа творческой эволюции ученого. Так, например, значительную методологическую роль играет идея естественного права. Конечно, М.Н. Капустин был хорошо знаком с работами выдающихся русских правоведов этого направления. Так, например, Б.Н. Чичерин еще не создал к этому времени своих выдающихся произведений по философии права, но в 1866 году вышла в свет его монография «О народном представительстве»[2], получившая широкую известность. В ней Чичерин с позиции школы естественного права рассматривает проблемы его реализации в государстве, с либеральных позиций он дает оценку института народного

[1] *Яблоков С.А.* Научная деятельность М.Н. Капустина в период работы в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 1. С. 109–128.

[2] *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М.: Типография Грачева и К°, 1866.

представительства как механизма, гарантирующего права человека. Кроме того, нужно подчеркнуть, что после принятия университетского устава 1863 года интерес к идеям школы естественного права резко возрос. Разграничение права и закона, придание праву универсального космополитического значения, столь характерное для либерализма, было органичным для значительной части русской интеллигенции того времени, глубокие корни эти идеи имели и в университетской среде. Кроме того, никто из русских правоведов не забыл имена гонимых в начале XIX профессоров университетов, с именами которых связывалось начало русского правоведения, и которые были известны как поборники идеи естественного права.

Данные обстоятельства представляются важными в контексте эволюции представлений М.Н. Капустина о методологии изучения права. С одной стороны, можно выдвинуть предположение о компромиссности научной позиции теоретика, но с другой стороны, такая позиция налагает соответствующие требования на принципы и способы изучения им права, трактовки основных понятий правовой теории. Сам Капустин указывал на методологические затруднения, которые были характерны для «юридической энциклопедии» и которые следовало преодолеть новой постановкой проблемы изучения права. Он писал: «Содержание юридической энциклопедии не определено с точностью: в большей части сочинений по этому предмету излагается, кроме общих начал права, история национального права; в других к этому присоединяется история догм; наконец, в некоторых сопоставляются положения отдельных юридических и политических наук, приведенные в систему. Каждая юридическая наука рассматривает право в приложении к известной стороне отношений со всех сторон — догматической, исторической и политической. Но необходима также наука, которая установила бы общую догму права, указала бы на юридическую область в полном ее объеме и на связь отдельных юридиче-

ских отношений, наконец, определила бы общую систему юридических наук»[1].

Таким образом, на рассматриваемом этапе творческой эволюции М.Н. Капустина решается проблема формулирования концепции новой юридической дисциплины, которая по своему предмету и задачам соответствует возникшей в конце текущего столетия общей теории права, а по своей методологии представляет комплекс приемов, способов и принципов изучения права и юридической практики, соответствующий трем основным школам правопонимания — школе естественного права, школе позитивного права и исторической школе права.

Можно сказать, что в концепции М.Н. Капустина в это время появляются ростки социологического правопонимания. Так, он склонен к расширительной трактовке права, полагая, что формулирование его в законе и правоприменительная практика, также причастная к его формированию, идут вслед за его осознанием. То есть первичным источником права он считает не закон, а правосознание[2]. В механизме правового поведения, по его мнению, большую роль играет правовое чувство, на это указывали некоторые его ученики, почерпнувшие данную идеи из лекций учителя, который стремился подчеркнуть значение «принципов правовой совести, идеи справедливости»[3].

Тем не менее, что касается науки изучения права, то Капустин апеллировал к догматическому подходу, для которого право — это норма закона, а его изучение состоит в изучении законодательства, позволяющего посредством абстрагирования и обобщения формулировать систему общих юридических понятий, актуальных не только для действующего права,

---

[1] *Капустин М.Н.* Теория права (Юридическая догматика). М., 1868. Т. 1. С. 12–13.

[2] Там же.

[3] *Рудаков В.Е.* Михаил Николаевич Капустин (некролог) // Исторический вестник. 1900. Т. 79. С. 354.

но и для права любой эпохи. Исторический метод, к которому прибегает Капустин на этом этапе своей творческой эволюции, имеет большое значение, ориентируя исследователя на изучение эмпирического контекста, институтов в их эволюции, что раскрывает их истинный смысл. Но догматический метод остается главным, ему подчинено применение методологических идей иных школ правопонимания. Это делает М.Н. Капустина первым последовательным русским юридическим позитивистом, впервые последовательно изложившим догматическую методологию познания права, показавшего условия ее эффективного применения в общей теории права.

Для второго этапа творческой эволюции М.Н. Капустина характерно создание догматической теории права, под которой он понимает общую юридическую теорию, интегрирующую все научное юридическое знание на основе установления системы общих юридических понятий, выражающих право и всю совокупность юридических явлений в систематическом виде. Может показаться, что такое понимание этой общей науки права уже сложилось на первом этапе его творческой эволюции. Однако это не так. Несмотря на совпадение (порой, текстуальное) многих положений, сформулированных во вводной части работы «Теория права», его «Энциклопедия права» не может быть отождествлена с ней. Во второй работе с большей определенностью звучит тезис о том, что общая теория права возможна только как общая догматика права.

Примечательным является то, что М.Н. Капустин старается сохранить верность комплексному подходу к правопониманию и, соответственно, к методологии познания права, то есть к идее естественного права, юридическому позитивизму и исторической школе права. Однако на данном этапе обозначена граница принятия и использования этих подходов. Так, например, говоря о философском элементе (идея естественного права), Капустин ведет речь о соотношении

сущего и должного, что раскрывает закономерности возникновения и функционирования права в обществе, содержание которых определяется волей человека, его сознанием, это отличает их от законов естествознания, которые рассматриваются как неизменные. В праве же справедливость и свобода человека делают законы изменчивыми, отчего и право изменяется исторически. Таким образом, говоря о философском элементе, полагая, что его наличие в правоведении является важным условием его научной силы, М.Н. Капустин подразумевает, во-первых, решение проблемы происхождения права, которое он связывает с принятием во внимание воли человека и его сознания (идеал справедливости) и, во-вторых, правовое поведение (исполнение юридических предписаний), объясняемое неюридическими (волевыми, духовными) мотивами.

Примечательно и то, что Капустин впервые подвергает критике юридический позитивизм, под которым понимает ту историческую форму позитивизма, которая стремилась уподобиться естествознанию, отождествляя его законы с юридическими законами. Он однозначно указывает на то, что юридические законы имеют ту особенность, что включают в себя волевой человеческий элемент, что без человека они не могут появиться и без человека не могут действовать.

И наконец, третий аргумент в пользу отличия данного этапа творческой эволюции М.Н. Капустина на примере его общетеоретической концепции заключается в том, что он рассматривает свою догматическую теорию права как результат эволюции его научного изучения. Примечательно то, что он сознательно употребляет в названии своего произведения термин «юридическая энциклопедия», под которой понимает сферу юридического знания с корнями, уходящими в античность. Анализ Капустина направлен на то, чтобы обосновать идею новой энциклопедии права, которая должна рассматриваться как самостоятельная юридическая дисциплина, чего не было в истории этой сферы ранее.

Важным обстоятельством представляется критика М.Н. Капустиным некоторых отечественных концепций энциклопедии. Речь идет о концепции энциклопедии законоведения К.А. Неволина и общей теории права Н.М. Коркунова. В отношении концепции Неволина Капустиным дана высокая оценка содержащейся в ней истории философии права. Игнорирование содержащейся в ней общей концептуальной части говорит о критике подхода этого теоретика, содержащего значительный элемент умозрительности определения понятий, отсутствие догматического подхода к их обоснованию. В отношении концепции Коркунова важно сказать, что за два года до публикации «Юридической энциклопедии» вышло главное произведение этого теоретика «Общая теория права»[1]. Капустин приводит пример этой книги лишь в качестве одного из примеров тенденции самоопределения дисциплины «Юридическая энциклопедия». Он не критикует данное произведение прямо, но ставит его в ряд с другими работами, иллюстрирующими эту тенденцию: «В последнее время замечается стремление сделать энциклопедию не простым обзором юридических дисциплин, а дать ей самостоятельное содержание. Сюда относятся: у нас — Общая теория права Коркунова (1890) и «Юридическая энциклопедия Ренненкампфа (1889)»[2]. Он полагает, что отличие общей теории права Коркунова от других концепций юридической энциклопедии состоит в стремлении изложить «наиболее существенное для правоведения содержание». Так, очевидно, Капустин интерпретировал термин «общая теория права», не увидев в произведении Коркунова ничего более, проигнорировав или не поняв новизну предложенного им подхода.

Впрочем, социологический подход к праву Капустину был известен, он не принимал его, полагая, что он ведет свое на-

[1] *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб.: Кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, 1890.

[2] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. С. 20.

чало от О. Конта, а его ущербность состоит в рассмотрении общества как внешнего по отношению к человеку фактора. Очевидно, что понимание данного подхода М.Н. Капустиным было поверхностным, иначе он увидел бы его плюсы, тем более, что некоторые его выше обозначенные идеи были близки этому подходу.

Какое же место М.Н. Капустин отводил своей концепции юридической энциклопедии, в чем он видел ее отличие от других концепций? Ответим на этот вопрос словами самого теоретика. «Не подлежит сомнению, что в научной области на первом месте должны стоять понятия. По особенному характеру Правоведения, эти понятия образуются главным образом из фактов. С другой стороны, научная область может быть понимаема только как система. Отсюда ясно, что Энциклопедия права, как обнимающая Правоведение во всем его объеме, должна иметь своим содержанием систематическое изложение основных юридических понятий. Она может быть названа общей догматикой права, поскольку основные положения права, на которых зиждется все юридическое мышление, имеют значение юридических догм. От философии права общая догматика отличается тем, что понятия, составляющие ее содержание, выводятся не из отвлеченного мышления, а из положительного фактического материала»[1].

ВЫВОДЫ

Во-первых, судебная реформа 1863 года и принятие нового университетского устава следует рассматривать в качестве важных факторов эволюции русского правоведения второй половины XIX века. Развитие юридической деятельности, усложнение юридической практики в совокупности с повышением значения права в обществе создали предпосылки для нового этапа развития теоретической юриспруденции, связанного с обоснованием новых подходов к изучению права,

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 21.

необходимостью области общего юридического знания в качестве новой научной и учебной дисциплины со своим предметом, задачами и методологией.

Во-вторых, диапазон научных интересов М.Н. Капустина был чрезвычайно широк, охватывая такие сферы юридического знания, как международное право, история права, гражданское право, общая теория права, в каждую из которых он внес свой вклад ученого. Тем не менее, особое значение имеет его интерес к общетеоретическим проблемам правоведения, что обусловило создание собственной концепции общей теории права, оказавшей методологическое влияние на исследование других, более частных проблем юриспруденции.

В-третьих, сфера научных интересов М.Н. Капустина охватывает международное право, историю права, гражданское право и теорию права. Он посвятил целый перечень работ проблемам международного права, анализу его методов правового регулирования, также как исследованию и определению предмета и метода науки международного права. Учитывая, что в России второй половины позапрошлого столетия было крайне мало оригинальных работ по данной проблеме, следует отметить значение и роль его вклада в общее дело систематизации теоретических представлений о международном праве, выработанных преимущественно в западноевропейском правоведении.

В-четвертых, оригинальный вклад, который был сделан М.Н. Капустиным в отраслевое правоведение своего времени, был обусловлен более глубокими его теоретическими изысканиями, преодолевающими кризисное состояние российского правоведения во второй половине XIX века и, одновременно, открывающими новые перспективы исследований и развития науки права. Они соответствуют общетеоретическим исследованиям М.Н. Капустина. Критерий творческой эволюции М.Н. Капустина состоит в содержании его идеи общей теории права, предполагающей решение методологических проблем правоведения того времени.

В-пятых, первый этап творческой эволюции следует отнести к периоду с 1852 по 1868 год, его начало обозначено защитой его докторской диссертации «Дипломатические отношения России с Западной Европой во второй половине XVII века», а завершение связано с изданием работы «Теория права (Юридическая догматика)». Второй этап творческой эволюции охватывает период с 1868 по 1893 год, когда выходит в свет его работа «Юридическая энциклопедия (Догматика)». Поскольку это была последняя из известных работ М.Н. Капустина, можно предположить, что этим завершается его творческая эволюция как ученого.

В-шестых, на первом этапе творческой эволюции М.Н. Капустина решается проблема формулирования идеи новой юридической дисциплины, которая по своему предмету и задачам соответствует возникшей в конце текущего столетия общей теории права, а по своей методологии представляет комплекс приемов, способов и принципов изучения права и юридической практики, соответствующий трем основным школам правопонимания — школе естественного права, школе позитивного права и исторической школе права. Капустин апеллировал к догматическому подходу, для которого право — это норма закона, а его изучение состоит в изучении законодательства, позволяющего посредством абстрагирования и обобщения формулировать систему общих юридических понятий, актуальных не только для действующего права, но и для права любой эпохи; историческому методу, ориентирующему на эмпирическое исследование институтов в их исторической эволюции. Но догматический метод остается главным, ему подчинено применение методологических идей иных школ правопонимания. Это делает М.Н. Капустина первым последовательным русским юридическим позитивистом.

В-седьмых, для второго этапа творческой эволюции М.Н. Капустина характерно создание концепции догматической теории права, под которой он понимает общую юриди-

ческую теорию, интегрирующую все научное юридическое знание на основе установления системы общих юридических понятий, выражающих право и всю совокупность юридических явлений в систематическом виде. На этом этапе он рассматривает свою догматическую теорию права как результат исторической эволюции его научного изучения. Анализ Капустина направлен на то, чтобы обосновать идею новой энциклопедии права, которая должна рассматриваться как самостоятельная юридическая дисциплина, чего не было в истории этой сферы ранее. Так, на втором этапе своей творческой эволюции М.Н. Капустин создает правовую теорию, которую предлагает называть общей догматикой права. По его мнению, создание этой теории является результатом объективной эволюции правового знания, достигшего этапа своего обобщения, что объясняет необходимость создания новой самостоятельной дисциплины, предметом которой является все право, а основной задачей выяснение его общего содержания и формулирование его в системе понятий, имющих не только теоретическое, но и преимущественно практическое значение.

1.3. Методология познания права М.Н. Капустина: позитивизм и историзм подхода

Наука является одной из форм познания действительности, альтернативной многим формам знания установкой на достоверность и обоснованность своих положений, их объективность и, соответственно, всеобщий и необходимый характер. Объективность является главной характеристикой научного познания действительности, ее достижение означает знание, адекватно отражающее действительность — истину. Поэтому вопрос о том, какие средства могут позволить нивелировать субъективность познающего индивида и обеспечить получение истинного объективного знания, является основным в науке. Это проблема метода познания, решение которой в XVII веке вело к появлению современной науки.

Как известно, Новое время было ознаменовано появлением эмпиризма и рационализма, конкурировавших в качестве универсальных методов познания. При этом эмпирическая методология Френсиса Бэкона, опирающаяся на сенсуализм, но не отрицавшая значения разума, роль которого сводилась к обобщению эмпирического материала, стала основой современного экспериментального естествознания. А рационализм Рене Декарта, находивший подтверждение в абстрактных науках (например, в математике), стал основой формируемого социально-гуманитарного знания. Но и тот и другой метод решал задачу познания, ориентируя исследователя на достижение объективной истины о мире. Несмотря на то, что разум трудно сравнить с экспериментом, он гарантировал объективное знание благодаря своей бесстрастности, в которую свято верило большинство.

Возникновение правоведения было связано именно с применением рационалистической методологии, которой первоначально не видели альтернативы. Разум диктует принципы поведения, а право должно иметь источник именно в нем. Так произошло рождение философии права с ее рационализмом и универсализмом, идеей естественного права, которая в теории обрела форму доминирующего правопонимания. Одним из первых, кто создал такую теорию, придав основополагающее значение рационалистической методологии, был Гуго Гроций (1583–1645). По его мнению, право «...означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом»[1]. Разум рассматривается в качестве источника права, которое разумно по своей природе, поскольку разумен человек, который его познает и следует его предпи-

[1] *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 68.

саниям. Ведь «...соблюдение (правил) общежития, изображенное нами лишь в общих чертах как присущее человеческому разуму есть источник так называемого права в собственном смысле: к нему относится как воздержание от чужого имущества, так и возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания»[1].

Исторически примечателен сам факт разработки такой методологии познания права. В дальнейшем некоторые правоведы указывали на рационалистическую методологию Гроция как на главную заслугу его творчества, рассматривая содержательную часть его учения менее значимой. На это указывал выдающийся русский правовед П.И. Новгородцев, полагая, что «Современный читатель, который дает себе труд ознакомиться с трактатом Гроция, не сразу поймет причину его удивительного успеха и широкого распространения. Сочинение «О праве войны и мира» далеко не принадлежит к числу тех книг, которые сохраняют на долгие века неизменное значение и читаются теперь с таким же интересом, как и во время их появления. Для того чтобы прочесть Гроция, нужно иметь специальный интерес и большое терпение»[2].

Рационализм стал основой методологии философии права, которая с этого времени стала отождествляться с теоретическим обоснованием идеи естественного права. Но нельзя сказать, что его дедуктивное конструирование не имело альтернатив. Некоторые мыслители Нового времени, оставаясь в пределах рационализма, апеллировали и к эмпирическим обобщениям, что существенно дополняло рационализм голландского мыслителя. Одним из них был Джон Локк (1632–

[1] *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 46.

[2] *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 119.

1704), для которого были недостаточны дедуктивные умозаключения, он видел необходимость в обобщении исторического опыта. Так, обосновывая положения об общественном договоре, суверенитете народа, также как и о разделении властей, английский философ обращался к примерам исторического опыта, находившим подтверждение и в жизнедеятельности первобытных племен, живших в отдаленных джунглях того времени.

Этот пример дополнения рационализма следует рассматривать как неудовлетворенность рационализмом в познании права, прежде всего его универсализма, в контексте которого право рассматривается как всеобщая космополитическая форма, тот идеал, к воплощению которого движется все человечество. В этой конструкции реальное разнообразие права, встречающееся в пространстве и во времени, могло быть интерпретировано лишь тем, что одни народы ушли вперед в своем развитии, а другие отстали, шествуя со всем человечеством по одной столбовой дороге истории. Эмпиризм, проникающий в философию права, привлекал внимание к уникальности, самобытности начал права, в отличие от рационализма школы естественного права, культивировавшего либеральную идею, он вел к консерватизму, к воспроизведению в истории фундаментальных и неизменных начал права, характерных для того или иного народа. Когда эти начала были отождествлены с «народным духом», возникла новая теоретическая модель правопонимания, немедленно получившая большое количество сторонников, — школа естественного права.

Однако идея народного духа, из которого эволюционирует право каждого народа, культивируя исторический подход к познанию права, отличающийся большей достоверностью и конкретностью, конечно, была умозрительной идеей. Это был постулат, принимаемый за достоверную истину, на котором выстраивалось все здание науки. Следовало сделать еще один шаг, для того чтобы освободить правоведение от не

свойственной науке оценочности суждений. Если ограничиться только опытом, не принимая во внимание метаюридические факторы, если сделать предметом изучения то, что доступно чувственному восприятию и обобщающему анализу разума, возникнет новое состояние правоведения, соответствующее принципам научности. Этот шаг был сделан юридическим позитивизмом. Для него право не есть умозрительная конструкция, которую следует воплотить в законе, потому что право и есть закон, а закон есть право. Тем самым в лице юридического позитивизма правоведение обретает твердую почву под ногами в виде предмета своего изучения, а методом первоначально становится формальная логика. Но это преимущество первого юридического позитивизма было и границей его возможностей, состоящей в том, что, ограничиваясь действующим законодательством, он был вынужден погрузиться в его систематизацию, комментарии и пр. Но главное, чего лишается правоведение в лице юридического позитивизма, так это своей великой созидающей силы. Так, формальная конструкция юридической нормы не может производить социальные сдвиги, вести общество по пути прогресса, она вместе с правоведением теряет свое социальное содержание, свою созидательную идею, ценности, идеалы, рассматривая их уделом метафизики, моральной философии.

Российское правоведение находилось под сильным влиянием западноевропейской правовой науки, вплоть до конца XIX века, испытывая воздействие на способы исследования права всех указанных выше направлений правопонимания. Радикальное изменение государственной политики, приобретшей консервативный вектор на последнем этапе царствования Александра I, создало ситуацию методологических трудностей, связанных с использованием идей либерально ориентированной школы естественного права. Консерватизм в правоведении выразился в отказе от поиска правового идеала, его обоснования в философско-правовых учениях, в ориентации на законодательство в качестве единственного воз-

можного предмета правоведения. Методологическая установка на то, что право следует искать не в предписаниях разума, правовом сознании, культуре, а в законодательстве, определила длительный дрейф русского правоведения в русле изучения Свода законов Российской империи.

Тем не менее вопрос о праве (правде) вынужденно возникал в контексте общего обзора правовых дисциплин, необходимого в качестве вводного или заключительного курса, преподаваемого студентам юридических факультетов. Энциклопедия законоведения, хотя и сводилась к компиляции действующего законодательства, тем не менее как учебная дисциплина должна была ответить на вопрос о том, что такое закон как явление правовой жизни, каково его общее содержание. Так как само законодательство на этот вопрос не могло дать ответа, необходимо было его конструировать на основе соответствующего правопонимания. Россия первой половины XIX века имеет один выдающийся пример решения этой задачи на основе попытки интеграции разных типов правопонимания, соединяющего в одной конструкции религиозно-теологические, естественно-правовые, позитивистские идеи, в сочетании с подходом исторической школы права. Попытку такой интеграции предпринял К.Н. Неволин в своей «Энциклопедии законоведения»[1]. Он ставил задачу создания новой юридической теории, охватывающей своим содержанием всю юриспруденцию, имеющую самостоятельный предмет — общую теорию закона. Решение этой задачи ему виделось через синтез распространенных в то время идей правопонимания, так как он рассматривал их в качестве равноправных в решении общей задачи правоведения. Он не мог отказаться от идеи естественного права, также как и от общей позитивистской установки, в итоге предсказуемо он обосновывает положение о единстве естественного и положитель-

[1] *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения // Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 1 «Энциклопедия законоведения». СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857.

ного законодательства, так как во втором реализована идея первого. При этом, видя эту идею в Божественной Правде, он, подражая Гегелю, ведет речь о последовательной ее реализации в истории, где каждый народ продвинулся на этом пути с разным успехом.

Нужно сказать, что К.Н. Неволин во многом опередил распространение идей исторической школы права и юридического позитивизма, консервативный потенциал которых был оправдан в период его творчества. Но его попытка синтеза разных моделей правопонимания, скорее, свидетельствует об отсутствии собственного взгляда на право, то есть собственной модели правопонимания. Общая теория закона, которую он стремился создать, была одновременно и общей теорией правопонимания, конструируемая на основе общих представлений о них, эклектически. Тем не менее «Энциклопедию законоведения» К.Н. Неволина следует рассматривать как исторически значимое явление, и в этом смысле она выражает тенденции эволюции российского правоведения первой половины XIX века.

Вторая половина XIX века дает новые примеры решения проблемы создания общей правовой теории, в иных исторических условиях, ином мировоззренческом и методологическом контекстах, когда она рассматривалась как проявление объективной закономерности эволюции научного изучения права, требующего не только общего знания о нем, но и иной методологии, решающей задачу объективности познания, достоверности полученных знаний. В версии первого теоретика этой науки, создавшего ее прототип, М.Н. Капустина, она необходима не только для юридической теории, но и для юридической практики, решая задачи развития юридической техники.

Главной своей задачей этот теоретик видел преодоление недостатков существовавшей в то время методологии. В первую очередь, речь идет о подражании юридического позитивизма естествознанию с целью придать правовой методоло-

гии большую научную строгость. Кроме того, распространяющийся социологический позитивизм, проникающий и в правоведение, рассматривался им как чуждое научному изучению права явление. По его мнению, главным недостатком этого направления является рассмотрение общества как внешнего фактора по отношению к индивиду. Помимо этого, школа естественного права также подвергалась либо прямой, либо косвенной критике, несмотря на то, что сама идея естественного права как его идеала играла важную методологическую роль.

М.Н. Капустин противопоставляет методологическим принципам этих моделей правопонимания догматический подход, соединяющий в себе элементы юридического позитивизма и исторической школы права. Именно на его основе в сочетании с другими методологическими идеями возможна общая теория права, которая по своей методологической природе и задачам является юридической догматикой. Несмотря на то, что М.Н. Капустин изложил эти идеи в двух работах: «Теория права (Юридическая догматика)»[1] и «Юридическая энциклопедия (Догматика)»[2]), решение этой задачи присутствует и в других произведениях, то есть решение данной проблемы проходит красной нитью через все творчество теоретика.

Тем не менее, несмотря на задачу сделать догматическое изучение права единственно научным, М.Н. Капустин, по сути дела, предлагает интегральную методологию, сочетающую в себе черты идей разных типов правопонимания. Его замысел состоял в преодолении недостатков этих школ, состоящих либо в абстрактности, либо излишней формальности, что вело к отрыву от реальной правовой действительности. Реставрации, по мнению Капустина, подлежала и идея

[1] *Капустин М.Н.* Теория права (Юридическая догматика). М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1868.

[2] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893.

историзма, в варианте исторической школы юристов. Историческая школа права, замыкаясь на национальных особенностях, упускала из виду общее содержание, присущее праву всех времен и народов.

Говоря о методологии, применяемой теоретиком, прежде всего нужно подчеркнуть, что его концепция общей теории права базируется на идее самостоятельности ее предмета, задач и метода, вытекающих из процесса конституирования этой системы нового знания в правоведении. Она не может быть совокупностью разных юридических дисциплин, предназначенная для их беглого обзора, это самостоятельная юридическая наука, общая теория права может и должна существовать, потому что существует общее содержание права, которое требует теоретического отражения. Так, по мнению М.Н. Капустина, «Правоведение, как наука, имеет предметом своим отыскание законов, необходимых для упорядочения внешней деятельности людей, живущих в обществе. Эти законы открываются из явлений, в которых выражается такое упорядочение в истории и в современной жизни человеческих обществ и которым придается юридический характер. Изучение этих явлений составляет основную задачу правоведения. Наблюдая юридические явления, юрист обобщает их и выводит те общие нормы, которые получают в них свое выражение»[1].

Ключевым пунктом методологии теоретика являются формулируемые им принципы:

- предметным полем правоведения являются правовые явления, составляющие эмпирическое основание этой науки;
- деятельность теоретика должна быть сведена к наблюдению юридических явлений и их фиксации;
- результатом исследования рассматривается обобщение этих юридических явлений, имевших место как

[1] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. С. 5.

в современной юридической практике, действующем законодательстве, так и в прошлом, обобщение, в результате которого случайные факты отделяются от постоянно воспроизводимых (необходимых).

В этой связи М.Н. Капустин обосновывает положение о методологической некорректности задачи обнаружения всеобщих законов, которую, порой, ставит перед собой правоведение. Те законы, которые формулирует в результате своего исследования правовед, не являются столь же универсальными, как законы в научном смысле. Заблуждение социологизма, по мнению М.Н. Капустина, заключается именно в установке на формулирование подобных универсальных законов. Оно отождествляет право с социальной системой как таковой, распространяя на нее закономерности жизни животных, деятельность которых обусловлена удовлетворением биологических потребностей. По мнению М.Н. Капустина, «...законы явлений, выводимые наукой права, не имеют характера той непреложности, какою отличаются законы физической природы. Правоведение может пользоваться только наблюдением; ему не доступен опыт; воля человеческая представляет элемент изменчивости, а потому в ее проявлении всегда возможен так называемый “коэффициент непредвиденного”. Этим коэффициентом служит духовная сила отдельных лиц»[1].

Особенность законов, которые открывает правоведение, объясняется тем, что они действуют через человека, обладающего сознанием и волей, потребностями и интересами, определяющими его поведение. По этой причине голый эмпиризм для правоведения не является искомой методологией, методология правоведения должна включать и способ выражения внутренней мотивации индивида. Поэтому не является случайностью или данью традиции то, что Капустин включает в правоведение не только позитивный, но и философский элемент. Философский элемент выражает идею права,

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 7.

его квинтэссенцию, смысл. Речь не идет о дани естественно-правовой традиции, Капустин не является сторонником естественного права, но склонен полагать, что без идеи права, то есть без признания того, что в его основе лежит идеал, невозможно не только правоведение, но и само право. Идеал права, которым руководствуются люди, есть справедливость, которая объясняет содержание правовой действительности, как правовое поведение индивидов, так и образование правовых норм. То есть у теоретика речь идет о том, что для того, чтобы существовала общая теория права как наука, необходима идея права, которая не может быть сформулирована без его идеала.

Такой философский элемент, придающий правоведению научный характер, не говорит о том, что оно является философской наукой (философией права), либо ее частью. Напротив, М.Н. Капустин говорит о нем лишь как о принципе, позволяющем учесть особенности правовой реальности, включающей не только юридические нормы, но обусловленные ими поступки людей (юридические факты), которые в то же время мотивированы и чувством справедливости (правовым сознанием). Теоретик со всей определенностью подчеркивает, что: «Соприкасаясь с другими науками, имеющими предметом своим человека и его жизнь, — пишет М.Н. Капустин, — она имеет исключительно ей принадлежащее содержание и рассматривает явления человеческой жизни, только с одной стороны, — именно открывает общие нормы внешней власти и подчинения лица относительно других лиц. Все прочие стороны этих явлений стоят вне области правоведения; вопросы о благосостоянии, о пользе и тому подобное не имеют юридического характера и должны подчиняться общему началу права. Для юриста получает значение лишь вопрос, насколько в данном явлении выражается внешняя власть и подчинение лица»[1].

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 7.

Критикуя юридический позитивизм, стремящийся сделать правоведение точной наукой, М.Н. Капустин подвергает эту точку зрения критике. Он указывает, что точными могут быть лишь те науки, которые формулируют универсальные законы, такие как законы естествознания. Что же касается правоведения, то, как указывалось выше, ее законы не имеют той же непреложности. Если, например, выяснена закономерность формирования какого-либо института в конкретной правовой системе, на основе анализа его исторической эволюции, то это не обязательно означает, что и в других правовых системах со своей особенной историей данная закономерность будет действовать. Капустин опережает свое время, указывая на фактор сознания и воли, которые составляют квинтэссенцию правовой действительности (юридические факты), лишь в последнюю четверть они приобретут особое значение в социологическом правопонимании.

Возникновение общей теории права во второй половине XIX века является закономерным явлением, также как закономерным было возникновение новых подходов к праву, обновление старых методологических идей. Но все это происходило под эгидой методологической интеграции, состоящей во взаимном обогащении идей разных школ правопонимания. Возникновение этой новой науки общей теории права мыслилось не только как определение более общего содержания права, но и более общей методологии, синтезированной на основе известных ранее классических школ правопонимания. Узкому формальному подходу и предельно широкому философскому М.Н. Капустин противопоставил свою юридическую догматику, основанную на признании юридического факта в качестве главного объекта анализа, но не останавливающуюся на формальной стороне права, на эмпиризме его исследования, а апеллирующего к справедливости, к идеалу, придающему праву социальный смысл; одновременно это был метод, идущий в глубину веков, с целью определения истоков права. Благодаря догматическому методу, справедли-

вость не перерастает рамки юридического понятия, обусловленного нормативным содержанием, фиксируемым в разных социальных контекстах, в истории и разных современных обществах. С точки зрения юридической теории, «Она устанавливает мерило и соразмерность — равенство и неравенство в каждом отдельном отношении между лицами, если только эти отношения получили внешнее выражение. Этим определяется область права»[1].

Отличительной особенностью методологии М.Н. Капустина является сочетание с догматическим методом идей исторической школы права, исторического подхода, выступающего в качестве принципа, согласно которому историческая изменчивость права является одним из его главных свойств. Этот подход преодолевает, как было показано выше, универсализм школы естественного права, рассматривает право как реальное социальное явление, истоком которого является уникальный духовный фактор — «народный дух». Так, примечательно, что народы могут быть едины в признании одного содержания справедливости, но это не значит, что их право будет идентичным, оно с необходимостью будет разным. Согласно М.Н. Капустину: «Насколько не сходились бы юридические нормы отдельных народов, в них всегда останется значительная доля национальных особенностей. Внешний порядок требует не одинаковых запрещений и приказаний; власть, устанавливающая нормы, пользуется доверием только членов определенного общества, для которых обязательно повиновение этим нормам. История представляет примеры несостоятельности всех попыток приложения иностранного положительного права. Факт национального характера этого права не подлежит сомнению...»[2].

Синтетическая точка зрения М.Н. Капустина состоит в том, что он строит свою методологию на основе признания ценности каждого из подходов, существовавших в правове-

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 37.
[2] Там же. С. 43–44.

дении того времени. Как было показано, идея естественного права должна присутствовать в правоведении в качестве методологического принципа, определяющего внутренний смысл законодательства и мотивацию правового поведения. Что касается позитивистской методологии, то Капустин догматический подход к праву рассматривал как самое ценное в ней. Но в его концепции она дополнена историческим подходом, историческим методом, без которого научное правоведение, по его мнению, было немыслимым. Примечательно, что, создав такое новое направление правоведения, как всемирная история права, он, прежде всего, видел его значение в методологии, дополняющей его догматическое изучение, позволяющей в уникальных национальных формах права увидеть повторяющееся, универсальное. Мысль Капустина состоит в сочетании исторического и догматического подходов во всех аспектах его учения. Это находит проявление и в его концепции всемирной истории права. Так, в своей «Истории (всемирной) права» он писал: «При всем важном значении истории отечественного права нельзя не согласиться, что изучением его не исчерпываются задачи исторической школы. Только из общей картины движения права у различных народов выясняются его основные элементы и прогрессивный характер»[1]. В этой связи примечательным является положение М.Н. Капустина о том, что возможность общей истории права обусловлена его общим понятием, фиксируемом в те далекие времена, когда оно еще имело форму обычая и не было записанным на всевозможных носителях. Это положение, обосновываемое всеобщей историей права, принципиально важно и для общей теории права.

Методологию общей теории права М.Н. Капустина следует рассматривать в качестве начала длительного процесса методологического поиска, приведшего к переходу правоведения на качественно новый уровень развития, известного своими

[1] *Капустин М.Н.* История (всемирная) права. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1872.

выдающимися правоведами. Уже начинает свое творчество Муромцев, вскоре Коркунов и Гамбаров предложат свои социологические теории правопонимания, недалеко то время, когда Л.А. Петражицкий произведет переворот в правоведении своей психологической школой права, родившей новые имена правоведов. Но М.Н. Капустин был первым, кто указал на необходимость общей теории права как самостоятельной юридической науки со своей методологией, отличающейся комплексным характером. Это ставит его имя в одни ряд с именами самых выдающихся русских правоведов.

ВЫВОДЫ

Во-первых, решающее значение в историческом процессе формирования правовой науки имело развитие методологии изучения права, в определении совокупности принципов, позволяющих гарантировать объективность знания о праве, его всеобщий и необходимый характер. XVII столетие сформулировало два варианта универсального метода познания — эмпиризм и рационализм. Если эмпиризм стал основой современного экспериментального естествознания, то рационализм стал основой философии права и, соответственно, теории естественного права, что положило начало современному правоведению.

Во-вторых, школе естественного права с ее идеей универсальности права историческая школа юристов противопоставила идею его уникальности и неповторимости. Так либеральная идея права стала в противостояние с консервативной ее идеей. Вместе с этим историческая школа несла с собой столь важный для научного изучения права эспиризм, рассматривая «народный дух» лишь в качестве источника права, но не в качестве самого права. Изучение права приняло форму изучения действующего законодательства, подвергаемого реконструкции, с целью выяснения смысла действующих институтов.

В-третьих, юридический позитивизм возникает из противоречия между эмпиризмом исторической школы права и ее апелляцией к метаюридическим источникам права. Решение этого противоречия означало отказ от «народного духа», что вело к отождествлению права с законом и рассмотрению закона как единственного поля деятельности юридической науки, которая сосредотачивалась на анализе юридических явлений, руководствуясь догматическим подходом. Метафизика права, моральная оценка законодательства была выведена за пределы научной сферы изучения права. Это преимущество юридического позитивизма, сосредоточившегося на юридико-технической стороне проблемы, исключало из правоведения задачу определения цели и ценности права, решение которой столь важно в процессе социального и политического реформирования, означало ущербность данного учения.

В-четвертых, общая теория права формировалась в результате попыток преодоления методологического кризиса, в котором оказалось русское правоведение второй половины XIX столетия. Особенность этого кризиса выражалась в противоречии между осознаваемой в контексте юридической практики необходимости обобщения юридического знания в форме особой дисциплины, с одной стороны, и невозможностью решения данной задачи в контексте сложившихся теорий правопонимания и способов познания права. Поэтому первоначально данная задача решается на основе интеграции разных идей правопонимания в рамках единой методологической конструкции, где каждая из идей имеет значение методологического принципа. Тем не менее, как правило, выделяется доминирующий принцип, с которым взаимодействуют другие методологические идеи. Ярким примером такого решения проблемы преодоления методологического кризиса является общая теория права М.Н. Капустина.

В-пятых, М.Н. Капустин сознательно стоит на точке зрения, согласно которой дальнейшая эволюция правоведения возможна только посредством формирования науки общей

теории права, на основе интеграции сложившихся школ правопонимания, посредством преодоления их недостатков. Решение данной задачи рассматривалось возможным посредством исключения из правоведения умозрительности и формального подхода, характерных для школы естественного права и юридического позитивизма, а также преодоления узко национальной интерпретации права исторической школой юристов. Так, идея естественного права в учении Капустина приобретает форму принципа справедливости, получившего формальную определенность, позитивизм приобретает форму догматического подхода, опирающегося на анализ юридических фактов и их обобщения, а историзм — форму методологического требования интерпретировать юридические явления на основе реконструкции их исторического содержания.

В-шестых, по мнению М.Н. Капустина, правоведение не может использовать методы естествознания для решения своих познавательных задач, в силу принципиального отличия объектов этих сфер знания. Особенность правоведения состоит в том, что право всегда связано с человеком, его сознанием и волей, в силу чего правоведение не может формулировать универсальных и всеобщих законов, в отличие от законов, формулируемых естественными науками. Ложность точки зрения социологического позитивизма состоит в том, что он отождествляет право с социальной системой как таковой, которую, в свою очередь, интерпретирует на основе признания ведущими биологических потребностей животных. Методология науки общей теории права должна базироваться на наблюдении юридических фактов, их обобщении посредством установления наиболее существенного и исключения малозначимого.

В-седьмых, важным положением методологии М.Н. Капустина является утверждение о двух элементах правоведения, включающего философскую и позитивную части. Теоретик не стремится к компромиссу со школой естественного права, он лишь по-новому интерпретирует эту методологическую идею.

По его мнению, философский элемент означает идею права, идеал справедливости, в контексте которого становится возможным право как нормативная система. Поэтому и правоведение возможно лишь при условии допущения этого идеала, в контексте которого он приобретает форму принципа правотворчества, правоприменения и правового поведения, реализованного в юридической норме. Принципиально важно, что идея справедливости, по Капустину, формулируется не в результате дедукции, она является результатом индуктивных умозаключений, основанных на анализе юридических фактов. Таким образом, Капустин интегрирует идеи естественного права, позитивного права (догматического подхода) и исторической школы права.

Глава 2. ДОГМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА М.Н. КАПУСТИНА

2.1. Учение М.Н. Капустина о правовой норме и институте

В современной юридической теории учение о норме права имеет не меньшее значение, нежели оно имело во второй половине XIX века. Это свидетельствует не только о важности данной проблемы, которая не нашла решения за долгие годы существования общей теории права, теории государства и права, а ранее, энциклопедии права и энциклопедии законоведения, но и о том, что оно непосредственно связано с некоторой совокупностью вопросов, ответ на которые зависит от более общих методологических установок, от модели правопонимания. Так, в истории правоведения данная проблема находила свои решения, но все они являлись продолжением теории правопонимания. Таким образом, их было несколько, в общем и целом, каждое из которых соответствовало определенной школе интерпретации сущности права.

В современной отечественной фундаментальной правовой теории право принято определять как совокупность (систему) общеобязательных норм, «которые выражают государственную волю общества, ее классовый и общечеловеческий характер, издаются и санкционируются государством, охраняются возможностью государственного принуждения и являются властно-официальным регулятором общественных отношений»[1]. Данное определение является столь типичным, что не требует особого обоснования, оно характерно отображает современную российскую правовую доктрину, в которой нормативизм является краеугольным камнем. «Норма права, — пишет один из авторов, — это общеобязательное веление,

[1] *Байтин М.И.* О современном нормативном понимании права // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 103.

выраженное в виде властного предписания, регулирующее общественные отношения и обладающее следующими специфическими признаками, выделяющими их из иных социальных норм: нормативностью, системностью, общеобязательностью, формальной определенностью и представительно-обязывающим характером»[1]. То есть очевидна связь интерпретации нормы права с нормативной школой правопонимания.

Однако контекст школы естественного права или социологического правопонимания принципиально меняет саму постановку проблемы о правовой норме. Прежде всего, особенности данных типов правопонимания определяют включение в право не только нормы, но и правового сознания, правоотношений, правовых принципов, а порой и нравственности. Отсюда, норма, как правило, рассматривается в качестве способа существования содержания права, представляет собой его объективацию, наряду с нормативно-правовым актом, правовым прецедентом и другими источниками (формами) права. Но такое правопонимание, по мнению большинства отечественных теоретиков права, искажает сам феномен права, игнорирует его сущностную характеристику, состоящую в общеобязательности, обеспечивающей порядок и законность, обусловленные осознанной необходимостью следовать предписаниям нормы, разрешающей или запрещающей. Как в свое время указывал И.Ю. Козлихин, право приобретает смысл, то есть функционирует как справедливость, лишь в контексте общеобязательности нормы, которая обеспечена силой государственного принуждения, и теряет его в контексте индивидуальной морали[2].

Современные исследователи, признавая, что право является изменчивым феноменом, объясняющим невозможность

[1] *Бошко С.В.* Норма права: понятие, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4. С. 49.

[2] *Козлихин И.Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 11.

адекватного отношения между нормой (законом) и реально складывающимися правоотношениями, тем не менее указывают на необходимость оставаться в интерпретации нормы на позициях нормативизма. Так, одни из них пишут: «Разумеется, право — постоянно изменяющаяся структура и не может сводиться исключительно к текстам нормативных актов. Большое значение для права имеют и правосознание, и поведение людей. Так, нормы права не станут работать, если они не укоренятся в качестве обязательных для исполнения установлений в сознании самих субъектов права. В настоящее время понимание российского права именно как системы норм имеет принципиальное значение для правотворчества и правоприменительной практики... нормативное понимание права является основой совершенствования законодательства, правил законодательной техники, систематизации нормативных актов, информационно-поисковых систем и других правовых направлений...»[1]. Разделяя данную точку зрения, тем не менее следует отметить, что правотворчество не следует сводить к технической процедуре, к юридической технике, в результате применения которой появляются нормы, рассматриваемые как начальный и конечный пункт этой деятельности. Законодатель должен быть мотивирован правом, которому следует придать нормативную обязательную форму, закрепив его законом. В этом смысле не исчерпали своего значения и иные типы правопонимания, в контексте которых актуализируется содержательная сторона права, требующая своего оформления в виде общеобязательной нормы.

Подчеркивая значение теории правовой нормы в современном российском правоведении, мы тем самым стремимся указать на важность данной проблемы в отечественном правоведении второй половины XIX века, и в частности место данной проблематики в общей теории права М.Н. Капустина,

[1] *Пузырева Е.В., Гомонов Н.Д.* Правовая норма: современные теоретические аспекты // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. № 2. Т. 6. С. 340–343.

в задачи которой, несомненно, входило ответить на вопрос о сущности и юридической природе правовой нормы, обосновывая этот ответ контекстом соответствующего правопонимания. Контуры концепции правовой нормы М.Н. Капустина очерчены следующей цитатой: «Так как право основывается на справедливости, требующей одинаковой меры для всех, то выражением его должны служить общие правила и нормы, с которыми каждый должен согласовать свои действия и которые требуют повиновения»[1].

«Справедливость» рассматривается Капустиным в качестве идеального содержания права, а нормы — как средство ее установления в обществе посредством запретов и дозволений. Она является тем идеальным началом, на котором основано право, без нее невозможно совместное сосуществование индивидов. При этом у теоретика речь идет о чувстве справедливости, которое примиряет людей посредством внешнего порядка, основанного на ней. Внешний порядок является выражением внутреннего нравственного порядка. Чтобы внешний порядок не был механическим, состоящим в формальном соединении индивидов в общество, необходимо духовное основание, которым должна быть справедливость. Ученый полагает, что этот порядок понимался по-разному в разные времена, но он всегда рассматривался в качестве некоего духовного начала, либо в виде абсолютного разума, либо в виде народного духа и пр.

С этих позиций М.Н. Капустин критикует наиболее известные во второй половине столетия теории. В их числе теория, отождествляющая право и силу, в контексте которой особое значение приобретает эгоизм и индивидуализм. Он выступает с критикой теории Рудольфа Иеринга, отождествляющей право с защищенным интересом и нашедшей многочисленных сторонников в России.

[1] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. С. 38.

Указывая на плодотворность идеи интереса в праве, которая впервые была высказана еще римскими юристами, М.Н. Капустин обращает внимание на то, что, тем не менее, разрешение проблем правового регулирования возможно лишь на основе справедливости, что основная функция государства заключается именно в этом. Так, «Государство не есть только внешняя сила, оно призвано не только достигать интересы, но также еще более охранять право; иначе оно потеряло бы свой нравственный характер и против него, как силы, могла бы выступить и бороться другая сила. Таким образом, нельзя признать другого принципа права, кроме справедливости, и иного порядка в отношениях между людьми, кроме основанного на справедливости. Но справедливость не остается на степени отвлеченного понятия, она устанавливает мерило и соразмерность — равенство и неравенство в каждом отдельно отношении между лицами, если только эти отношения получили внешнее выражение. Этим определяется область права»[1].

Несмотря на то, что М.Н. Капустин сознательно ориентирует свое учение на методологию позитивизма, указывая на догматический способ изучения права как единственно научный, полагая, что предметом такого исследования могут быть лишь нормы положительного права, очевидны и иные методологические ориентации теоретика. Речь идет об апелляции к социальному контексту, роли общественного сознания, ценностей культуры не только в образовании права, но и в его функционировании. Теоретик указывает и на чувство справедливости в качестве важнейшего источника права, что, конечно, совпадает с точкой зрения юридических социологистов. Можно сказать, что его представления о сущности и природе права включили в себя идеи многих теорий, противоречие которых он стремился примирить в своей концепции общей теории права. Его попытка сформулировать осно-

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 37.

вания права вела к метаюридическим идеям и принципам, среди которых раскрытие оснований человеческого общежития имело первостепенное значение. Последнее он понимает как складывающийся в обществе порядок отношений, основанный на нравственности, приличии и праве. При этом главным принципом права является справедливость не только как формальное равенство, но и как принцип, восходящий к Пифагору — «Воздаяние другому равным». Поэтому справедливость, по своей природе являющаяся категорией морали, не теряет своего ценностного значения и в праве, которое воплощает в юридическом порядке общественных отношений общественный идеал справедливости.

Принцип справедливости является, согласно М.Н. Капустину, основным в праве, это его фундамент, то, что придает ему социальное содержание и значение. Так, например, сила не может рассматриваться в качестве такого принципа. Лишь в случае военного завоевания право может быть установлено насильственно. Но и в этом случае законодатель, который в своей деятельности ориентирован на соответствующий идеал справедливости, должен понимать, что идеал, существующий в обществе, может отличаться от идеала, воплощенного в праве, что содержит в себе значительный кризисный потенциал. Однако право в своем внешнем проявлении реализует этот идеал специфическим образом, посредством совокупности правил и норм, в своей совокупности составляющих юридический порядок. Норма заключает в себе идеальный юридический порядок, идеал справедливости, который воплощается в юридических велениях. То есть норма есть, прежде всего, повеление, обращенное к лицу от имени общества, исполнение которого гарантируется принудительной силой его власти.

Теоретик акцентирует внимание на том, что повеление как главный признак юридической нормы имеет форму принудительности. Это является общим свойством нормы, несмотря на то, что существует и такая категория норм, которая

имеет дозволительный характер. Дело в том, что «По общему правилу, все, что не запрещено, считается дозволенным; право устанавливает границы для свободы, и там, где этих границ нет, свобода юридически не стесняется и находит для себя определение в других руководящих силах (в нравственности, благоразумии, приличии). Если же в нормах перечисляются дозволенные действия, то этим самым косвенно запрещаются все действия, не согласные с указанными в норме»[1].

По нашему мнению, М.Н. Капустин не оригинален, утверждая, что приказной, принудительный характер нормы определяет и другую ее сторону, а именно, наказание за невыполнение предписанного действия или бездействия. Тем не менее можно сказать, что концепция юридической нормы М.Н. Капустина вплотную подошла к определению структуры нормы, которая может быть признана традиционной для современного правоведения. Теоретик однозначно выделяет диспозицию и санкцию нормы, делает некоторые намеки на элемент гипотезы, который, впрочем, не нашел развития. Очевидно, М.Н. Капустин был мотивирован иной задачей, которая определялась задачами его юридической энциклопедии, общей теории права. В отношении нормы права она состояла в том, чтобы выразить общие закономерности ее возникновения, обусловленные не только внутренними особенностями права, но и более глубокими факторами, их социальной природой, ролью сознания и культуры в регулировании общественных отношений, то есть в формировании социальных предписаний и пр. Однако несмотря на явный компромисс с социологическим позитивизмом, симпатии к исторической школе права и некоторую симпатию к школе естественного права, М.Н. Капустин остается на почве юридического позитивизма с явным нормативистским уклоном. Он подчеркивает: «Но в какой бы форме не выражались общие для всех приказания и запрещения, они служат руководством для упорядочения отношений между лицами и представляют собой приложение

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 39.

справедливости к действительной жизни. Совокупность норм, определяющих внешний порядок в отношениях между лицами по началу справедливости, образует право. Ближайшей непосредственной целью его служит порядок, при посредстве которого обезличивается свобода и который получает нравственное значение от справедливости, лежащей в его основе. Порядок, свобода и справедливость, таким образом, суть понятия, обуславливающие друг друга: порядок немыслим без свободы и справедливости, свобода без порядка и проч. Только порядок, понимаемый в этом смысле, составляет ближайший предмет права или юридических норм»[1].

М.Н. Капустин подвергает критике взгляд, отождествляющий право с позитивными юридическими нормами, полагая, что помимо позитивных норм существуют и другие, которые также являются правовыми. То есть понятие права шире понятия позитивного права, которое представляет собой его часть. «В практической своей стороне и теперь все право сосредотачивается в этих нормах, — пишет М.Н. Капустин. — Но это не значит, чтобы вне их не существовало права, как думают некоторые. Происходит постоянное взаимодействие между правом, как оно есть и как оно должно быть; к постепенному осуществлению этого последнего стремится всякое положительное право»[2].

В связи с этим ученый выделяет три источника права, то есть положительных правовых норм, лишь один из них соответствует признакам позитивного права (законодательства). Первый из них представляет собой силу вещей. Например, речь идет о самообороне или о собственности, что само по себе имеет нормативную силу, признаваемую обществом, как, например, несправедливо отнимать принадлежащую тебе вещь. Так как данная норма действует независимо от того, закреплена она законом или нет, она является не естественным правом, а положительной нормой. То же следует сказать

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 40.
[2] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 41.

и о нормах договора, которые лишь косвенно могут быть связаны с законом, или не связаны с ним вовсе. И наконец, к третьей категории норм относятся те, «которые устанавливаются общественной властью, приказывающей и требующей повиновения. В какой бы форме не проявлялась эта власть, в ее основе лежит доверие со стороны повинующихся и убеждение в том, что ее приказания служат выражением права. Сама власть есть необходимое условие порядка, а потому все ее запрещения и приказания имеют юридический характер»[1].

М.Н. Капустину чужда идея универсальности права, он стоит на почве историзма, однако, полагая при этом, что идея справедливости универсальна, но форма ее реализации может быть разной в пространстве и во времени, что и создает феномен исторического права, или феномен национального права. Так, географические и климатические условия, а также нравы народа играют решающую роль в формировании своеобразия права того или иного народа. Теоретику оставалось сделать всего один шаг до идеи исторической школы права, которая могла заключаться в отрицании универсального характера справедливости (правды), в объявлении ее национальным духом, системой ценностей, определяющей самобытность культуры и образа жизни и пр., но он не сделал этого шага. В силу этого его концепция правопонимания и применяемая методология обладают синкретизмом.

ВЫВОДЫ

Во-первых, интерпретация юридической нормы зависит от правопонимания интерпретатора. Так, контекст школы естественного права или социологического правопонимания принципиально меняет саму постановку проблемы о правовой норме, отличающуюся от нормативного правопонимания. Особенности данных типов правопонимания определя-

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 43.

ют включение в право не только нормы, но и правового сознания, правоотношений, правовых принципов, а порой и нравственности. Отсюда, норма, как правило, рассматривается в качестве способа существования содержания права, представляет собой его объективацию, наряду с нормативно-правовым актом, правовым прецедентом и другими источниками (формами) права.

Во-вторых, согласно нормативной точке зрения на правовую норму иные модели правопонимания искажают сам феномен права, игнорируют его сущностную характеристику, состоящую в общеобязательности, обеспечивающей порядок и законность, обусловленные осознанной необходимостью следовать предписаниям нормы, разрешающей или запрещающей. То есть право приобретает смысл, функционирует как справедливость лишь в контексте общеобязательности нормы, которая обеспечена силой государственного принуждения и теряет его в контексте индивидуальной морали.

В-третьих, правотворчество не следует сводить к технической процедуре, к юридической технике, в результате применения которой появляются нормы, рассматриваемые как начальный и конечный пункт этой деятельности. Законодатель должен быть мотивирован правом, которому следует придать нормативную обязательную форму, закрепив его законом. В этом смысле не исчерпали своего значения и альтернативные нормативизму типы правопонимания, в контексте которых актуализируется содержательная сторона права, требующая своего оформления в виде общеобязательной нормы.

В-четвертых, концептуально-теоретические представления М.Н. Капустина о правовой норме базируются на идее, согласно которой справедливость является идеальным содержанием права, а нормы — средство ее установления в обществе посредством запретов и дозволений. Она является идеальным началом, на котором основано право, без нее невозможно совместное сосуществование индивидов. Со-

вместную жизнь индивидов в обществе обуславливает чувство справедливости, которую они идентифицируют с внешним порядком, являющимся выражением внутреннего нравственного порядка. Этот порядок понимался по-разному в разные времена, но он всегда рассматривался в качестве некоего духовного начала — либо в виде абсолютного разума, либо в виде народного духа и пр.

В-пятых, учение М.Н. Капустина ориентировано на догматический способ изучения права как единственно научный. Предметом такого исследования могут быть лишь нормы положительного права. Но догматический подход сочетается с другими методологическими идеями, применяемыми теоретиком. Он апеллирует к социальному контексту, роли общественного сознания, ценностям культуры не только в образовании права, но и в его функционировании; указывает на чувство справедливости в качестве важнейшего источника права, что приближает его концепцию к идеям социологического правопонимания.

В-шестых, в обосновании своей концепции правовой нормы М.Н. Капустин был мотивирован стремлением выразить общие закономерности ее возникновения, обусловленные не только внутренними особенностями права, но и более глубокими факторами, их социальной природой, ролью сознания и культуры в регулировании общественных отношений, в формировании социальных предписаний и пр. Несмотря на компромисс с социологическим позитивизмом, симпатии к исторической школе права и к школе естественного права, он остается на почве юридического позитивизма с явным нормативистским уклоном. Норма в его понимании есть приказывающее и запрещающее правило поведения, упорядочивающее отношения между лицами на начале справедливости. Право же — совокупность норм, составляющих внешний порядок общества. Однако в его понимании правовая норма не тождественна норме закона, а законодательство является не единственным источником правового порядка. В числе трех

источников права (положительных правовых норм) лишь один соответствует признакам позитивного законодательства. Нормы, закрепляющие силу вещей (собственность, безопасность, самооборона и пр.), и нормы договора лишь косвенно можно связать с законодательством. Третья группа — нормы, официально установленные государственной властью, обладающей полномочиями.

2.2. Концепция права в объективном и субъективном смысле М.Н. Капустина

Проблема субъективного и объективного права определяется состоянием двойственности понятия права, когда, с одной стороны, оно представляет собой возможность соответствующего поведения, обладания благом субъектом, а с другой стороны, норму закона, от которой эта возможность зависит. Данная проблема имеет истоки не только во внутренней логике права как нормативной системе, но и в мировоззрении, в правопонимании, которое во многом определяет тот или иной вариант решения данной проблемы. Так, в контексте интерпретации проблемы школой естественного права, правом обладает каждый субъект, независимо от того, закреплено ли оно законом. В этом смысле оно субъективно, то есть его носителем является субъект. А объективность ему придает разум, предписывающий соответствующие принципы и нормы поведения. В то же время отождествление права и закона в позитивизме дает принципиально иную интерпретацию.

Решение данной проблемы имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку прямо связано с механизмом регулирования общественных отношений, также как и с правотворчеством, конструированием норм, созданием конструкции нормативно-правового акта. Несмотря на очевидную актуальность данной проблемы, что объясняет внимание к ней русского правоведения, начиная со второй половины XIX века, сегодня она остается не решенной, то

есть на данный момент нет выработанного общепринятого решения этой проблемы.

Нужно сказать, что эта проблема достаточно активно разрабатывалась в советском правоведении. Очевидно, что современные подходы к ней имеют истоки в советском нормативном правопонимании. Таких подходов всего три. Согласно первому из них, субъективное право есть обусловленная законом возможность лица, обладающего правом предъявлять требования к поведению других лиц. Этот подход известен как отрицательный. Представления другого подхода, который принято называть положительным, сводятся к пониманию субъективного права как дозволения законом обладающему правом действовать соответствующим образом. Представители третьего подхода (комбинированного) полагают, что субъективное право — это, и возможность требовать, и возможность действовать[1].

Можно вести речь о сформировавшейся в отечественном правоведении нормативно-правовой традиции трактовки данной проблемы. Согласно общей канве теоретического дискурса на эту тему, категория субъективного права отражает то главное, без чего невозможна юридическая теория, этим главным являются правоотношения. Соответственно, оно трактуется как обладание лица правом, обеспеченном обязанностью других лиц. Однако остается неразъясненной сущность того, что такое субъективное и что такое объективное. Для решения данной проблемы следует выйти за пределы самого права, определив природу данных понятий, исходя из философского контекста, что, конечно, также не является решением, ведь в контексте права, его нормативной трактовки, невозможно определить природу данных понятий, также как не является методологически корректным приложение

[1] *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955; *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права: курс лекций. Вып. 2. Нормы права и правоотношения / ред. Г.И. Петрищева. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1964.

метаюридических определений к сфере правоотношений. Такая ситуация напоминает замкнутый круг, из которого нет выхода. Это не случайно, так как речь идет о пределе возможности нормативного правопонимания, в границах которого нет возможности решить данную проблему. Ставшее аксиомой положение о том, что «нет субъективного права без обязанности, нет субъективного права вне правоотношения»[1], есть предел данного подхода.

Поэтому другая точка зрения расценивается как способ выхода из обозначенного круга. Она состоит в указании на вторичную природу субъективного права, которое порождается объективным правом. Это значит, что субъективное право рассматривается как «вид и мера возможного поведения участников правоотношений, гарантируемого системой действующего законодательства и правоохранительной деятельностью государства»[2]. Поэтому более корректно было бы предположить, что субъективное право всегда есть возможность соответствующего поведения, а обязанность связана с должным поведением, вид и меру которых предписывает закон[3].

Конечно, данная проблема имеет отражение и в другой точке зрения, представители которой рассматривают субъективное право в связи с правовым сознанием. Благодаря тому, что субъект правоотношения отражает своим сознанием норму закона, она превращается из объективного в субъективное право. То есть «субъективное право есть отражение правовой действительности в правосознании субъекта права, позволяющее выявить основанную на норме объективного права меру возможного поведения в целях удовлетворения законного интереса, выражающуюся в возможности совершения определенных действий самим управомоченным лицом,

[1] *Иванов Э.И.* Понятие субъективного права // Марийский юридический вестник. 2011. Вып. 8.

[2] *Власенко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 614.

[3] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2001.

в возможности управомоченного лица требовать определенного поведения от обязанного лица, а также в возможности прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государства»[1]. В контексте выше приведенных подходов данный подход можно рассматривать как синтетический, он стремится снять противоположности оппонирующих подходов. Но он страдает психологизмом и вытекающим из него субъективизмом, так как рассматривает феномен субъективного права как факт сознания, субъективное переживание, где под правом понимается не столько норма закона, сколько обусловленный законом механизм поведения.

Столь высокий уровень теоретической актуальности проблемы субъективного права в современном российском правоведении отчасти может быть объяснен и тем, что она уже давно приняла форму укоренившейся традиции русского правоведения. Советская и современная российская теория государства и права являются наследницами общей теории права, созданной во второй половине XIX века, большинством совокупности тем и проблем, которые составляли ее костяк как учебной и научной дисциплины. Не случайно способ решения тех или иных проблем, ставший распространенным в общей теории права, нашел продолжение в современной теории государства и права. В частности, речь идет о нормативном способе решения многих проблем правоведения. Кроме того, в общей теории права мы можем найти и апелляцию к интересу и воле, к сознанию и психологической постановке проблемы.

В связи с этим можно предположить, что все сложившиеся в современном российском правоведении подходы к решению проблемы субъективного права имеют своим истоком русскую общую теорию права. С той лишь разницей, что не всегда столь же последовательны, как их исторические предшественники. В частности, нормативное правопонимание,

[1] *Васев И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 11.

характерное для российской правовой доктрины, начиная с 1938 года, порой стремятся разбавить, дополнить иными моделями правопонимания, либо идеями альтернативными нормативизму.

Полагаем, что тот или иной вариант решения проблемы субъективного права вытекает из соответствующей модели правопонимания, интерпретации сущности права, его социальной природы, происхождения, от чего зависит и трактовка природы правоотношений, а значит, и природы субъективного права. Данный параграф и посвящен анализу решения указанной проблемы М.Н. Капустиным. Этот пример тем более интересен, что не только является иллюстрацией указанной выше связи способа решения с правопониманием, но и тем, что является типичным, то есть отражает тенденции эволюции теоретико-правового знания во второй половине XIX века, столь важные и для современного российского правоведения.

Как было показано в предыдущем разделе монографии, М.Н. Капустин использует догматический подход в решении теоретических проблем, сочетая его с распространенными в то время идеями естественного права, исторической школы права. Эмпиризм его исследований в сочетании с указанными подходами дает интересные результаты, обладающие научной значимостью.

Предваряя анализ, посвященный представлениям М.Н. Капустина о субъективном праве, следует еще раз акцентировать внимание на особенностях его правопонимания, которые иногда дают повод для его отнесения к школе естественного права. Прежде всего, речь идет о философском элементе, без которого, по мнению теоретика, также как и без позитивного элемента, немыслимо правоведение как наука. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в теории Капустина естественное право не рассматривается в качестве юридического явления, оно имеет значение транслируемой в право идеи (идеала) справедливости, без которой право теряет свой социаль-

ный смысл. В законе же она обретает формальные рамки юридического принципа и, соответственно, нормы. По мнению М.Н. Капустина, «Правоведение заключает в себе двоякий элемент: положительный и философский, — право, как оно существует в действительности, и как оно должно быть... Исключить из правоведения философский элемент, или так называемое естественное право, значило бы лишить его великой научной силы... Естественное право не существует в действительности, но оно необходимо как требование разума, который всегда ищет идеалов»[1].

Это недоразумение возникло значительно раньше. Один из его современников указывал на верность теоретика идеалам естественного права. В некрологе на смерть М.Н. Капустина он писал: «Возникшая в силу “безжизненной пассивности исторической школы” так называемая реалистическая теория Рудольфа Иеринга (1818–1892), т. е. оппортунизма в праве, провозгласившая более сильного более правым, оставила науке права в исторической школе лишь возможность исследовать прошлое, а догматической школе — отказавшись от будущего, изучать только настоящее. В этих условиях профессор М.Н. Капустин остался верен идеалам естественного права, которые применительно к условиям русской действительности он усвоил в смягченном виде»[2].

Как было показано выше, для теоретика, руководствующегося догматическим методом в симбиозе с идеями историзма, естественное право может иметь лишь значение принципа в контексте законодательства, содержательная сторона которого восходит к идее справедливости. Справедливость как идеал не имеет юридического значения, но может выступать идеальным источником юридических предписаний. В этом смысле естественного права как юридического явле-

[1] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. С. 6.

[2] *Устинов В.М.* Памяти М.Н. Капустина. Речь, читанная в Санкт-Петербургском юридическом обществе 4 декабря 1899 г. // Вестник права. 1900. Янв. С. 95.

ния не существует, но оно должно гипотетически предполагаться как метаюридическая конструкция, соединяющая нормативную систему права с нравственностью, с системой ценностей данного общества. Нужно сказать, что русский юридический позитивизм никогда не отказывался от идеи естественного права полностью, поскольку был склонен к расширительной трактовке права, то ли в виде нормативных юридических предписаний, выходящих за пределы государства, то ли в виде идеальных конструкций справедливости, являющихся неюридическим источником позитивного права. Сказанное в большей степени относится к социологическому позитивизму, подвергавшего критике школу естественного права, но «тайком протаскивавшего эту идею в свои концепции». Один из выдающихся русских правоведов конца XIX — начала XX века П.Г. Виноградов довольно точно охарактеризовал отношение к идее естественного права, назвав его как «литературный источник»[1]. Нельзя сказать, что М.Н. Капустин полностью принял бы такую его характеристику, но примечательно, что он лишает естественное право объективности, рассматривает его как идею, идеал, то есть видит его природу в том, что оно является фактом общественного сознания. В праве же оно имеет значение справедливости, которая «устанавливает мерило и соразмерность — равенство и неравенство в каждом отдельном отношении между лицами, если только эти отношения получили внешнее выражение. Этим определяется область права»[2].

То есть признание «философского элемента» никоим образом не подрывает статус научного мышления, догматического способа познания правовой действительности. Правовед не должен давать оценку действующему законодательству, используя идеал справедливости, которым он сам руководствуется в своей жизни или полагает его необходи-

[1] *Виноградов П.Г.* Очерки теории права. М.: Товарищество А.А. Левенсона, 1915.

[2] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. С. 37.

мым для современного права. Такой оценочный строй мысли чужд научному познанию, он должен лишь исследовать то разнообразие норм, которое дает законодательство народов мира разных времен, являющееся продуктом их культурно-исторического творчества, абстрагируясь от несущественного (национального), фиксируя общее, повторяющееся, с целью фиксации его в системе юридических понятий. Так и справедливость перестает иметь значение нравственной ценности, реализованная в законодательстве, она приобретает ту же формальную определенность, что и юридические нормы. Как пишет М.Н. Капустин, «Правоведение, как наука, имеет предметом своим отыскание законов, необходимых для упорядочения внешней деятельности людей, живущих в обществе, — подчеркивает ученый правовед. — Эти законы открываются из явлений, в которых выражается такое упорядочение в истории и в современной жизни человеческих обществ и которым придается юридический характер. Изучение этих явлений составляет основную задачу правоведения. Наблюдая юридические явления, юрист обобщает их и выводит те общие нормы, которые получают в них свое выражение»[1].

Таким образом, приверженность этого теоретика права к школе естественного права не подтверждается анализом его правовой концепции. Естественное право не имеет у него юридического значения, хотя в виде идеала справедливости выступает в качестве неюридического источника права, что важно для понимания его социального смысла, для интерпретации механизма правообразования и правового поведения и пр. Ссылка на естественное право выступает в учении М.Н. Капустина как методологический прием, позволяющий сформулировать принцип, определяющий направление формирования юридических норм. Дело в том, что право, согласно М.Н. Капустину, есть не что иное, как совокупность формализованных в законодательстве норм, отличающихся обязательным характером, обеспеченных и гарантированных

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 5.

властью. Юридические нормы и институты составляют предмет исследования теоретика права, задача которого состоит в их обобщении и формулировании на этой основе системы взаимосвязанных понятий, в своей целостности выражающих идеал справедливости. Это принципиально отличает позицию М.Н. Капустина от точки зрения школы естественного права, которая, напротив, предписывает идеал позитивному праву, а не извлекает его из последнего.

Рассмотренные методологические особенности правового учения М.Н. Капустина важны для понимания его теоретических представлений и в субъективном праве, и в объективном праве. Капустин исходит из того, что нет никакого научного смысла в разделении права на субъективное и объективное. Право одно, а такие разделения могут иметь исключительно условный характер, когда же им придается значение реально существующих субъективных и объективных прав, искажается сама идея права, его юридическая природа. Те не менее в контексте анализа правоотношений есть смысл вести речь о том, что право может рассматриваться либо в субъективном смысле, либо в объективном смысле. Поэтому теоретик, отрицая существование субъективного права, для выражения особенностей предмета теоретического анализа предлагает использовать категорию «право в субъективном смысле». В данном случае речь идет о рассмотрении права в связи с субъектом, когда оно означает, что в правоотношениях его участники могут быть наделены такими полномочиями, которые предоставляют возможность одному лицу требовать от другого лица соответствующих действий или бездействия. Так, «Если жизнь выражается в действиях человеческих или в проявлении сил, внешний предел которых определяется правом, то каждому лицу должна быть дана возможность в этих пределах воздействовать на другие лица. Отсюда вытекает понятие о правах в субъективном смысле, как о возможности требовать действий или бездействия от других лиц»[1]. По сути дела, речь

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 121.

идет о том, что право выступает в субъективном смысле в том случае, когда оно предоставляет лицу свободу в контексте правоотношения, когда свобода, обеспеченная обязанностью другого участника (участников) правоотношения, является его основой.

Научная позиция М.Н. Капустина отличается от концепций субъективного права некоторых классиков правовой мысли. Высоко оценивая учение Р. Иеринга, М.Н. Капустин констатирует, что в его понимании объективное право означает норму закона, субъективное же право является его следствием, выражаемым в то, что он предоставляет лицу определенные полномочия. Так, оно выступает в форме пользования, также как и в форме интереса, который защищен нормой права. Согласно Рудольфу Иерингу, «Jus есть связка, связывающее, норма права; а именно, jus в объективном смысле есть то, что связывает всех, на всех налагает обязанность, относительным образом доставляет право на что-либо, jus в субъективном смысле — то, что связывает отдельную личность и тем доставляет другому какое-либо право. Этот последний посредством согласованной между ними обоими lex вызывает к жизни правовую норму такого содержания, что другой должен исполнить то-то и то-то, так как владение этой нормой и осуществление ее принадлежит ему, то право есть его. Нормы, которые общество для себя постановило или безмолвно признало, и за исполнением которых оно наблюдает, содержатся к нему точно также, то есть являются не субъективно безотносительными правовыми положениями, но его правами, уполномочениями»[1]. М.Н. Капустин указывает на роль, которую сыграл интерес, усмотренный Р. Иерингом в римском праве, на распространение этого положения на право в целом, что позволило сформулировать, в связи с этим, теоретическое положение о субъективном праве, которое невозможно вне контекста интереса. Если феномен

[1] *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Типография В. Безобразова и Ко, 1875. С. 187–188.

права, по Иерингу, состоит в защите интереса, то данный феномен одновременно является субъективным правом. Речь идет о том, что содержательная сторона права всегда представляет собой интересы, она и есть субъективное право. Однако его формальная сторона состоит в юридической норме, благодаря которой данные интересы можно защищать, обеспечивать, это — объективное право.

Критика М.Н. Капустиным данной позиции знаменитого немецкого теоретика права сводится к указанию на непоследовательность его аргументации. Дело в том, что субъективное право, по Иерингу, состоит либо в пользовании, либо в применении, либо в защите интереса. Но ведь ни одно, ни другое, ни третье нельзя назвать правом, это действия, связанные с его применением.

Другой немецкий теоретик, один из основателей почтенной исторической школы права Ф. Савиньи, отождествляет субъективное право с правомочием, дающим возможность осуществлять волю одного лица, господствуя над волей другого лица. Немецкий теоретик поясняет: «Если мы рассмотрим право в том виде, в каком оно окружает нас со всех сторон и пронизывает все сферы нашей жизни, то увидим в нем сначала власть отдельной личности — область, в которой господствует ее воля и господствует с нашего согласия. Эту власть мы называем Правом этого лица, которое равнозначно полномочию...»[1]. По сути дела, это и есть субъективное право. В то же время «Судить об отдельном праве можно только путем установления отношения отдельных фактов к общему правилу, которое господствует над отдельными правами. Мы называем это правило Правом как таковым, или общее право»[2], что рассматривается как объективное право.

М.Н. Капустин указывает на некорректность основополагающих принципов, лежащих в основе учения Савиньи

[1] *Савиньи Ф.* Система современного римского права: в 8 т. М.: Статут, 2017. Т. 1. С. 54.

[2] Там же. С. 55.

о субъективном праве. Прежде всего, по его мнению, не является корректным отождествление права с волей, поскольку правом обладает не только лицо, обладающее волей, но и лицо, не обладающее таковой. Кроме того, право нельзя рассматривать и как господство одной воли над другой. Дело в том, что в этом смысле оно предполагает активное воздействие на что-либо. Но право далеко не всегда связано с этим, оно также является возможностью воздействия, которая может быть не реализована.

В целом Капустин склонен рассматривать субъективное право как совокупность требований, которые может предъявлять одно лицо к другому лицу (лицам), данные требования, конечно, обусловлены законом. То есть, подчеркивая значение положения о том, что не существует каких-либо двух прав, а существует одно право, теоретик указывает на методологическую корректность категории «право в субъективном смысле», определяя его как предоставляемая лицу законом возможность (правомочие) предъявлять требования к другим лицам в отношении их конкретных действий или их бездействия.

Однако влияние учения Р. Иеринга на российское правоведение указанного периода было очень велико, многие русские теоретики права рассматривали это учение в качестве главного теоретико-методологического источника своих концепций. Так, к моменту опубликования цитированной работы М.Н. Капустина и, соответственно, его концепции права в субъективном смысле в российском правоведении сложились и иные подходы к данной проблеме, фактически воспроизводившие точку зрения Р. Иеринга. Одним из страстных последователей немецкого теоретика был С.А. Муромцев (1850–1910), последовательно воспроизводивший в своих представлениях о субъективном праве подход Иеринга. Объективное право он отождествлял с совокупностью юридических норм, а субъективное право — с организованной защитой интересов. Придерживаясь социологического подхода

к праву, он полагал, что его источником являются правоотношения, а не закон, который возникает как их следствие. Соответственно, это накладывает особенности на его концепцию субъективного права, которая существенно отличается от концепции М.Н. Капустина. Право в субъективном смысле в концепции Муромцева представляет собой правоотношение. Так, «Каждое правовое отношение (право в субъективном смысле) есть защищенный юридическим образом интерес. Так как, с одной стороны, не могут быть найдены сразу наилучшие средства к достижению данной цели, с другой же, самые цели подлежат постоянному изменению, то происходит постоянная борьба целей и средств... Это — борьба в сфере юридических норм (объективного права). Параллельно с ней происходит борьба в сфере правовых отношений (субъективного права). Юридические нормы не составляют абстрактных сущностей, но выражают только порядок, который должен господствовать в жизни... Жизнь правовых отношений поддерживается борьбой, которая направлена против всего того, что грозит их существованию»[1].

Поэтому М.Н. Капустин акцентирует внимание на обязанности, которая является стороной права в субъективном смысле. Она представляет собой необходимость соответствующих, предписываемых нормой действий, требуемых от лица. В этой связи Капустин указывает на взаимосвязь прав и обязанностей, на то, что соответствующие права порождают и соответствующие обязанности, а соответствующие обязанности означают существование соответствующих прав (правомочий). То есть для того, чтобы право имело действительное значение (право в субъективном смысле), необходимо, чтобы оно было обеспечено обязанностью — право одного лица означает обязанность другого лица, порождаемую данным правом. Юридическое значение требования лица имеют лишь в том случае, если они обеспечены обязанностью других лиц (лица).

[1] *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1879. С. 28–29.

Юридическая природа обязанности вытекает из юридической природы прав. Так, нравственная обязанность существенно отличается от юридической обязанности. Обращение Капустина к проблеме соотношения права и нравственности всегда имеет в контексте его теории существенное значение, важную роль это играет и в контексте обоснования его теоретических представлений о субъективном праве. Так как право есть явление более узкое чем нравственность, хотя и в первом, и во втором случаях речь идет о регулировании общественных отношений, то и юридические обязанности также имеют более узкое значение, по сравнению с нравственностью. То есть «...Нравственная обязанность гораздо шире соответствующего ей права и существует независимо от права; любить должно всех, благотворить всем, хотя право на любовь и благотворительность немыслимо, требовать их никто не может»[1]. Так, например, отношения в семье являются предметом регулирования и нравственности, и права. Однако право регулирует лишь наиболее важные в социальном смысле отношения. Любовь, являющаяся предпосылкой заключения семейного союза, не может быть предметом правового регулирования, это не юридический факт, но юридическим фактом является брак. Таким образом, правом регулируются лишь те семейные отношения, которые затрагивают не духовную, а юридическую сторону, таковыми могут быть отношения, связанные с насилием в семье, а также отношения собственности, ответственность родителей за поступки своих несовершеннолетних детей и многое другое.

Таким образом, можно сказать, что концепция М.Н. Капустина права в субъективном смысле, с одной стороны, является типичной для своего времени, она основана на господствовавших в то время стереотипах правопонимания и в этом смысле представляет немалый исторический интерес. С другой стороны, это результат самостоятельного осмысления

[1] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. С. 125.

важной научной проблемы, предложение оригинального подхода к ее решению; в связи с этим представляется важной критика Капустиным распространенных точек зрения на данную проблему, в том числе подходов Иеринга и Савиньи. Последнее обстоятельство имеет значение в силу широкого распространения учений этих теоретиков в российском правоведении, тем более, что учение Иеринга стало основой российского социологизма. Поэтому данная критика важна не только в силу необходимости определения теоретико-методологических начал решения важной научной проблемы, но и в силу необходимости выразить отношение к формируемому в России новому типу правопонимания — социологическому. В этом смысле М.Н. Капустин, излагая свою концепцию, ведет полемику с социологизмом. Учение Муромцева не является прямым объектом критики, но, критикуя методологические начала учения о субъективном праве Р. Иеринга, он критикует и концепцию С.А. Муромцева. Идея о том, что субъективное право есть правоотношение, не вписывается в представления Капустина, который остается последовательным догматиком, хотя и не склонен к этатизму в интерпретации происхождения права, его сущности.

Подводя итоги параграфа, следует подчеркнуть то, что данная проблема, несмотря на длительность ее решения, остается актуальной и сегодня. Почему эта проблема не нашла решения за более чем полторы сотни лет, со времени ее первоначального формулирования? Это объясняется ее связью с проблемой правопонимания, в контексте типологических особенностей которого она формулируется и решается. Если возможно интегральное правопонимание, то возможно и интегральное решение данной проблемы.

В контексте положений, к которым мы пришли в настоящем параграфе, необходимо указать на очевидную смысловую связь концепции субъективного права М.Н. Капустина с современным правоведением, также как и на то, что учение этого теоретика можно рассматривать теоретико-методоло-

гическим источником современных концепций. Так, в контексте проведенной в начале параграфа типологизации основных подходов к решению проблемы субъективного права, подход Капустина следует охарактеризовать как комбинированный, так как в нем сочетаются идеи отрицательного подхода, состоящего в указании в качестве главного признака на обусловленное законом правомочие требовать соответствующего поведения от других лиц, и признак, состоящий в возможности совершать определенные действия.

Другим важным обстоятельством, обуславливающим концептуальные особенности учения Капустина о субъективном праве, являются идеологические истоки интерпретации природы субъективного права. Так, например, как указывалось выше, идея естественного права ориентирует на либерализм, в том числе и в решении данной проблемы, устанавливая причинно-следственную связь между естественными правами и свободами, имеющими значение субъективных прав и свобод, и законодательством, которое должно создать механизм их гарантий. Но и юридический социологизм, провозглашая правоотношения субъективным правом, также идеологически ориентирует на либерализм, фактически, имеет аналогичную логику постановки проблемы.

Сказанное раскрывает методологическое значение предложенной М.Н. Капустиным категории «право в субъективном смысле», которая призвана сделать данные идеологические контроверзы нейтральными для науки права. Такая постановка проблемы является взвешенной, в значительной степени она укоренилась в современном российском правоведении. Тем не менее, учитывая идеологические наслоения, которые неизбежны в контексте решения данной проблемы, она остается актуальной и сегодня, будет оставаться актуальной и в будущем. Один из знаменитых российских советских теоретиков права на заре новой России писал: «Вопрос о том, сохраняет ли сегодня свое значение традиционное учение о делении права на объективное и субъективное (иначе гово-

ря — на право в объективном и субъективном смысле), или оно исчерпало себя в свете современных реалий, может иметь только положительный ответ. Конечно, сохраняет. Важно лишь освободить его от прежней догматики, идеологических наслоений, формализма»[1].

Однако современная российская законодательная практика предоставляет сюрпризы, усложняющие решение данной проблемы. Так, например, привычное для советской правовой доктрины представление о том, что не может быть иного источника субъективного права, кроме объективного права, которое и сегодня является доминирующим, сталкивается со значительной проблемой в подтверждении данного положения практикой. Дело в том, что Конституция РФ (1993), провозгласив перечень естественных (неотчуждаемых) прав, фактически указав на то, что естественное право является источником позитивного права, тем самым опровергает положение об источнике субъективного права в объективном праве. Таким источником, согласно Конституции РФ, являются естественные права, существующие и действующие независимо от того, закреплены ли они законом или нет. Такая ситуация внесла дополнительную сложность в решение проблемы субъективного права.

Возвращаясь к предмету настоящего параграфа, следует подчеркнуть методологическое значение предложенной М.Н. Капустиным категории «право в субъективном смысле», ее значение не снизилось и сегодня, в контексте современного правоведения. Тем самым М.Н. Капустин внес значимый вклад в теорию субъективного права, обосновал концепцию, не только выражающую основные тенденции правоведения второй половины XIX века, но и опережающую свое время. Положение о том, что не существует субъективного права, также как не существует объективного права, но существует

[1] *Матузов Н.И.* О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 4 (227). С. 129–143.

одно право, которое можно рассматривать либо в контексте субъекта, то есть в субъективном смысле, либо независимо от субъекта, то есть в объективном смысле. Это положение сформулировано и концептуально обосновано М.Н. Капустиным, оно может стать методологической основой решения проблемы субъективного права в современном российском правоведении.

ВЫВОДЫ

Во-первых, тот или иной вариант решения проблемы субъективного права вытекает из соответствующей модели правопонимания, интерпретации сущности права, его социальной природы, происхождения, от чего зависит и трактовка природы правоотношений, а значит, и природы субъективного права. М.Н. Капустин использует догматический подход в решении проблемы субъективного права, сочетая его с распространенными в то время идеями естественного права, исторической школы права.

Во-вторых, М.Н. Капустин исходит из того, что нет никакого научного смысла в разделении права на субъективное и объективное. Если же право рассматривается в связи с субъектом, когда оно означает, что в правоотношениях его участники могут быть наделены такими полномочиями, которые предоставляют возможность одному лицу требовать от другого лица соответствующих действий или бездействия, то для отражения данного аспекта следует использовать понятие «право в субъективном смысле».

В-третьих, М.Н. Капустин склонен рассматривать субъективное право как совокупность требований, которые может предъявлять одно лицо к другому лицу (лицам), которые обусловлены законом. Подчеркивая значение положения о том, что существует одно право, теоретик указывает на методологическую корректность категории «право в субъективном смысле», определяя его как предоставляемая лицу законом

возможность (правомочие) предъявлять требования к другим лицам в отношении их конкретных действий или их бездействия.

В-четвертых, М.Н. Капустин акцентирует внимание на обязанности, которая является стороной права в субъективном смысле, она представляет собой необходимость соответствующих, предписываемых нормой действий, требуемых от лица. В этой связи соответствующие права порождают и соответствующие обязанности, а соответствующие обязанности означают существование соответствующих прав (правомочий). Для того чтобы право имело действительное значение (право в субъективном смысле), необходимо, чтобы оно было обеспечено обязанностью — право одного лица означает обязанность другого лица, порождаемую данным правом. Юридическое значение требования лица имеют лишь в том случае, если они обеспечены обязанностью других лиц (лица).

В-пятых, концепция М.Н. Капустина права в субъективном смысле, с одной стороны, является типичной для своего времени, она основана на господствовавших в то время стереотипах правопонимания и в этом смысле представляет немалый исторический интерес. С другой стороны, это результат самостоятельного осмысления важной научной проблемы, предложение оригинального подхода к ее решению.

В-шестых, необходимо указать на методологическую связь концепции субъективного права М.Н. Капустина с современным правоведением, на то, что учение этого теоретика можно рассматривать теоретико-методологическим источником современных концепций. В контексте типологизации современных подходов к решению проблемы субъективного права подход Капустина следует охарактеризовать как комбинированный, так как в нем сочетаются идеи отрицательного подхода, состоящего в указании в качестве главного признака на обусловленное законом правомочие требовать соответствующего поведения от других лиц, и признак, состоящий в возможности правомочно совершать определенные действия.

2.3. Концепция всеобщей истории права М.Н. Капустина

Построение теоретической модели всеобщей истории права в контексте общих теоретических представлений о праве М.Н. Капустина играло большую концептуально-теоретическую и методологическую роль. История права как направление исследования вытекала из идеи права, которая последовательно реализуется в истории. В своей «Теории права» он писал: «История права показывает, как известные силы и потребности приходили между собою в борьбу и взаимно определяли себя; при этом обрисовываются ясно свойства каждой силы и лучший способ их разумного примирения... Кроме того, история указывает также, что общественный и юридический порядок, слагаясь под влиянием разнообразных сил, изменяется в строгой последовательности, постоянно приближаясь к выражению своей сущности; чем более выясняется значение сил, тем возможнее полное выражение идеи права, так что история права находится в тесной связи с догмою, дополняет ее, а нередко дает ей единственно верную основу для выводов»[1]. Последняя часть фразы указывает на общую методологическую ориентацию М.Н. Капустина, состоящую в историческом эмпиризме теоретических исследований права. Догма права не является результатом умозрительного конструирования, она есть результат обобщения исторических фактов. В этом смысле история права является не только частью учения о праве, но выступает в качестве методологической основы теоретического правоведения.

Склонность М.Н. Капустина к эмпиризму в исследовании правовых явлений, являющаяся по свой сущности позитивистской, сочетается у него с историческим правопониманием, которое, правда, в его теории приобретает более широкие смысловые рамки, чем, например, у Пухты. Немецкий философ считал невозможной всемирную историю права, полагая,

[1] *Капустин М.Н.* Теория права (Юридическая догматика). М.: Катков и Ко, 1868. С. 9.

что каждая национальная система права самодостаточна, а их взаимодействие и взаимообогащение не имеет столь большого значения для определения самого феномена права. В отличие от него, Капустин был уверен, что это взаимообогащение в праве не только играет большую роль, оно имеет определяющее значение. Более того, разделяя основные идеи исторической школы права, он полагал, что основополагающие начала права, правовых институтов, которые зародились в глубокой древности в догосударственном состоянии, являются идентичными для большинства народов мира.

Догматический подход к праву, к которому апеллирует М.Н. Капустин и который составляет квинтэссенцию его методологической ориентации, соединяется у него с историческим подходом, также как и с философским идеями естественного права. Догматика как методологический принцип, согласно ученому, состоит в опоре на юридические факты, под которыми он понимает отношения между лицами, обусловленными правом. Впрочем, данные отношения могут порождать права, то есть взаимные права и обязанности, имеющие обязательный и принудительный характер в контексте этих отношений. Однако из этого следует, что юридические факты выходят за пределы юридического закона, официального принятого государством нормативно-правового акта, обладающего известной совокупностью признаков. Указанные выше отношения имеют место задолго до появления государства, которое является закономерным следствием их эволюции, складывающегося правового порядка, проистекают из представлений, чувства справедливости народа (народного духа). Так как данные представления (идея, идеал права) являются духовной основой права и, соответственно, внутренним фактором его эволюции, которая ведет к воплощению этого идеала, то для догматического изучения права важно и изучение его истории, которое позволяет глубже (правильнее) понять сущность права. Отсюда вытекает необходимость изучения истории права не только в контексте решения образователь-

ных задач, но и в контексте научного изучения права. То есть смысл действующего права кроется не только в действующем законодательстве, но и в исторических памятниках, в истории права. Теоретик подчеркивает: «...Для того, кто хочет вполне раскрыть смысл действующего права, необходимо проследить его историческое движение и сопоставить законы нескольких государств. Поэтому образованному юристу оказывается необходимым изучение истории права и сравнительного правоведения. Все существующие и существовавшие законы представляют собою различные формы внешнего порядка в обществе и потому должны занять место основного материала для юридического мышления»[1].

В догматическом учении М.Н. Капустина одно из центральных мест занимает положение о том, что изучение юридических фактов имеет цель не только в систематизации действующего законодательства, выяснении внутренней и внешней структуры нормативных предписаний и пр., оно также направлено на понимание смысла права как такового, в том числе и действующего. Изучение юридических фактов позволяет раскрыть то, что скрыто за внешней юридической формой — смысл права. То есть, изучая то, что есть (сущее), юрист постигает то, что должно быть (должное). Таким образом, догматика Капустина органически сочетает разные идеи правопонимания, но центральным элементом следует признать философский элемент. А именно, речь идет о познании идеала как смыслообразующего элемента права, придающего ему социальный смысл, объясняющего его прогрессивное движение в истории. Как указывает М.Н. Капустин: «Человеку свойственно подвергать все существующее критике разума, считать нормальным только то, что согласно с разумом и искать идеалов. Чрез посредство юридических фактов он выходит за их пределы; понимание существующего приводит к представлению того, что должно быть. Такое искание идеа-

[1] *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1892. С. 12.

ла становится движущею силой в области юридических фактов. Отрицание рабства, равенство перед законом, гуманность в применении наказаний, — все эти требования разума долго стояли на степени идеалов прежде, чем перешли в действительность. В законах только постепенно проводились воззрения, бывшие первоначально достоянием избранных умов»[1].

Таким образом, философский элемент, вместе с догматическим принципом изучения права, позволяет обосновать М.Н. Капустину идею всемирного исторического процесса, в котором разнообразие правовых форм, имеющих место в национальных культурах народов мира, есть лишь внешнее проявление внутренне единого процесса эволюции права, направленной к воплощению идеала. Необходимо отметить, что в такой постановке проблемы всемирно-исторического процесса М.Н. Капустин не был одинок, более того, у него были русские предшественники, а что касается западных образцов, то наиболее ярким из них, очевидно, является философия истории Гегеля. Однако, если говорить о русском правоведении, то учение К.А. Неволина о воплощении в истории Божественной Правды, дух которого навеян гегелевской философией, является ближайшим образцом такой теоретической модели всемирной истории права. Согласно Неволину, закон, вообще, есть правда, представляющая собой идеал справедливости, реализованный в законодательстве. Но каждый народ не может реализовать ее в полной мере, лишь всемирное движение всех народов, постепенно воплощающее Божественную Правду (замысел Божий), ведет к воплощению этого идеала. То есть содержанием Правды является социальное благо, которое имеет внешнее выражение в закрепленных законом правилах поведения. Это идея законодательства, воплощение которой имеет необходимый характер, будучи обусловлена достижением тех целей, которые поставил Бог в отношении всего человечества. Человечество преодолевает

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 16.

разные периоды своей эволюции, представленные семьей, родом, государством, гражданским обществом, союзом народов, являющиеся ступенями всемирной истории, движущейся к воплощению Божественной Правды на земле.

Таким образом, если отбросить специфику терминологии Неволина, обусловленную временем и особенностями мировоззрения, сама постановка проблемы о всемирной истории права является весьма схожей. Также как является схожей апелляция ученых-правоведов к идее синтеза позитивного и естественного права, где последнее немыслимо без первого. Однако есть одно отличие, представляющееся нам существенным, речь идет о догматическом подходе М.Н. Капустина, который, хотя и компромиссно, разбавлен историзмом и идеей естественного права (философским элементом), остается принципиально важной отправной точкой методологии. Здесь не столь важно, что норма права не имеет столь жесткой связи с законом, как в классическом позитивизме, формально-догматической методологии, но важно то, что теоретик ориентирован на факты, являющиеся необходимой эмпирической базой исследования, обобщение которых позволяет раскрыть более глубокое и универсальное содержание. Такой эмпиризм в сочетании с историзмом, очевидно, следует признать новой вехой в российском правоведении второй половины XIX века.

Итак, концепция всемирной истории права М.Н. Капустина должна ответить на такой ключевой вопрос, как и что обуславливает возможность и необходимость всемирной истории права, также как и на вопрос о том, каковы форма и содержание этого процесса.

Возможность всемирной истории права как самостоятельной юридической дисциплины объясняется тем, что право не тождественно культуре, то есть история права, изменение его институтов во времени и изменение культуры, ее ценностей, есть два относительно самостоятельных процесса в истории. Но, в то же время, известно, что право может воздействовать на культуру, изменяя ее. Так, под воздействием права могут

формироваться ценности, способствующие улучшению или ухудшению нравственности населения, само право в контексте культуры и сознания народа может приобретать высокую ценность, либо, напротив, утрачивать ее. Из того, что право не тождественно культуре, не поглощается ей, имея собственные внутренние источники существования, социальную природу, не позволяющую отождествить его с нравственностью, религией, что может лишь уничтожить его, следует, что существует история права как объективный процесс, аналогичный, но не тождественный истории культуры. Взаимообогащение этих сфер, которое сколь необходимо, столь же и неизбежно, не может свидетельствовать о том, что право поглощается культурой, либо, наоборот, право поглощает культуру. Как пишет М.Н. Капустин: « Право имеет свое собственное бытие, в силу которого движение права не подчиняется безусловно движению культуры, а нередко само подчиняет себе последнюю: заимствование чужого права всегда имело влияние на различные стороны народной жизни. Поэтому возможна также история права как самостоятельная наука, не тождественная с историей культуры и не входящая в состав ее. Содержанием истории права служит постоянное прогрессивное видоизменение юридических институтов и тех актов законодательной деятельности (в обширном смысле), в которых эти институты получили свое окончательное выражение»[1].

Необходимость изучения истории права объясняется тем, что без этого невозможно понять смысл ныне действующих юридических институтов. Так, согласно М.Н. Капустину, история права подразделяется на внутреннюю и внешнюю. Внешняя история представляет историю юридических памятников, изучение которых позволяет выявить направление прогрессивной эволюции права, общий вектор его изменений. Внутренняя история права сводится к изменению во

[1] *Капустин М.Н.* История (всеобщая) права. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1972. С. 3.

времени юридических институтов. Но дело в том, что юридическая оценка института должна осуществляться и в контексте его прогрессивности, не только внутреннего, но и общего вектора исторической эволюции права, поэтому юрист должен знать и внутреннюю, и внешнюю историю права, что важно не только в общетеоретическом, но и в практическом смысле. То есть история права дает критерий прогрессивности изменения права, без которого невозможна законотворческая и в известном смысле правоприменительная деятельность.

Изучение истории права обогащает и правовую теорию. Изучение истории института права очень часто является единственным способом его адекватного понимания, оно необходимо для его усовершенствования в настоящем, либо для правильного использования, а также понимания того, какое значение оно имеет в общей системе правового регулирования, может быть, оно отжило свой век. Важным для понимания теоретической позиции М.Н. Коркунова является его положение о том, что наука права стала возможной именно благодаря обращению к его истории, только тогда возник потенциал достоверности и необходимости знаний о праве, выражающих закономерности его возникновения, развития и функционирования в обществе.

Капустин М.Н. полагает, что исторический метод изучения права был открыт в XVI веке и состоял в реконструкции первоначальных оснований юридических институтов известных кодексов (римское и средневековое право). Часто это позволяло выяснить национальное своеобразие права, коренящееся в особенностях культуры и истории народа. Но, несмотря на то, что исторический метод (подход) изучения права, имевший целью познания смысла действующих либо утративших юридическое значение институтов, известен с указанного столетия. Так, впервые был использован Куяцием (1522–1590), который предпринял попытку раскрыть значение институтов римского права в контексте особенностей римского общества и культуры. Но в его учении он не имел

универсального значения как метода познания права. Тем не менее следует указать на то, что он впервые ориентировал правоведов не на умозрительный анализ законодательства, а на его эмпирическую основу, указывая, что тот или иной институт имеет факторы своего возникновения и эволюции, лежащие в культуре, обществе конкретных народов, что позволяло правильно использовать данные институты в современной жизни, не абсолютизируя их значение.

Тем не менее М.Н. Капустин предсказуемо связывает новую эпоху развития науки права с возникновением и распространением исторической школы права, в котором она отождествляется и с методом, и с теорией, интерпретирующей его сущность. Таким образом, историческую школу права, сосредоточившуюся на изучении национального права, на реконструкции духовных источников ныне действующих институтов, а главное, на реализации идеи его уникальности, эмпирически доказанной и противопоставленной умозрительности дедуктивной философии школы естественного права, он рассматривает как эффективный методологический прием исследования, доказавший свою состоятельность, не теряющий эвристического значения и во второй половине XIX столетия.

Тем не менее, по нашему мнению, в такой оценке кроется и критика данного подхода, указание на то, что данный прием не может претендовать на роль универсального метода в праве. Это означает, что и правопонимание, способ интерпретации сущности и социальной природы права, предпринятый исторической школой юристов, не может быть принято как общезначимое, но как относительное, то есть знание, имеющее относительный характер истинности. Позиция М.Н. Капустина заключается в том, что, хотя право и является национальным феноменом, с древнейших времен оно содержит институты общезначимого характера. Несмотря на порой значительные культурные отличия, народы в целом идут по одному пути организации общества, где право является формой общественных отношений. Однако развитие

человеческой цивилизации ведет к взаимообогащению не только культур, но и права, которое становится все более унифицированным, все больше институты национальных государств сближаются своим содержанием. Так, существует единый процесс исторической эволюции права, в котором национальные законодательства являются элементами одной функционирующей системы.

Подчеркнем, что речь идет именно о всемирном историческом процессе эволюции права. М.Н. Капустин опередил своих русских современников таким воззрением на историю. Дело в том, что в России того времени были популярны иные теории, культивировавшие идею цивилизационной замкнутости истории, где каждый из народов или их групп, образующих цивилизацию, преодолевает в своей исторической жизни циклы существования организма, от рождения до смерти. Так, в 1869 году, то есть за три года до выхода в свет «Истории права» М.Н. Капустина, было опубликовано выдающееся историко-философское произведение Н.Я. Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа»[1], в котором излагается одна из подобных цивилизационных циклических концепций истории. Его ученик К.Н. Леонтьев (1831–1891) предложил иную версию циклической модели истории, изложенную в книге, вышедшей через четыре года после истории права Капустина, в 1876 году — «Византизм и славянство»[2]. Что же касается историков, придерживавшихся концепции всемирно-исторического процесса, так называемых всемирных историков, то время их творчества и обоснования подобной модели истории относится к началу XX века. Одним из них был русский историк-медиевист, в дальнейшем ставший известным в Европе историком и теоретиком права — П.Г. Виноградов (1854–1825). Уже в своей диссертации о лангобардской Италии он столкнулся с необходимостью типологического

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Рипол-Классик, 2022.

[2] *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете, 1876.

анализа феодальных отношений, исторически фиксируемых у разных европейских народов. Так возникла апелляция к факторам экономического, политического, правового характера, обуславливающих соответствующий тип общественных отношений. В целом эта идея нашла отражение в историческом материализме (материалистическом понимании истории), для многих ставшем методологией познания истории. Однако исторический материализм является социально-философской теорией, которая не в состоянии удовлетворить методологические потребности эмпирически ориентированных историков. Поэтому П.Г. Виноградов, равно как и другие историки, относились к историческому материализму с осторожностью, принимая лишь методологически важные для исторической науки положения об объективной обусловленности исторического процесса. Так или иначе, но главным выводом было положение о едином, то есть всемирно-историческом процессе, в контексте которого право также приобретает атрибуты всемирно-исторического феномена.

Если вести речь об источниках идеи всемирной истории права М.Н. Капустина, то, очевидно, следует указать на философскую традицию, где идея всемирной истории издавна рассматривалась как одна из фундаментальных в историософии, философии истории. Помимо немецких классических мыслителей, с которыми очень хорошо был знаком М.Н. Капустин, следует указать на Вл. Соловьева, почитаемого в Москве, для которого идея всемирной истории имела фундаментальное значение, являясь скорее, постулатом, нежели теоретическим выводом. Но важны и иные источники, которые имели более непосредственный характер в своем влиянии на учения русского теоретика права. В их числе Б.Н. Чичерин (1828–1904), который, конечно, по духу своей теории был далек от М.Н. Капустина, однако идея всемирной истории, в том числе всемирной истории права, была органической методологической частью его «Истории политических учений», первая часть которой «Древность и средние века» вы-

шла в свет в 1869 году[1]. Следует также указать и на иностранные источники, одним из которых является немецкий юрист и историк В. Арнольд (1826–1883), идеи которого о всемирно-историческом процессе[2] оказали влияние на М.Н. Капустина. Общей методологической платформой этого ученого была историческая школа права, тем не менее он не разделял убеждения К. Савиньи (1779–1861) в том, что всемирная история права невозможна[3]. Существуют и иные теоретико-методологические источники, оказавшие влияние на юридическое мировоззрение М.Н. Капустина, о них подробнее речь пойдет ниже.

Однако мысль о необходимости всемирной истории права, очевидно, имела своим непосредственным источником учение Арнольда: «...Необходима всеобщая история права. Ее задача заключается в том, чтобы представить общие законы развития права, которые повторяются у каждого народа, и объяснить особенные формы этого развития»[4]. Но слышатся отзвуки и других влияний: «Какому бы народу и времени не принадлежали типические черты права, они составляют наше прошедшее; мы пережили его в них и через посредство их»[5]. То есть «История национальных прав получает значение в науке именно в той мере, в какой они имеют всеобщий характер»[6]. Так, римское право по своей природе является правом национальным, его истоки лежат в культуре и обществе

---

[1] *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Ч. 1. Древность и средние века. М.: Типография Грачева, 1869.

[2] *Arnold W.* Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte im Anschluss an die Verfassungsgeschichte der Stadt Worms, Bd 1-2, Hamb. — Gotta, 1854; *Arnold W.* Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten, Basel, 1861; *Arnold W.* Recht und Wirtschaft nach geschichtlicher Ansicht, Basel, 1863; Arnold W. Cultur und Rechtsleben, B., 1865; *Arnold W.* Cultur und Recht der Römer. B., 1868.

[3] *Савиньи Ф.К.* О римском праве в средние века. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1838.

[4] *Капустин М.Н.* История (всемирная) права. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1972. С. 7.

[5] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 8.

[6] Там же. С. 9.

древнего Рима. Тем не менее оно имеет всемирное значение, так как многие его институты соответствуют общим универсальным потребностям правового регулирования. Это делает его правом всемирно-исторического значения.

Сказанное не означает, что все народы должны копировать наиболее выдающиеся образцы права, также как и того, что они должны отказаться от своей национальной индивидуальности. Напротив, не существует какого-либо универсального права, также как не существует какого-либо одного универсального народа. Только тогда история национального права получает высший смысл своего развития, когда народ осознает себя в качестве самостоятельного (самобытного) субъекта, только тогда он вливается в единую семью народов и получает импульс всемирного развития, то есть его национальная история сливается с всеобщей историей.

Принципиально важным положением учения об истории права М.Н. Капустина является мысль о закономерностях исторического развития, которые должны составить предмет изучения этой научной и учебной дисциплины, она состоит в том, что эти закономерности существуют не вовне права, определяя его развитие, а внутри него. Теоретик имеет в виду не влияние права на политическую, экономическую и др. организацию жизни общества, напротив, он подразумевает, что право является формой этих отношений, а их изменение ведет к изменению права. Так, рабство, феодальная зависимость, папство явились объективной основой рождения рабовладельческого и феодального права. Такое же закономерное влияние оказывают на право заимствования. Так, если в правовую систему вводится новый институт, заимствованный из другой системы права, должна измениться и правовая система, иначе она не сможет функционировать. Установление устойчивых причинно-следственных связей, выражающих закономерности и объясняющих изменения в праве и его историческую эволюцию составляет главную задачу науки истории права. Но в истории нет законов, которым подчиня-

ется все человечество и по которым развивается право, а все попытки отыскать такие законы не являются научными. В данном случае М.Н. Капустин имеет в виду школу естественного права и ее умозрительную методологию. Она формулировала непреложный, то есть универсальный, внеисторический закон в виде некоего порядка отношений, основанного на естественном праве, на разуме и в его контексте оценивала реальные события, среди которых лишь те признавались историческим фактом, которые соответствовали этой умозрительной конструкции.

Важным методологическим постулатом, вытекающим из предыдущих положений, является требование того, что юрист не должен руководствоваться в своей деятельности умозрительными построениями. Таковыми, например, являются обобщения исторической практики народов, которым придается непреложная сила законов. М.Н. Капустин опирается на учения современных европейских теоретиков, показывая несостоятельность такой задачи. Среди теоретико-методологических источников Ш. Конт (1782–1837), полагавший, что обобщения в истории, которым придается значение законов, является плодом больного воображения. А также Ф. Лоран, полагавший, что кроме божественного промысла, других закономерностей в исторической жизни увидеть невозможно[1].

Необходимо отметить, что в пореформенной России правоведение развивалось очень быстрыми темпами, появлялись новые отрасли юридического знания. Так, активно развивалось отрасль международного права, происходило становление общей теории права, других юридических дисциплин. В русле этих тенденций появились и исторические правовые дисциплины. Но если история политических и правовых учений была подготовлена существовавшей в России с 1830-х годов историей философии права, первую концепцию которой разработал К.А. Неволин, то история права была принципиально новой отраслью юридического знания. М.Н. Ка-

[1] *Loran F.* Etudes sur l'histoire de l'humanité. Brusiel, 1861. T. 1.

пустин оставил свой след в большинстве разделов юридической науки, тем более это касается новых отраслей, таких как общая теория права, ростки которой были определены в 1860-х годах, теории международного права и, конечно, всемирной истории права. Он понял методологическую необходимость изучения всемирной истории для решения общетеоретических задач. Но такой прикладной характер данной дисциплины нисколько не снижает ее роли как самостоятельной юридической науки со своим предметом, задачами и методами изучения. Отстаивая статус данной отрасли, Капустин делает значительный шаг вперед в деле эволюции теоретической юриспруденции, обогащая научное правоведение.

На концепцию истории права М.Н. Капустина значительное влияние оказали особенности его правопонимания. Вернее, данная концепция является его неизбежным следствием. Это правопонимание, сочетающее в себе элементы юридического позитивизма и идеи естественного права, которые соединяются в контексте историзма, напоминает социологическое правопонимание, получавшее распространение в российском правоведении уже в годы творчества М.Н. Капустина. С.А. Муромцев (1850–1910), впервые предложивший социологическую интерпретацию государства и права, сделал это в работе, опубликованной в 1875 году[1], то есть через семь лет после опубликования «Истории права» теоретика. Однако идея социологического правопонимания в среде теоретиков права была распространена ранее, она была навеяна исторической школой права, которая содержит ее в себе как зародыша. Уже «Общая теория права» М.Н. Капустина дает основания для утверждения, что идеи социологического правопонимания ему были не чужды.

Это наложило свой отпечаток на рассматриваемую концепцию истории права М.Н. Капустина. Он подразделяет историю права на два периода, на донациональный и нацио-

[1] *Муромцев С.А.* Определение и основные разделения права. М.: Типография А.И. Мамонтова и КО, 1879.

нальный, полагая, что первобытные народы в своем протоисторическом существовании обладали, хотя и примитивным, но правом. Национальный же период связан с образованием цивилизации и, соответственно, национальных государств.

ВЫВОДЫ

Во-первых, в учении М.Н. Капустина история права как направление исследования вытекала из положения об идее права, последовательно реализующейся в истории. Догма права не является результатом умозрительного конструирования, она есть результат обобщения исторических фактов. В этом смысле история права является не только частью учения о праве, но выступает в качестве методологической основы теоретического правоведения.

Во-вторых, смысл действующего права кроется не только в действующем законодательстве, но и в исторических памятниках, в истории права. Догматика как методологический принцип, состоит в опоре на юридические факты, под которыми он понимает отношения между лицами, обусловленными правом. Из этого следует, что юридические факты выходят за пределы юридического закона, официального принятого государством нормативно-правового акта, обладающего известной совокупностью признаков. Так как данные представления (идея, идеал права) являются духовной основой права и, соответственно, внутренним фактором его эволюции, которая ведет к воплощению этого идеала, то для догматического изучения права важно и изучение его истории, которое позволяет глубже (правильнее) понять сущность права. Отсюда вытекает необходимость изучения истории права не только в контексте решения образовательных задач, но и в контексте научного изучения права.

В-третьих, философский элемент изучения права, вместе с догматическим принципом, позволяет обосновать М.Н. Капустину идею всемирного исторического процесса, в котором

разнообразие правовых форм, имеющих место в национальных культурах народов мира, есть лишь внешнее проявление внутренне единого процесса эволюции права, направленной к воплощению идеала.

В-четвертых, возможность всемирной истории права как самостоятельной юридической дисциплины объясняется тем, что право не тождественно культуре, то есть история права, изменение его институтов во времени и изменение культуры, ее ценностей, есть два относительно самостоятельных процесса в истории. Но, в то же время, известно, что право может воздействовать на культуру, изменяя ее. Так, под воздействием права могут формироваться ценности, способствующие улучшению или ухудшению нравственности населения, само право в контексте культуры и сознания народа может приобретать высокую ценность, либо, напротив, утрачивать ее. Поэтому существует история права как объективный процесс, аналогичный, но не тождественный истории культуры. Взаимообогащение этих сфер, которое сколь необходимо, столь же и неизбежно, не может свидетельствовать о том, что право поглощается культурой, либо, наоборот, право поглощает культуру.

В-пятых, всемирная история права является методом познания права, она дает критерий прогрессивности изменения права, без которого невозможна законотворческая и в известном смысле правоприменительная деятельность, позволяет понять смысл ныне действующих институтов. Юридическая оценка института должна осуществляться и в контексте его прогрессивности, не только внутреннего, но и общего вектора исторической эволюции права, поэтому юрист должен знать и внутреннюю, и внешнюю историю права, что важно не только в общетеоретическом, но и в практическом смысле. Наука права стала возможной именно благодаря обращению к его истории, только тогда возник потенциал достоверности и необходимости знаний о праве, выражающих закономерности его возникновения, развития и функционирования в обществе.

В-шестых, особенность точки зрения М.Н. Капустина заключается в том, что, хотя право и является национальным феноменом, с древнейших времен оно содержит институты общезначимого характера, несмотря на порой значительные культурные отличия, народы в целом идут по одному пути организации общества, где право является формой общественных отношений. Но развитие человеческой цивилизации ведет к взаимообогащению не только культур, но и права, которое становится все более унифицированным, все больше институты национальных государств сближаются своим содержанием. Так, существует единый процесс исторической эволюции права, в котором национальные законодательства являются элементами одной функционирующей системы. М.Н. Капустин опередил своих русских современников таким воззрением на историю.

В-седьмых, согласно М.Н. Капустину, история национального права получает значение в науке именно в той мере, в какой оно имеют всеобщий характер. Так, римское право по своей природе является правом национальным, его истоки лежат в культуре и обществе древнего Рима. Тем не менее оно имеет всемирное значение, так как многие его институты соответствуют общим универсальным потребностям правового регулирования. Это делает его правом всемирно-исторического значения. Однако не существует какого-либо универсального права, также как не существует какого-либо одного универсального народа. Только тогда история национального права получает высший смысл своего развития, когда народ осознает себя в качестве самостоятельного (самобытного) субъекта, только тогда он вливается в единую семью народов и получает импульс всемирного развития, то есть его национальная история сливается с всеобщей историей.

В-восьмых, установление устойчивых причинно-следственных связей, выражающих закономерности и объясняющих изменения в праве и его историческую эволюцию, составляет главную задачу науки истории права. Но в истории

нет законов, которым подчиняется все человечество и по которым развивается право, а все попытки отыскать такие законы не являются научными. Закономерности исторического развития составляют предмет изучения всемирной истории права, которые существуют не вовне права, определяя его развитие, а внутри него. Так, институт рабства и феодальной зависимости определил возникновение, соответственно, рабовладельческого и феодального права.

В-девятых, М.Н. Капустин оставил свой след в большинстве разделов юридической науки, тем более это касается новых отраслей, таких как общая теория права, ростки которой были определены в 1860-х годах, теории международного права и, конечно, всемирной истории права. Он понял методологическую необходимость изучения всемирной истории для решения общетеоретических задач. Но такой прикладной характер данной дисциплины нисколько не снижает ее роли как самостоятельной юридической науки со своим предметом, задачами и методами изучения. Отстаивая статус данной отрасли, Капустин делает значительный шаг вперед в деле эволюции теоретической юриспруденции, обогащая научное правоведение.

Глава 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ДОГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В УЧЕНИИ М.Н. КАПУСТИНА О МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

3.1. Интерпретация М.Н. Капустиным предмета и метода науки международного права

Личность Михаила Николаевича Капустина была многосторонней, совмещая в себе множество талантов. Трудно сказать, какой из них преобладал над другими. Выдающихся успехов он достиг как на поприще государственного служащего, так и на поприще науки. Очевидно, что науке он оставался верен всегда, несмотря на крайнюю загруженность работой в качестве руководителя главного в стране юридического учебного заведения (Ярославского лицея), в качестве попечителя Дерптского, а затем и Санкт-Петербургского учебных округов. О страстной любви к юридической науке свидетельствует переписка М.Н. Капустина с коллегами. В одном из писем 1886 года он писал: «В настоящее время, когда я оторван от науки, я с особенной силой чувствую лишение и готов бы поменять мое попечительство на кафедру...»[1].

Благодаря своим работам по общетеоретическим проблемам права, М.Н. Капустин был известен как специалист в области энциклопедии права. Но его научные пристрастия были гораздо шире, охватывая разные сферы юридического знания. Как следует из проведенного выше анализа его творчества, он явился первым теоретиком истории права. Но значителен его вклад и в развитие теории международного права в России. Более того, следует подчеркнуть, что становление М.Н. Капустина как ученого-юриста началось именно с раз-

[1] Письмо М.Н. Капустина А.А. Борзенко от 18.01.1886 (Ревель) // Михаил Николаевич Капустин и его письма к А.А. Борзенко. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. С. 7.

вития этой проблематики, которая в те года рассматривалась в качестве одной из наиболее перспективных. Речь идет о диссертации на соискание степени магистра, предметом которой были дипломатические отношения нашей страны во второй половине семнадцатого столетия. Это было новое слово в юридической науке. В связи с этим уместным представляется привести слова одного из ученых, оппонировавших при защите диссертации. В его отзыве говорится: «Вопрос о дипломатии в древней России есть раскрытие новой и важной стороны отечественной истории — раскрытие, объясняющее нам моральное и религиозное состояние русского народа, и вытекающий оттуда взгляд Руси на окружающие его народы и потом на все человечество. Этот взгляд можно охарактеризовать отсутствием исключительности и уважением к человеку, независимо от того, грек ли этот человек, татарин или немец. Это отсутствие исключительности: родиться оно должно было в глубине русского духа»[1]. Значение науки международного права определялось ролью развивающихся международных отношений. Это понял М.Н. Капустин еще будучи студентом, который писал: «Международное право, хотя и ограничивается у нас по преимуществу сферою научною, однако начинает возбуждать интерес общий: юридическое мышление находит для себя особый простор в сфере отношений между государствами; в процессе их развития юридический ум с особенной любовью уловляет общие нормы права»[2].

Середина XIX века, как известно, была временем бурного развития международных отношений, которые в соответствии с общими тенденциями обретали правовые формы. Нельзя сказать, что ранее международные теоретики не обращались к изучению международных отношений. Такие попытки были, более того, некоторые из них претендовали на

[1] *Лешков В.Н.* Об исследовании М. Капустина «Дипломатические отношения России с Западною Европою» // Москвитянин. 1852. Т. 3. Отд. 5. С. 90.

[2] *Капустин М.Н.* Обозрение русской юридической литературы за 1855 год // Русский вестник (Современная летопись). 1856. Кн. 1. С. 143.

роль систематического изложения начал и принципов международного права. В данном случае речь идет о К.А. Неволине. Однако к моменту написания М.Н. Капустиным магистерской диссертации в России, очевидно, не было создано ни одного фундаментального труда по международному праву. Таким образом, речь идет об осознании необходимости создания теории международного права, которая рассматривалась как решение важнейшей научной и практической задачи того времени. Примечательным фактом является отсутствие в Московском Императорском университете профессоров, специализирующихся по международному праву. Не случайно не нашлось ни одного оппонента данного профиля[1].

Новые идеи в науке, как известно, всегда рождают не только надежды, но и сомнения. В отношении этой новой отрасли юридического знания теории международного права также было много скептицизма. Были сомнения и в том, что такая наука возможна в принципе. Дело в том, что регулирование данной сферы отношений отличается существенными особенностями, так как специфичны нормы, регулирующие международные отношения, механизм и методы правового регулирования. В связи с этим и возникает вопрос о возможности не только науки международного права, но и самого международного права. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на укорененность этой науки к концу столетия, скептицизм в отношении нее не был исчерпан. Показательна оценка одного из представителей этой еще молодой науки, который подавал большие надежды как юрист-международник, волей судьбы вынужденный преподавать другую дисциплину: «...Я люблю, действительно, свой предмет, рад избавиться от международного права... и Вы, быть может, были правы о моем окончательном избавлении от моей первоначальной

[1] Из оппонентов по магистерской диссертации М.Н. Капустина В.Н. Лешков — профессор полицейского права, С.И. Баршев — криминалист, Н.В. Калачов — специалист по истории русского права, С.М. Соловьев — историк.

специальности. Бог с нею, не поминай ее лихом»[1]. Лишь в более позднее время международное право было признано всем сообществом юристов-теоретиков в качестве одной из отраслей науки права.

Учитывая же ту значительную роль, которую играет наука международного права в современной юридической теории, нельзя усомниться в выдающемся значении первых работ по данной проблематике, в которых очерчивался предмет этой науки, ее задачи и принципы применяемой методологии. В этой связи имя М.Н. Капустина должно быть вписано в число основателей не только общей теории права, истории права, но и теории международного права. Такой перечень заслуг в юридической науке, характеризующихся яркими открытиями, заслоняет своим светом значение его государственной деятельности на поприще российского образования.

Значение работ М.Н. Капустина по международному праву[2] состоит в разработке методологических основ изучения данной сферы отношений, определении их специфики в контексте правоотношений, что являлось необходимой почвой для обоснования необходимости специального изучения данной сферы в пределах единой теории права.

Контекст работ М.Н. Капустина по международному праву, обстоятельства жизни и творческой эволюции этого ученого позволяют провести периодизацию становления его теории международного права. Соответственно, в качестве первого этапа формирования теории следует выделить его магистерскую диссертацию, так как в ней, в контексте оппо-

---

[1] *Ященко А.С.* Письмо к Грабарю В.Э. от 3 марта 1909 года (Юрьев (Дерпт)) // Архив РГБ. Отдел рукописей РГБ. Письма к Грабарю В.Э. (1906 — 1911, 1917). Фонд № 376; Картон № 12; Единица хранения № 21.

[2] *Капустин М.Н.* Дипломатические отношения России со странами западной Европы во второй половине XVII века. М.: Университетская типография, 1852; *Капустин М.Н.* Обозрение предметов международного права. Вып. 1–4. М.: Университетская типография, 1856–1859; *Капустин М.Н.* О значении национальности в международном праве. М.: Университетская типография, 1863; *Капустин М.Н.* Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873.

зиции понятий дипломатические и международные отношения, вполне определилось понятие международного права. Второй период относится к написанию и защите докторской диссертации, так как в контексте предпринятой в ней удачной попытке определения особенностей европейского права и его истории созданы необходимые концептуальные основания для теоретического обоснования международного права. Главным обстоятельством, позволяющим выделить этот период в качестве самостоятельного этапа формирования теории международного права, является рассмотрение европейского права как международного явления, а также используемая автором методология его исследования, что представляется важным для последующего становления теории. Окончательное оформление концепции теории международного права М.Н. Капустина (третий этап) относится ко времени издания учебника, посвященного международному праву. Здесь международное право рассматривается как одна из отраслей юридико-теоретического знания, со своим предметом, познавательными задачами и методом исследования международных правоотношений.

Рассматривая содержание первого этапа, необходимо выделить несколько идей, обоснованных будущим выдающимся теоретиком в его магистерской диссертации. Прежде всего, речь идет об указанной выше идее оппозиции дипломатических и международных отношений, которая в качестве принципа имеет большое значение для науки международного права, определения самого понятия международных отношений и, соответственно, предмета теории международного права.

Другой важной идеей, играющей роль принципа, является идея равенства субъектов международных отношений. Так, сосредоточенность автора магистерской диссертации на анализе значения точности воспроизведения в договорах со Швецией и Францией наименования титулов Алексея Михайловича имеет значение выяснения юридических условий равенства отношений между государствами. Так, формально

равенство гарантирует полнота воспроизведения титулов, означающая соответствующий объем статуса главы государства.

Третьей идеей, обоснованной в диссертации, является установленный в ней факт, что в это время Россия не была включена в систему международных отношений — систему международного права. Однако вторая половина XVII века рассматривается как время перехода к международному праву, который окончательно произошел в царствование Петра I. При этом М.Н. Капустин усматривает закономерность в данном процессе, которая связана не с личностью императора, а с развитием России как государства, международное значение которого возрастает. В этом смысле указанный переход к международному праву, по мнению теоретика, стал происходить раньше, до царствования Петра I, при Алексее Михайловиче. М.Н. Капустин подчеркивает, что «В дипломатии, как и во внутренней жизни, XVII век представляет эпоху переходную. Конечно, реформа началась прежде Петра Великого — было осознание ее необходимости; Петр явился продолжателем древней русской жизни, давший ей более простора в новых формах, новых путях, созданных его гением. В XVII веке начинается полное вступление России в европейское народное право»[1].

Таким образом, начальным пунктом теории международного права М.Н. Капустина является определение понятия международного права, международных правоотношений как более высокого уровня международного общения, которому предшествует дипломатия, дипломатические отношения, в отличие от международных отношений, имеющих нерегулярный, эпизодический, не институциональный характер. Однако в качестве переходного этапа к международному праву дипломатия характеризуется фундаментальными принципами, состоящими в уважении и равновесии, понятиями об-

[1] *Капустин М.Н.* Дипломатические отношения России со странами западной Европы во второй половине XVII века. М.: Университетская типография, 1852. С. 31.

щего для сторон отношения блага, являющегося условием данных отношений.

Это разделение периода дипломатии и периода вступления в народное (международное) право имело большое значение для формирования концептуальных представлений о международном праве М.Н. Капустина. В то же время, несмотря на очень интересные оценки анализируемых в работе фактов международной жизни, необходимо отметить, что данная работа свидетельствует о формировании концепции ученого, но не о сложившейся теории. Так, очевидным упущением следует признать принижение значения римского права в качестве исторического источника международного права будущего.

Значение второго периода, связанного с написанием и защитой докторской диссертации, заключается, прежде всего, в развитии общетеоретических представлений о праве, позволивших глубже определить особенности международного права. Важен также присутствующий в работе исторический контекст, столь необходимый для интерпретации концептуализации представлений о происхождении международного права.

Исторический подход к изучению права, столь большое место занимающий в последующих исследованиях теоретика, в том числе посвященных общетеоретическим проблемам права, приобрел концептуально-методологические форму именно на данном периоде творчества. История права в этом смысле не является самоцелью, но инструментом познания, несмотря на то, что история права как дисциплина имеет самостоятельное значение.

Такой подход в учении М.Н. Капустина сопряжен и учетом этнографического фактора. В его контексте право представляет собой не однородное явление в мире, но модифицируется в соответствии с особенностями культурной жизни народов. В данном контексте явление международного права выглядит как тенденция унификации норм международного общения, унификации национального права, что и создает

возможность некоего международного порядка. Так, по мнению теоретика, «в каждом государстве, образовавшемся через постепенное нарастание, хотя и сохранилась своя этнографическая национальность с ее отличительными чертами, но она изменялась постоянно под влиянием общей цивилизации и государственной жизни. Чем способнее оказывался народ к такому видоизменению, тем более силы он получал для своего развития. Все европейские народы доказали эту способность при посредстве государства слагаться в исторические национальности, выходить из исключительного племенного быта в общение гражданственности, и на этом законе историческом основывается возможность и необходимость международного союза. В этом союзе каждое государство представляет собой известную политическую народность со всеми ее свойствами и силами; оно сохраняет и развивает народные силы, собранные его историей и законодательством»[1].

Мысль М.Н. Капустина состоит в том, что право по своей природе универсально, но оно принимает разные исторические формы, в связи с историческими особенностями и культурой народов. При этом сама возможность международного права определяется тем, что исторический процесс не есть разрозненные эпизоды жизни разных народов, он един, что определяет общий для всех народов вектор, состоящий в объединении. Правовую форму этого единства и составляет международное право.

Важно подчеркнуть, что М.Н. Капустин стремится обосновать идею о том, что право само по себе является универсальным феноменом, что сближает его с представителями школы естественного права. Исторические особенности жизни народов накладывают на право свои особенности, однако это не является препятствием для их взаимопонимания. По сути дела, речь идет о близости представлений разных народов о справедливости. Это и делает возможным и необходимым

[1] *Капустин М.Н.* Очерк истории права в Западной Европе. М.: Катков и Ко, 1866. С. 210–211.

международное право. Его источником является право национальное, легитимируемое в контексте национальных интересов в пространстве международного общения, а также на основе идентичных представлений о справедливости.

Эти идеи, сформулированные в докторской диссертации теоретика, имеют основополагающее значение для его учения о международном праве, окончательно оформившемся на третьем этапе становления концепции. Очевидно, что исходной идеей его теории является мысль о единстве человечества, в силу идентичности природы всех людей. Природа же людей состоит в потребности общения, без которого невозможно существование в мире. В этом смысле, несмотря на разнообразие культур народов, существующих в мире, исторические особенности их жизни, накладывающие существенный отпечаток на культуру и общество, очевидна тенденция к унификации, сближению народов, обуславливаемая необходимостью вступления в отношения, с целью реализации интересов. Таким образом, «Начинаясь с отдельных лиц, эти отношения охватывают затем целые государства и распространяются все шире, по мере распространения цивилизации. Международные отношения во всех своих видах могут получить характер определенности и, следовательно, творческое значение лишь под условием права и нравственности. Юридическая сторона этих отношений составляет предмет науки международного права. Предметом ее служат те начала права, которыми охраняется и на которых основывается цивилизация, т. е. раскрытие материальных и духовных сил каждого народа при посредстве его общения с другими народами. А так как юридическим выражением народа и представителем его сил является государство, то международное право имеет содержанием своим положение и деятельность государств и их подданных в международной (внегосударственной) области»[1].

[1] *Капустин М.Н.* Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 4.

Формой международного общения и, соответственно, складывающихся отношений между народами является международное право. Юридическая природа международного права имеет существенную специфику, она определяется особенностями норм международного права. Дело в том, что в сфере международного права немыслима кодификация, так как основной его формой является международный договор. В связи с этим нормы международного права не обладают той обязательной силой, какой обладают нормы национального законодательства. Лишь некоторые из международных договоров, по мнению теоретика, приобрели значение закона[1].

Помимо международных соглашений, к источникам международного права М.Н. Капустин относит две группы норм национального законодательства. Первая из них регулирует отношения иностранных граждан с принимающим их государством, вторая же — отношения подданных государства с государством, в котором они пребывают в настоящий момент (являются иностранцами).

В своем учебнике по международному праву М.Н. Капустин дает четкое определение международного права: «Содержанием международного права служит вся совокупность отношений между народами. Оно не ограничивается положением мира и войны, а обнимает собою разнообразные юридические формы удовлетворения потребностей государственных и частных, выходящие за пределы действия национального права»[2].

Разные группы отношений являются основанием выделения разных групп норм. Таким образом, концептуализация международного права выглядит как типологизация отношений в этой сфере.

---

[1] Речь идет об актах Вооруженного нейтралитета 1778, 1800 и 1856 годов, содержащих нормы, обеспеченные принуждением со стороны принявших его государств, Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1864 г., трактате о запрещении торговли неграми 1841 г.

[2] *Капустин М.Н.* Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 14.

К первой группе отношений относятся отношения союза, состоящие в отношениях отдельного государства и сообщества государств, которые включены в данный союз. Так как союз является условием, обеспечивающим интерес данного государства, то его интересы превыше интересов этого государства.

Вторая группа отношений — отношения суверенитета. Они строятся на взаимном признании суверенности государств, вступающих в отношения, что является условием статуса данных государств как субъектов международного права.

Последнюю группу отношений составляют частноправовые отношения международного характера, когда вступающие в отношения частные лица, одни из которых являются иностранцами, руководствуются законодательством данного государства.

В контексте современной теории международного права учение М.Н. Капустина выглядит как его историческое начало. Но именно начало важно для разработки столь важной отрасли современной правовой теории. В этом смысле нельзя переоценить историческое значение работ М.Н. Капустина по международному праву, в которых он с присущей ему талантливостью определил контуры науки международного права в виде предмета, задач, методологии. В этом смысле нельзя не согласиться со следующей оценкой вклада М.Н. Капустина: «М.Н. Капустин стал одним из основателей отечественной науки международного права. Создатель первой отечественной систематизации международного права, он также являлся первопроходцем во многих аспектах этой науки. Его вклад и как педагога, наставника будущих выдающихся отечественных юристов-международников, и как ученого-юриста, в развитие международного права в России очень значителен, но, к сожалению, недооценен»[1].

[1] *Яковлев М.Н.* Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10–11.

Важным представляется акцентировать внимание на том, что теоретическая концептуализация М.Н. Капустиным международного права происходит в контексте его интерпретации сущности права, определяется особенностями его модели правопонимания, которое следует рассматривать в качестве методологического начала его теории. В предыдущих разделах монографии было показано, что особенности правопонимания этого теоретика сводятся к сочетанию позитивизма и историзма с идеей естественного права, выраженной в значении философского компонента в его концепции права. При этом позитивистская методология теоретика прямо определяется догматизмом, в котором он рассматривается в качестве условия научного изучения права. Принципиальное значение имеет сочетание в его исследовании права догматизма и историзма, что определило и теоретический каркас учения о международном праве. При этом идея единства человечества выступает в качестве принципиального начала теории. Так, по мнению теоретика, «Человечество, единое по своей идее, представляется в действительной жизни отдельными народами, сознающими свою особенность, имеющими свою историю, предания, нравы, политическую форму и право. С другой стороны, эти народы связаны между собою взаимными интересами, одинаковостью религиозных, нравственных и юридических воззрений, а также сознанием общего происхождения»[1]. Он выделяет формальную и содержательную стороны международного общения народов. История показывает, что к формальной относятся принятые внутренним законодательством, обычаями, нравственными и религиозными началами, международными правовыми документами, прежде всего, соглашениями между государствами правила, признание и исполнение которых зависит от воли государств. Содержательная сторона выражается в чувстве справедливости, источником которого является особенность националь-

[1] *Капустин М.Н.* Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 1.

ной культуры, сложившейся исторической ситуации, в котором можно узнать не только исключительно национальные признаки, но и общие, универсальные, общечеловеческие, так как «человечество едино по своей идее».

По мнению теоретика, нравственность является главным началом, на котором всегда основывались отношения между народами. Тем не менее, когда речь идет о защите интересов этих народов, ее недостаточно, необходима более четкая и определенная основа, каковой и является право. Однако на международном уровне право не имеет той же определенности, какую оно имеет в рамках национального государства. Отсюда идеал справедливости становится той точкой отсчета, из которой начинают свое движение нормы международного права. Так, «В действительности нравственность, при всем своем великом значении, сама по себе недостаточна для охранения международной жизни. Для этого необходимо право, хотя оно является во внегосударственной области не в виде строгих формальных определений, а в значении справедливости, jus aequum, примиряющей и уравновешивающей народные силы»[1].

Особенность международного права заключается в том, что ее субъект, каковым является народ в лице представляющего его государства, одновременно выступает и в качестве судьи, и в качестве исполнителя, что может вести к сомнению существования какого-либо международного порядка в мире. Тем не менее международный порядок возможен, несмотря на то, что нормы международного права, закрепленные международным соглашением, не обладают императивностью, которая присуща национальному законодательству. Исходя из своего правопонимания, в котором свое место заняла идея естественного права, он полагает, что представления народов о справедливости, несмотря на их разнообразие и особенности культурного развития, на то, что право, как правда, является порождением их национального духа, ученый правовед верит,

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 2.

что существует и общая идея справедливости, разделяемая всеми народами. Тем более, что ее основой «...служит чувство правды, нравственное удовлетворение, вера в непреложное воздаяние, сопротивление насилию и признание действительной живой силы в размере ее творчества. Строго-юридические нормы служат могучим средством для осуществления справедливости и видоизменяются лишь требованиями индивидуальной жизни народов, которая заключается не в одном приобретении, но также в отказе от того, на что уполномочивает строгое право»[1].

Таким образом, М.Н. Капустин приходит к определению главной особенности норм международного права. Эта особенность заключается в их конвенциальном характере и, соответственно, в том, что нет института принуждающей силы, характерного для национального права. Таким образом, главная их особенность заключается в сознании их необходимости, коренящейся в их ценности не только для отдельно взятого народа, но и для человечества в целом. Поэтому «...здравая политика немыслима вне высших интересов человеческого общества; дипломатия должна опираться на праве и почерпать силу в сохранении основ международной жизни»[2].

Следует отметить, что, несмотря на гуманистическую риторику и симпатии к идеям естественного права, М.Н. Капустина нельзя причислить к абстрактным гуманистам. Он твердо стоит на почве фактов, руководствуясь здравым смыслом. Так, положение о приоритете общечеловеческих ценностей, определяющих представление народов о справедливости, вовсе не означает, что именно на этих основаниях должен строиться международный порядок отношений. Напротив, его источником являются национальные интересы, а международное право выступает в качестве способа их реализации. Содержанием отношений между народами являются именно национальные интересы, а международное пра-

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 3.
[2] Там же. С. 4.

во выступает в качестве их юридической формы, нормы которого устанавливают взаимные права и обязанности, соблюдение которых обеспечивает гарантии национальным интересам. Так, возникают соглашения между государствами, межгосударственные союзы, целью которых является, с одной стороны, взаимное признание интересов, а с другой стороны, взаимное их обеспечение в процессе взаимодействия с другими государствами.

Указание на то, что международное право является юридической формой отношений, обусловленных интересами национальных государств, имеет принципиальное значение для теории международного права М.Н. Капустина. Оно выводит международные отношения за пределы оценочной сферы, придавая им форму порядка, охраняемого самими же государствами. Примечательно то, что потребность в международном праве существовала давно, а некоторые формы международных отношений с древности определялись нормами права. Такими нормами были нормы национального законодательства, признававшиеся в Древнем Риме в решении вопросов, связанных с иностранцами. Однако jus gentium не рассматривалось как международное право и не могло быть таковым по своей природе. Очевидно, только средневековье делает первый шаг в установлении нормативных источников, регулирующих отношения между народами. К таким источникам относилось божественное или естественное право, которое по своей сущности имело нравственную природу. Лишь эпоха нового времени создает реальные правовые нормы международного характера. Речь идет о международных соглашениях, одним из которых являются Вестфальские договоры 1648 года, итогом которых явилось завершение войны в Священной Римской империи, продолжавшейся в течение тридцати лет (Тридцатилетняя война), образование новой системы международных отношений, основанной на признании суверенитета национальных государств.

Однако научная позиция М.Н. Капустина как теоретика права заключается в том, что, несмотря на реально функционирующие в международном пространстве правовые нормы, их особенность не позволяет отнести их к главному источнику международного права. Исходя из своего понимания юридических норм, особенность которых заключается в их гарантированной государственным принуждением общеобязательности, не видя такого же механизма их действия в международных отношениях, ученый полагает, что их гарантия лежит в сфере сознания, их ценностного признания государствами как важного фактора обеспечения национальных интересов. А значит, «...истинным источником международного права останется всегда справедливость в значении взаимного уважения и признания; она же будет служить критерием для всякого внешнего выражения международных юридических норм, находить опору для себя в нравах цивилизованных народов»[1].

Необходимо подчеркнуть, что представления М.Н. Капустина о международном праве соответствуют особенностям эволюции как международных отношений второй половины XIX века, так и уровню развития науки международного права того времени. В связи с этим следует указать на то, что еще было далеко время, когда усилиями национальных государств будут созданы универсальные механизмы защиты прав и свобод человека в виде международных организаций, участниками которых станет большинство современных государств. Еще далеко то время, когда будут созданы правовые основы международного правового порядка, на основе международных деклараций, конвенций, его закрепляющих и делающих реальностью, благодаря тому, что ценности и нормы этих международных документов становятся частью правовой системы стран, их подписавших. Но уже после Вестфальского договора, признавшего государственный суверенитет в качестве высшей ценности международной политики, Фран-

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 8.

цузской декларации 1789 года, целого ряда международных документов XIX века, стали вырисовываться контуры международной системы отношений, что требовало теоретического отражения, позволяющего познать сущность и закономерности этой сферы. Это объясняет столь бурное развитие учений о международном праве, начиная с XVII века.

К сожалению, в России подобного рода исследования не проводились. Что касается Западной Европы, то они, как правило, имели общетеоретический характер. Заслуга отечественных теоретиков права состояла в обобщении сложившегося в Европе знания, в ходе которого могли быть высказаны оригинальные идеи, что объективно вносило вклад в становление молодой науки международного права. Очевидно, первым теоретиком права, который не только предпринял попытку обобщения учений о международном праве, но и высказал ряд интересных идей, был К.Н. Неволин, который выделял «законы союза народов», фактически не отличая их от законов национальных государств, признавая принуждение со стороны государства (право войны) в качестве механизма его действия (принуждение)[1]. Кроме того, ему принадлежит первенство обзора истории международного права на русском языке. Примечательно определение международного права, которое дает К.Н. Неволин: «Народное право в истинном его смысле есть часть законодательства, принадлежащая собственно новым временам. Она предполагает в людях сознание общего единства их природы и, следовательно, равенства их всечеловеческого достоинства. Древние народы не признавали взаимно прав друг друга; каждый из них присваивал себе исключительное право, ставил себя выше всех других народов»[2]. Можно признать это определение близким тому, которое дает М.Н. Капустин.

[1] *Неволин К.Н.* Энциклопедия законоведения // Полное собрание сочинений. СПб.: Типография Э. Праца, 1857. Т. 1. С. 71–72.

[2] *Неволин К.Н.* Энциклопедия законоведения // Полное собрание сочинений. СПб.: Типография Э. Праца, 1857. Т. 2. С. 511.

Сам же Капустин указывает несколько десятков научных источников по международному праву, среди них лишь один является русским. Речь идет о работе Д.И. Кочановского (1827–1872) «Курс международного права»[1], которая осталась неоконченной из-за смерти автора. Следует указать и на лекции Н.М. Коркунова «Международное право»[2], которые, однако, были изданы через тринадцать лет после выхода в свет «Курса международного права» М.Н. Капустина.

Заслуга М.Н. Капустина состоит не только в систематизации теоретических представлений о международном праве, также как и не в том, что им был разработан учебник по данной дисциплине. Значение его работ в этой области заключается в определении предметной области и методологии исследования (изучения) международного права. Очевидно, что главная заслуга этого русского теоретика состоит в разработке теории международного права, то есть в определении предмета и методологии этой отрасли юридического знания, ее задач в контексте всей теоретической юриспруденции. Несмотря на неизбежный отблеск эпохи, который несет в себе эта одна из первых теоретических концепций международного права, она сохраняет свою актуальность и в наши дни. Представляется, что не утратил своего значения конструируемый теоретиком идеал, выступающий общим началом международного права. Он состоит в признании культурной самодостаточности всех народов, их равенства, выражаемого в необходимости строить международные отношения на основе уважения суверенитета государств. Эта мысль является актуальной в силу той злободневности, которую в последние десятилетия приобретает концепция многополярности мира, являющаяся альтернативой однополярному миру. Многополярное мироустройство является более эффективным поряд-

[1] *Кочановский Д.И.* Курс международного права. Харьков: Университетская типография, 1863.

[2] *Коркунов Н.М.* Международное право. СПб.: Типография Морского министерства, 1886.

ком защиты национальных интересов, что убедительно доказывал М.Н. Капустин в конце XIX столетия.

ВЫВОДЫ

Во-первых, заслуги М.Н. Капустина перед Россией нельзя ограничить той выдающейся ролью, которую он сыграл в становлении системы образования, в том числе и юридического. Кроме того, его заслуги перед российской фундаментальной юридической наукой не могут быть ограничены созданием одной из первых концепций общей теории права, оказавшей влияние на последующее развития теоретической юриспруденции. Одной из важных заслуг этого ученого, государственного и общественного деятеля является создание одной из первых теоретических концепций международного права.

Во-вторых, эволюция теоретических представлений М.Н. Капустина о международном праве включает три периода: первый — определение понятия международного права, международных правоотношений как более высокого уровня международного общения, которому предшествует дипломатия; второй — обоснование о модификации права в соответствии с особенностями культурной жизни народов, необходимости его унификации в контексте международного общения; третий — обоснование положения о близости представлений народов о справедливости, что является главным условием международного права, источником которого является национальное право, легитимируемое в контексте национальных интересов в пространстве международного общения, на основе идентичных представлений о справедливости.

В-третьих, в контексте формирования концепции международного права М.Н. Капустина представляет интерес его оценка перехода международного общения России от периода дипломатии к периоду международного права. Он пытается интерпретировать данный переход как историческую закономерность, указывая, что роль Петра I, хотя и важна

в этом процессе, не является определяющей, так как предпосылки перехода России на уровень международного права созрели ранее, на стадии дипломатического общения.

В-четвертых, большое значение в теории международного права М.Н. Капустина имеет обоснование предпосылок унификации правовой жизни народов. В этой связи следует обратить внимание на роль его общетеоретических представлений о праве, значение исторического подхода и сопряженного с ним догматического анализа европейского права, предпринятого на втором этапе становления концепции международного права. Благодаря сочетанию указанных идей в контексте европейского права он сформулировал принцип об общем основании права, предпосылках его универсальности и этнографической форме, в которой выражается это общее содержание.

В-пятых, М.Н. Капустин рассматривает международное право как вторичное по отношению к национальному праву. Право формируется на основе национальной культуры, а его общее содержание обусловлено общей природой человека. Особенности права разных народов объясняются особенностями их культуры, имеют исторически преходящий характер. Народы движутся к единству, формой которого является международное право. Таким образом, международное право имеет два источника — один из них (не юридический) представляет собой универсальная природа человека, единство человечества по своей идее, второй (юридический) — нормы международного права, закрепленные международными соглашениями и нормы национального законодательства.

В-шестых, человечество М.Н. Капустин представляет как единство в многообразии. Единство человечества обусловлено общей идентичностью всех народов, обуславливающей возможность международного общения, а также его необходимость, объясняемую обусловленностью этого общения потребностями и интересами народов. Многообразие народов определяется особенностями их культуры, образа жизни, ре-

лигиозных представлений, что является формой выражения общей идентичности.

В-седьмых, рассматривая особенность международного права, М.Н. Капустин раскрывает три его источника, первый из которых составляют международные договоры, второй — внутреннее законодательство, предметом регулирования которого является правовой статус иностранцев и лиц без гражданства, третий — правовое положение подданных государства в государствах — участницах соглашения. При этом теоретик делает особый акцент на том, что нормы международного права не могут принять форму законодательного акта, в силу особых методов регулирования международных отношений — диспозитивного метода.

В-восьмых, существует три группы международных правовых отношений: 1. Отношения союза, состоящие в международно-правовой связи отдельного государства и сообщества государств, которые включены в данный союз. Так как союз является условием, обеспечивающим интерес данного государства, то его интересы превыше интересов этого государства. 2. Отношения суверенитета, которые строятся на взаимном признании суверенности государств, вступающих в отношения, что является условием статуса данных государств как субъектов международного права. 3. Частноправовые отношения международного характера, когда вступающие в отношения частные лица, одни из которых являются иностранцами, руководствуются законодательством данного государства.

В-девятых, нравственность является главным началом, на котором всегда основывались отношения между народами. Тем не менее, когда речь идет о защите интересов этих народов, ее недостаточно, необходима более четкая и определенная основа, каковой и является право. Однако на международном уровне право не имеет той же определенности, какую оно имеет в рамках национального государства. Отсюда идеал справедливости становится той точкой отсчета, из которой начинают свое движение нормы международного права.

В-десятых, особенность международного права заключается в том, что ее субъект, каковым является народ в лице представляющего его государства, одновременно выступает и в качестве судьи, и в качестве исполнителя, что может вести к сомнению существования какого-либо международного порядка в мире. Тем не менее, согласно М.Н. Капустину, указанные обстоятельства не указывают на невозможность формирования международного правового порядка. Такой порядок существует благодаря авторитету международных союзов, который выступает в качестве гарантии соблюдения норм международного права, обеспечивает устойчивую связь государств на основе принятых ими общих ценностей и норм.

В-одиннадцатых, согласно представлениям М.Н. Капустина, особенность международных юридических норм заключается в их конвенциальном характере и, соответственно, в том, что нет института принуждающей силы, характерного для национального права. Таким образом, главная их особенность заключается в сознании их необходимости, коренящейся в их ценности не только для отдельно взятого народа, но и для человечества в целом.

В-двенадцатых, научная позиция М.Н. Капустина как теоретика права заключается в том, что, несмотря на реально функционирующие в международном пространстве правовые нормы, их особенность не позволяет отнести их к главному источнику международного права. Исходя из своего понимания юридических норм, особенность которых заключается в их гарантированной государственным принуждением общеобязательности, не видя такого же механизма их действия в международных отношениях, ученый полагает, что их гарантия лежит в сфере сознания, их ценностного признания государствами как важного фактора обеспечения национальных интересов.

В-тринадцатых, несмотря на неизбежное отражение в концепции международного права М.Н. Капустина исторических особенностей становления юридической науки, она сохраня-

ет свою актуальность и в наши дни. Представляется, что не утратил своего значения конструируемый теоретиком идеал, выступающий общим началом международного права. Он состоит в признании культурной самодостаточности всех народов, их равенства, выражаемого в необходимости строить международные отношения на основе уважения суверенитета государств. Эта мысль является актуальной в силу той злободневности, которую в последние десятилетия приобретает концепция многополярности мира, являющаяся альтернативой однополярному миру. Многополярное мироустройство является более эффективным порядком защиты национальных интересов, что убедительно доказывал М.Н. Капустин в конце XIX столетия.

3.2. М.Н. Капустин о методах регулирования международных отношений и методологии изучения международного права

Проблема метода правового регулирования имеет особое значение для определения отрасли права, практическое значение решения этой проблемы нельзя переоценить, без метода право потеряет свой регулятивный смысл, а его применение станет невозможным. Конечно, юридическая практика идет своим путем, и данная проблема в ее контексте не всегда осознается как актуальная, в силу того, что норма закона имманентно содержит в себе ответ на этот вопрос. Тем не менее достижение цели данной отраслью невозможно без доктринальной оценки применяемых приемов, способов, подходов к правовому регулированию тех общественных отношений, которые составляют предмет ее регулирования. Таким образом, эффективность регулирования определенного вида общественных отношений, также как и достижение целей регулирования, определяется именно методами, применяемыми в нем. Как пишут теоретики права: «Под методом понимаются определенные приемы, способы, средства воздействия права на общественные отношения. Метод отвеча-

ет на вопрос, как право осуществляет свою регулятивную роль. От методов в значительной степени зависит эффективность правового регулирования, достижение выдвигаемых при этом целей»[1]. Отрасль права образуется в результате формирования в обществе однородных общественных отношений, имеющих видовое отличие от других видов отношений, которые интегрируются в правовые институты. При необходимости государственного регулирования данных общественных отношений возникает совокупность юридических норм, которые и составляют данную отрасль права. То есть «...это объективно сложившиеся внутри единой системы права в виде ее обособленной части группа правовых институтов и норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения на основе определенных принципов и специфическим методом, в силу чего приобретающая относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования»[2].

Принципиальное значение имеет теоретическое положение о том, что метод (методы) правового регулирования, их специфические особенности определяются специфическими особенностями предмета правового регулирования, то есть видовым отличием отрасли и, соответственно, качественной определенностью общественных отношений. Так, выделение той или иной отрасли происходит объективно, как было сказано, в силу развития общественных отношений, в ходе которого обособляется качественно отличная их группа. Это и является объективной предпосылкой формирования и обособления норм, составляющих отрасль права, применение которых требует соответствующих, то есть определяемых этим качеством методов регулирования. В континентальной системе права это ведет к систематизации данных норм, их консолидации и инкорпорации, облегчающих процесс при-

[1] Теория государства и права: курс лекций. М.: Юрист, 2001. С. 399.

[2] *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 363.

менения. При значительном качественном отличии данных общественных отношений и росте источников права, содержащих нормы, их регулирующие, возникает необходимость кодификации отрасли, которая является высшим уровнем систематизации, в качестве итога предполагает принятие нового акта, закона (кодекса). Известно, что важным критерием своевременности кодификации является не только видовое обособление общественных отношений в относительно самостоятельный элемент системы права, но и возникновение методов правового регулирования, свидетельствующих о зрелости данной отрасли.

Важным представляется и то, что формируемая отрасль права отражает часть правовой жизни общества, а специфика нового вида отношений, требующих особого регулирования, становится объектом изучения юристов, имеющей целью выяснение путей наиболее эффективного регулирования этих отношений. Поэтому, как правило, по мере формирования отрасли права формируется и отрасль юридического знания, общая цель которой может быть сведена к определению ее юридических особенностей — ее структуры, специфики норм и институтов, способов связи с другими отраслями системы права, предмета и метода регулирования и др. Возникновение отрасли юридической науки, в свою очередь, сопровождается решением целого ряда проблем методологического характера, а именно, ответом на вопрос о том, какова природа данного права, что составляет предмет данной науки и каковы ее задачи, каковы методы, посредством которых она может их решать.

Данные методологические замечания представляются важными в контексте обращения М.Н. Капустина к теории международного права. Сам факт этого обращения свидетельствует о возникновении новой правовой отрасли, играющей важную роль не только в международных отношениях России, но и во внутренней жизни страны. Как видно из предшествующего параграфа, непосредственно международному праву было посвящено всего несколько работ теоретика, в частно-

сти, такие как «Обозрение предметов международного права»[1] и «О значении национальности в международном праве»[2]. Однако его представления о международном праве содержатся и в других работах. Прежде всего, следует указать на его диссертацию «Дипломатические отношения России с Западной Европой во второй половине XVII века»[3]. Кроме того, положения, непосредственно касающиеся международного права как юридического явления, способов его изучения содержатся и в других работах, где оно не является основным объектом внимания. Очевидно, методологическое значение для его концепции международного права имеет его «История права»[4], а также статья «Этнография и право»[5]. Методологическое значение первой из этих работ, прежде всего, состоит в способе периодизации истории права, его разделении на донациональный и национальный периоды, где международные отношения и нормы, их регулирующие, возникают в национальный период, а с XVI века берет начало отражение международного права в юридических доктринах, что связано с развитием международных отношений и появлением международных норм, установлением международного порядка в Западной Европе после «Вестфальского мира» в XVII веке. Вторая работа методологически важна в силу теоретической актуализации в ней проблемы национального права, роли международного права в защите национальных интересов.

Однако поистине бесценный материал представляет его курс лекций по международному праву, изданный

[1] *Капустин М.Н.* Обозрение предметов международного права. Вып. 1–4. М.: Университетская типография, 1856–1859.

[2] *Капустин М.Н.* О значении национальности в международном праве. М.: Университетская типография, 1863.

[3] *Капустин М.Н.* Дипломатические отношения России с Западной Европой во второй половине XVII века. М.: Университетская типография, 1852.

[4] *Капустин М.Н.* История права. Ч. 1. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1872.

[5] *Капустин М.Н.* Этнография и право. М.: Катков и Ко, 1868.

в 1873 году[1]. Учитывая время издания этого произведения, можно предположить, что М.Н. Капустин уже сложился как личность, а его мировоззрение и научные взгляды приобрели устойчивость и зрелость. Данное произведение дает полное представление о концепции международного права этого теоретика, которая в дальнейшем будет только дополняться, углубляясь на основе развития его общетеоретических знаний о праве.

Учитывая важность вышеописанных теоретических положений о международном праве и науки международного права, следует подчеркнуть, что их фундаментальность означает то, что в учении М.Н. Капустина они должны найти отражение, то есть он, говоря о международном праве как о юридическом явлении, должен был определить предмет и методы международного права, а говоря о науке международного права, выяснить ее предмет и свойственную ей методологию. Все это мы находим в его работах.

Как было отмечено в других разделах данной монографии, к сожалению, творчеству этого теоретика права современными исследователями уделено не столь большое внимание, в силу чего его учение не нашло адекватной оценки. Однако те немногие ученые, обращавшиеся к его творчеству, отмечают его выдающееся значение в становлении правовой науки в России пореформенного периода XIX века, в том числе и в сфере международного права, тогда еще только оформляющегося как научная юридическая дисциплина. Следует согласиться с одним из таких ученых, который пишет: «М.Н. Капустин стал одним из основателей отечественной науки международного права. Создатель первой отечественной систематизации международного права, он также являлся первопроходцем во многих аспектах этой науки. Его вклад и как педагога, наставника будущих выдающихся отечественных юристов-международников, и как ученого-юриста в развитие международного права

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873.

в России очень значителен, но, к сожалению, недооценен. Идеи М.Н. Капустина о значении национального фактора в международных отношениях и инстинктивном стремлении государств к созданию международных регулирующих организаций во многом обогнали свое время»[1].

По нашему мнению, вклад М.Н. Капустина действительно велик, его нельзя недооценивать. Но в целях объективности, позволяющей определить место этого русского теоретика в исторической эволюции отечественного правоведения, этот вклад нельзя и переоценивать. Так всегда бывает в начале пути формирования новой отрасли знания, и в этом случае многие идеи Капустина имеют историческое значение, часто кажущиеся современному исследователю либо наивными, либо банальными. Однако несомненно, что он был одним из первых теоретиков, предпринявших попытку систематизации знаний об этой сфере, на основе по-своему понимаемого научного подхода, порой граничащего с эклектикой. Кроме того, необходимо обратить внимание и на то, что влияние на представления М.Н. Капустина учений западных теоретиков не имеет абсолютного значения, он воспринимает их не догматически, но стремится переосмыслить, высказывая собственные оригинальные суждения.

Итак, каковы особенности интерпретации М.Н. Капустиным методологии международного права и методологии его изучения средствами юридической науки?

Отвечая на этот вопрос, следует, прежде всего, вернуться к интерпретации Капустиным предмета международного права, которому было уделено внимание в предыдущем параграфе. Теоретик указывает, что «Содержанием международного права служит вся совокупность отношений между народами. Оно не ограничивается положением мира и войны, а обнимает собою разнообразные юридические формы удовлетворения потребностей государственных и частных, выходящие

[1] *Яковлев А.В.* Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 11–12.

за пределы действия национального права»[1]. Структура предмета включает виды международных правовых норм, регулирующих разного рода отношения. К первой такой группе относятся нормы, регулирующие отношения внутри сообщества народов, объединенных общими интересами, как, например, народы Европы. Ко второй группе ученый относит отношения, возникающие между государствами, защищающими свои национальные интересы. Здесь субъектом права выступает государство, а их реализация обусловлена международным признанием самого государства и его прав. Это обеспечивает политическое бытие народа как самостоятельного (суверенного) образования, его равноправные отношения с другими народами (государствами). К третьей группе он отнес отношения между частными лицами, когда одной из сторон является иностранец. Данные отношения регулируются на основе признания государством, на территории которого осуществляются отношения, законодательства государства другой стороны, государства ее национальной принадлежности.

Такая структура международных отношений свидетельствует о сложном характере этой сферы, об особенностях норм, методов, приемов, их регулирующих. М.Н. Капустин указывает на то, что способ формулирования норм международного права может быть разным, они могут иметь значение философского и положительного, абсолютного и условного права и пр. Однако это никак не изменяет его природы, которая сводится к справедливости, она является главным его источником.

По нашему мнению, М.Н. Капустин демонстрирует в своей интерпретации международного права, его предмета с присущей ему структурой, исторический горизонт его интерпретации. Уже в начале XX века наука международного права, также как и их практика, существенно обогатились новым содержанием, что вело к более глубоким теоретическим оцен-

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 12.

кам. Так, известный теоретик права Б.Э. Нольде указывал на то, что самостоятельность предмета международного права означает не что иное, как необходимость отражения его содержания в особых специфических понятиях, что является общим принципом для всех отраслей права. В 1905 году он писал: «Совершенно понятно с этой точки зрения, что, разумеется, когда говорится о том или другом юридическом понятии. Оно порождается специфическими требованиями юридической догматики. Это простой элемент не теоретического, а в значительной степени практического построения, элемент системы того или другого права, отвечающий практически необходимому (и теоретически не существующему) идеальному ее единству, это часть реставрированного социального храма... Раз мы признали, что оправдание того или другого юридического понятия лежит в требованиях догматического построения данной системы права, мы логически приходим к тому, что эти понятия для каждой данной системы права могут быть разными. Действительно, если, например, догма права гражданского нуждается в построении понятия "юридическое лицо" и под это понятие подходит государство, то из этого отнюдь не следует, что эта общая формула необходима для построения догмы права государственного и что здесь государство неизбежно определяется как юридическое лицо. То же и в праве международном, где с логической точки зрения допустима, скажем, более вероятна, самостоятельность всех основных понятий и формул, служащих для догматического построения»[1].

Исторические особенности концептуальных представлений о международном праве М.Н. Капустина очевидны и в контексте данной им интерпретации его методов регулирования. По своей типологической природе методы, описанные Капустиным, имеют диспозитивный характер. Ученый настаивает на том, что императивная методология невозмож-

[1] *Нольде Б.Э.* Методика науки международного права // Право. 1905. № 20. С. 250–253.

на в контексте международного права, в силу невозможности принятия универсального закона, обязывающего всех его субъектов, предусматривающего принудительный характер норм. Отсюда справедливость, рассматриваемая им как основной источник международного права, с одной стороны, является его основным источником, а с другой стороны, остается идеально-духовным фактором, а основанный на ней порядок отношений между государствами не обладает прочностью, так как каждый из участников соглашения оставляет за собой право добровольно выйти из него. Отсюда лишь некоторые международные акты имеют обязывающий характер. Таковыми являются декларации о вооруженном нейтралитете, последнюю из которых (1856) подписали 46 государств; Женевская конвенция о раненых (1864), Трактат о запрещении торговли неграми (1841). М.Н. Капустин указывает, что обязательственную силу нормы данных документов имеют благодаря официальному признанию подписавшими их государствами. Однако остается неопределенным механизм гарантий соблюдения этих норм.

По мнению М.Н. Капустина, большую роль в регулировании международных отношений играет нравственность, по той причине, что невозможна полная регламентация этого вида отношений. Однако она является недостаточной, поскольку международные отношения связаны с реализацией интересов их субъектов. Поэтому всегда осознавалась необходимость юридических норм, которые бы могли регулировать данные отношения с большей определенностью, признавая их юридическим фактом, с вытекающими из этого последствиями. Тем не менее в сфере международных отношений право не принимает строгие формальные определения, как в национальном законодательстве, оно применяется «в значении справедливости, *jus aequum*, примиряющей и уравновешивающей народные силы»[1]. Для того чтобы нормы между-

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 2.

народного права приобрели свойство обычных юридических норм, необходима высшая инстанция, выступающая в роли судьи, решающей спор между сторонами. Однако, по мнению Капустина, народ никому не может передать такие полномочия, от которых будет зависеть его судьба, он сам выступает и в роли судьи, и исполнителя, и субъекта права. Тем не менее он выражает уверенность, что такие особенности не исключают возможности формирования соответствующего международного порядка, так как «Высший авторитет справедливости коренится не в одной внешней принуждающей силе; ее основой служит чувство правды, нравственное удовлетворение, вера в непреложное воздаяние, сопротивление насилию и признание действительной живой силы в размере ее творчества»[1]. Основой этого порядка является компромисс, состоящий в отказе субъектами права от своих правомочий, в целях установления справедливости отношений.

Таким образом, очевидно, что М.Н. Капустин, раскрывая особенности правового регулирования международных отношений, делает акцент на диспозитивном характере метода, он подчеркивает, что, несмотря на мотивацию данных отношений интересом их субъектов, формально-юридическая сторона, которая играет решающую роль во внутреннем законодательстве, не может составить специфику данного вида отношений. Так, чувство правды, справедливости остаются основным мотивом в данной сфере, где «замирение интересов» является решающим условием международного правового порядка. Другими словами, конвенциальный характер данного вида соглашений *a priory* предполагает возможность выхода из договора, поскольку договор является порождением соответствующих условий (исторических, политических), которые могут измениться. Тем более что данные соглашения всегда охватывают лишь некоторое число стран. Например, соглашение о запрете торговли неграми, заключенное в 1841 году рядом стран, никак не повлияло на активность

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 3.

практики их продажи и покупки в США, где лишь в 1861 году рабство было отменено. Механизм действия этого трактата состоял в том, что его государства-участники (Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия, Франция) обязывались ввести в свое национальное законодательство нормы, запрещающие торговлю представителями негроидной расы, предусмотрев санкции, аналогичные за пиратство. Так, известно, что в 1842 году Николай I издал указ о запрете российскими подданными торговли неграми, он также предусматривал, что всякий представитель этой расы, ступивший на землю Российской империи, получает свободу и защиту государства от посягательств на его права. Примечательно, что механизм гарантирования представителям негроидной расы свободы состоял в обязанности государствами-подписантами ввести на национальную правовую систему соответствующую совокупность норм. Это и сегодня остается основным принципом международных механизмов обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Однако, что касается отношений между государствами, подобный механизм невозможен; для создания формально-юридических условий обеспечения соответствующего порядка отношений необходим международный институт, обладающий полномочиями принуждения, возможность санкций, предусмотренных уставом этого международного органа. М.Н. Капустин, давая оценку, исходя из поля международных отношений и, соответственно, международного права, полагал необходимым создание подобной международной организации в целях формирования реально действующего международного правового порядка, предполагающего не только совокупность диспозитивных методов регулирования отношений, но и императивные методы. В этом смысле следует согласиться с оценкой, что М.Н. Капустин опередил свое время, создавая концепцию международного права[1]. Но, очевидно, что создан-

[1] *Яковлев А.В.* Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

ные и существующие ныне региональные и универсальные международные механизмы лишь опосредованным образом включают методы императивного характера, так как природа международных организаций, ответственных за соблюдение норм базовых конвенциальных документов, остается договорной, а наиболее суровой санкцией, предусмотренной соответствующими уставами, является исключение из состава данной организации. Что касается принятия, например, ООН резолюции, одобряющей применение государствами-участницами военной силы в отношения государства, нарушающего права человека и гражданина, то данное явление в юридическом смысле нельзя интерпретировать как пример императивного метода. Единственным примером остается применение норм национального законодательства, введенных в него в результате ратификации соответствующего соглашения.

Таким образом, можно сказать, что М.Н. Капустин показал, что нормы международного права обладают особенностями, отличающими их от норм национального законодательства. По его мнению, данные особенности определяются предметом правового регулирования, содержание которого составляют отношения между народами, государствами, иностранными гражданами и государством. Данные нормы не могут иметь той юридической формы, какую правовые нормы имеют в национальной правовой системе, прежде всего в силу того, что каждый участник международных отношений одновременно выступает в виде судьи, исполнителя и субъекта права. Поэтому в международных отношениях решающую роль играют диспозитивные методы правового регулирования, означающие преимущественно рекомендательный характер международно-правовой нормы.

Согласно М.Н. Капустину, международные ассоциации основываются не на признании верховной власти, а на общении и взаимной зависимости народов, которые в нее входят. Теоретик указывает на объективные и субъективные основы данной взаимной зависимости. К субъективным основам от-

носится идентичность культуры, религиозных представлений, взаимное обогащение культурными ценностями. Что касается объективных оснований, то он указывает на экономику, то есть чем выше уровень экономического развития государств, тем более они склонны к интеграции. Речь идет о взаимном обмене товарами и услугами, о международном разделении труда. В этом смысле интеграция народов в союзы и ассоциации тем больше и глубже, чем более развиты их страны в экономическом и культурном отношении. Он употребляет понятие «цивилизованный мир», означающее совокупность наиболее развитых и связанных единым союзом стран. Значит, международный союз более прогрессивная стадия развития человечества.

В юридическом смысле международный союз является формой фактической ассоциации народов, помогающей каждому из них обеспечивать собственные интересы. Главным началом союзов является именно национальный интерес, а противоречие ему является необходимой и достаточной гарантией выхода из него. М.Н. Капустин формулирует закономерности в данной сфере. Он пишет: «Юридическая форма международного общежития служит выражением того непреложного закона, по которому жизнь человечества слагается из жизни отдельных государств и каждый народ имеет свои особенности, которые раскрываются им в общении с другими. Отсюда самостоятельность и независимость каждого народа составляет необходимое условие его международного положения. Только под этим условием народ входит в общение; его основные права самосохранения и развития остаются неприкосновенными. Ассоциация имеет значение для государства, поскольку она облегчает приложение этих прав. Наоборот, народ предпочтет уничтожение своей связи с ассоциацией отказу от самостоятельности. Поэтому государство облечено правом войны и правом участия во всем, что касается целого общества народов. Единение самобытных народов поддерживается признанием вза-

имного равенства и справедливостью. Ограничение самостоятельности каждого возможно лишь в том размере, в каком оно восполняется выгодами мира, обеспечением против насилия и равномерною уступкою со стороны других народов»[1].

Такие обобщения, стремление сформулировать закономерности в сфере международных отношений, свидетельствуют о научном подходе М.Н. Капустина к данному предмету. Он указывает не только на возможность науки международного права, но и на необходимость этой науки. Значение науки международного права определяется особым характером его норм, она необходима для того, чтобы выяснить природу этих норм, определить способы регулирования международных отношений на их основе, охарактеризовать перспективы развития данной отрасли права. «Юридическая сторона этих отношений составляет предмет науки международного права, — указывает ученый-правовед. — Предметом ее служат те начала права, которыми охраняется и на которых основывается цивилизация, т. е. раскрытие материальных и духовных сил каждого народа при посредстве его общения с другими народами»[2].

Анализ работ М.Н. Капустина показывает, что его методология науки международного права базируется на двух принципах: принцип единства человечества в своей изначальной идее; принцип многообразия этого единства, представленного народами, характеризующимися особенностями своей истории, культуры, государства и права. Первый из этих принципов является началом, объясняющим международное общение. Поэтому Капустин особую роль в эволюции науки международного права отводит учению Гуго Гроция, по мнению которого склонность человека к общению лежит в основе всякого права, ведет к образованию со-

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 17.

[2] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 1–2.

обществ народов[1]. Но он не абсолютизирует значение естественно-правового универсалистского подхода Г. Гроция. Капустин склонен выводить основания международных отношений не столько из «единой идеи народов», сколько из уникальности каждого из них, что является вторым принципом. Исторический подход теоретика проявляется в указании на уникальность культуры, государства и права каждого из народов, каждый из которых не только содержит в себе как в зародыше всю уникальную систему права, но и обусловленную им форму общения с другими народами. Международный союз является политико-правовой «формой охранения и развития народных сил».

В основе методологии М.Н. Капустина лежат идеи исторической школы права, что определяет и его концептуальное видение модели международных отношений. Они должны быть основаны на признании самобытности государственности народов, которая является продуктом их исторического творчества. Так, к самобытным особенностям государства он относит верховную власть (форму правления), территорию и религию, получающую «характер народной силы», олицетворяющей народный дух. Он радикальный противник универсализма в праве и политике, а международное право должно обеспечивать самобытный характер жизни народов. Конкретизируя эти положения, он пишет: «Политическая форма народа есть выражение его истории. Однообразной международной формы не может существовать; поэтому должна быть безусловно признаваема та верховная власть, которая в данный момент служит олицетворением национального единства. Международный союз вправе требовать при этом только двух условий: 1) чтобы верховная власть имела достаточную силу и приняла на себя ответственность перед другими членами союза; 2) чтобы национальная форма не заявляла себя

[1] *Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994.

международною (политическая пропаганда первой французской республики)»[1].

Необходимо подчеркнуть, что принцип политического суверенитета, который являлся политико-правовым фактором международных отношений в Европе, начиная с XVII века, нельзя рассматривать в качестве источника данных положений М.Н. Капустина. Принимая его во внимание, он указывает на более глубокие начала международных отношений, в контексте которых и национальный суверенитет приобретает иной смысл. Речь идет об исторической интерпретации сущности права, принадлежности теоретика к данной школе.

Можно констатировать, что также как и в вопросах общетеоретического порядка, в контексте международного права М.Н. Капустин демонстрирует попытку комплексного сочетания идей разных подходов, в котором большее значение придает историческому подходу. Очевидна апелляция Капустина к идее естественного права, выраженного в роли универсальной идеи человечества в качестве исходного начала международных отношений и науки международного права, также как и в значении идеи справедливости, играющей не только концептуально-теоретическую, но и методологическую роль. М.Н. Капустин не склонен выстраивать умозрительные конструкции международного права, апеллируя к международному законодательству, его нормам, базируя теоретические обобщения на их анализе, что, в свою очередь, говорит о приверженности принципам формально-догматической методологии. И, наконец, справедливость и равенство, в качестве начал международного права, он рассматривает не формально-догматически, но апеллирует к их содержательной стороне, состоящей в признании международным сообществом самобытности государственности, культуры и образа жизни народов, выступающих субъектами международного права.

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 32.

ВЫВОДЫ

Во-первых, вклад М.Н. Капустина в становление теории международного права в России велик, но его нельзя переоценивать. Многие идеи Капустина имеют историческое значение. Однако несомненно, что он был одним из первых теоретиков, предпринявших попытку систематизации знаний об этой сфере, на основе собственного научного подхода, порой граничащего с эклектикой. Необходимо обратить внимание и на то, что влияние на представления М.Н. Капустина учений западных теоретиков не имеет абсолютного значения, он воспринимает их не догматически, но стремится переосмыслить, высказывая собственные оригинальные суждения.

Во-вторых, самостоятельность предмета международного права означает не что иное, как необходимость отражения его содержания в особых специфических понятиях, что является общим принципом для всех отраслей права. М.Н. Капустин демонстрирует в своей интерпретации международного права, его предмета с присущей ему структурой, исторический горизонт его интерпретации.

В-третьих, исторические особенности концептуальных представлений о международном праве М.Н. Капустина очевидны в контексте данной им интерпретации его методов регулирования. По своей типологической природе методы, описанные Капустиным, имеют диспозитивный характер. Ученый настаивает на том, что императивная методология невозможна в контексте международного права, в силу невозможности принятия универсального закона, обязывающего всех его субъектов, предусматривающего принудительный характер норм. Отсюда справедливость, рассматриваемая им как основной источник международного права, с одной стороны, является его основным источником, а с другой стороны, остается идеально-духовным фактором, а основанный на ней порядок отношений между государствами не обладает прочностью, так как каждый из участников соглашения оставляет за собой право добровольно выйти из него.

В-четвертых, всегда осознавалась необходимость юридических норм, которые бы могли регулировать международные отношения с большей определенностью, признавая их юридическим фактом, с вытекающими из этого последствиями. Тем не менее в сфере международных отношений право не принимает строгие формальные определения, как в национальном законодательстве, оно применяется в значении справедливости. Для того чтобы нормы международного права приобрели свойство обычных юридических норм, необходима высшая инстанция, выступающая в роли судьи, решающей спор между сторонами. Однако, по мнению Капустина, народ никому не может передать такие полномочия, от которых будет зависеть его судьба, он сам выступает и в роли судьи, и исполнителя, и субъекта права.

В-пятых, М.Н. Капустин, раскрывая особенности правового регулирования международных отношений, делает акцент на диспозитивном характере метода, он подчеркивает, что, несмотря на мотивацию данных отношений интересом их субъектов, формально-юридическая сторона, которая играет решающую роль во внутреннем законодательстве, не может составить специфику данного вида отношений. Так, чувство правды, справедливости остаются основным мотивом в данной сфере, где «замирение интересов» является решающим условием международного правового порядка.

В-шестых, М.Н. Капустин показал, что нормы международного права обладают особенностями, отличающими их от норм национального законодательства. По его мнению, данные особенности определяются предметом правового регулирования, содержание которого составляют отношения между народами, государствами, иностранными гражданами и государством. Данные нормы не могут иметь той юридической формы, какую правовые нормы имеют в национальной правовой системе, прежде всего в силу того, что каждый участник международных отношений одновременно выступает в виде судьи, исполнителя и субъекта права. Поэтому

в международных отношениях решающую роль играют диспозитивные методы правового регулирования, означающие преимущественно рекомендательный характер международно-правовой нормы.

В-седьмых, стремление сформулировать закономерности в сфере международных отношений свидетельствует о научном подходе М.Н. Капустина к данному предмету. Он указывает не только на возможность науки международного права, но и на необходимость этой науки. Значение науки международного права определяется особым характером его норм, она необходима для того, чтобы выяснить природу этих норм, определить способы регулирования международных отношений на их основе, охарактеризовать перспективы развития данной отрасли права.

В-восьмых, методология науки международного права базируется на двух принципах: принцип единства человечества в своей изначальной идее; принцип многообразия этого единства, представленного народами, характеризующимися особенностями своей истории, культуры, государства и права. Первый из этих принципов является началом, объясняющим международное общение. Поэтому Капустин особую роль в эволюции науки международного права отводит учению Гуго Гроция, по мнению которого склонность человека к общению лежит в основе всякого права, ведет к образованию сообществ народов. Но он не абсолютизирует значение естественно-правового универсалистского подхода Г. Гроция. Капустин склонен выводить основания международных отношений не столько из «единой идеи народов», сколько из уникальности каждого из них, что является вторым принципом. Исторический подход теоретика проявляется в указании на уникальность культуры, государства и права каждого из народов, каждый из которых не только содержит в себе как в зародыше всю уникальную систему права, но и обусловленную им форму общения с другими народами. Международный союз является политико-правовой «формой охранения и развития народных сил».

3.3. Этнографический и конфессиональный факторы международных отношений в теории международного права М.Н. Капустина

Этнографический и конфессиональный факторы международных отношений играют важную концептуальную и методологическую роль в концепции международного права М.Н. Капустина. С одной стороны, теоретик указывает, что в международных правоотношениях они не рассматриваются в качестве их фактора, так как субъекты международного права нивелируют свои национальные и культурные свойства, что обусловлено действием принципа равенства, на основе которого международные отношения становятся возможными. С другой стороны, национальные особенности каждого народа, его культурная и политическая идентичность, правовая система, нравственность и др. являются важным началом международной жизни, призванные обеспечить дальнейшее национальное развитие, реализацию потребностей, самобытных начал жизни посредством вступления в международную ассоциацию. Кроме того, религиозный фактор со времен античности выступал условием интеграции, образования союзов, который получил развитие в эпоху европейского средневековья, в папстве и образовании Священной Римской империи. Большую роль он играл и в дальнейшей истории Европы и человечества, но в Новое время, в период образования абсолютных монархий и национальных государств, ведущую роль начинает играть государственный интерес, что обусловило формирование международного общения на основе национально-государственного интереса, положив начало новому этапу международного права.

Однако принцип равенства в международных отношениях имеет и другое значение, на котором делает акцент М.Н. Капустин. Речь идет о признании субъектами международных отношений этнографических и конфессиональных особенностей народов, которое означает наделение их той же сово-

купностью прав, которыми наделены другие народы. В современном мире такая постановка проблемы может вызвать недоумение, так как контекст международного законодательства создает необходимую систему гарантий этих прав независимо от расы, цвета кожи, вероисповедания и политической принадлежности. Хотя формальное признание этих прав со стороны так называемого коллективного запада никогда не означало их неукоснительного соблюдения. Достаточно напомнить, что еще в 1960-х годах в США можно было встретить городские автобусы «для белых» и «для черных», а индейские резервации, ограничивающие одно из фундаментальных прав человека, право на свободу передвижения, и в наше время существуют в этой стране. Кроме того, практика «расчеловечивания» целых народов, признание их не вполне полноценными людьми характерна не только для канувшей в лето фашистской Германии, но и для современного цивилизованного запада, убежденного, что «освободительные войны» в отношении государств с иными традициями государственности несут этим странам прогресс, прежде всего в виде политического режима западного образца.

Так называемые «проклятые породы людей» и их обращение в рабство, хотя и не признавалось в XIX веке универсальной нормой, часто расценивалось в «гуманистических» странах Запада как вполне естественное явление и оправдывалось, как ни странно, гуманизмом, попечительством об этих не способных к полноценной самостоятельной жизни народах. В одной из своих статей М.Н. Капустин показывает нравственную ущербность подобной позиции, ее несоответствие природе международного права. Одно из английских периодических изданий в 1866 году опубликовало статью, точка зрения автора которой может быть признана типичной для западного общества. Ее автор указывал на антропологические предпосылки рабства, что рабом становятся те, кто предрасположен к этому своей расовой природой: «Как во время рабства, так и после эманципации, раб определяется отношени-

ем его породы к породе господина, кто не сознает этой истины, тому нужно поучиться не только антропологии, но и истории... неужели Тевтоны, Кельты и Славяне одинаково способны приобрести свободу и пользоваться ею»[1].

Позиция М.Н. Капустина состоит в обосновании юридической ущербности данной точки зрения, так как, с точки зрения права, все люди выступают как равные (формально) друг другу. Кроме того, он указывает и на нравственную ущербность данного подхода, противоречащего, овеянным религией принципам равенства всех людей перед богом. В то же время антропология XIX века, которая как система знания находилась в стадии становления, не выработала четких критериев определения особенностей «человеческих пород» и причин, являющихся условием формирования этих особенностей. Идущая от Ш. Монтескье линия интерпретации данной проблемы, согласно которой расовые и национальные особенности обусловлены климатом и географической средой обитания народов, во второй половине XIX столетия оставалась преобладающей. Но она была дополнена новыми пояснениями, согласно которым климат и иные условия, хотя и влияют на культуру и образ жизни, являются преходящими, каждый народ, испытывая аналогичные условия, должен приобрести соответствующий перечень особенностей. Так, из горячих споров, которые вели между собою антропологи, оказывалось, что вопрос оставался далеко неразъясненным. Многие серьезные исследователи утверждали, что «человеческие породы» не суть первоначальные и неизменные явления, но являются результатами климата, образа жизни и других условий, зависящих от природы и от изменяющихся человеческих отношений.

Антропологические особенности, указывающие на внешние признаки человеческих этнонациональных групп, распространялись и на сферу этнографии, которая должна была объяснить особенности социальной жизни, в том числе

[1] Antropological Review. 1866, apr. P. 125–127.

и права. Капустин подчеркивает, что распространение фактора климата на социальную сферу, хотя и имеет значение, но не абсолютное. Так, в истории можно видеть, что одни и те же политико-правовые институты культивируются в разных климатических зонах. Таким образом, установление причинно-следственной связи между климатом и правом не имеет под собой твердых оснований. Разнообразие права, которое является историческим фактом и фактом современности, должно быть объяснено иным источником. Таким источником является народный дух.

М.Н. Капустин твердо стоит на почве исторической школы права, полагая, что именно ее подход к интерпретации сущности права, его происхождения решает не только указанную проблему, но и объясняет статус каждого народа в международном сообществе. «Народный дух, первый источник того, что доступно нашему наблюдению, представляется неразгаданною таинственною силою: он сам видоизменяется и образуется при различных влияниях и принужден отстаивать себя, облекаясь боевыми доспехами национальности, — пишет М.Н. Капустин. — Язык, нравы и обычаи указывают нам на известные понятия, но понятия изменяются, выясняются; мы отыскиваем в народе его особенности, действующее в нем право, но не можем сказать, чтобы то, что мы нашли, было последним словом науки и жизни. И если этнография может довольствоваться существующими проявлениями народного духа, то право не останавливается на нем, а ищет вечных законов справедливости»[1].

По нашему мнению, представления М.Н. Капустина о роли национальности и ее этнографических особенностей в международном праве базируются на нескольких принципах. Первый из них составляет общую метаюридическую основу международного права, согласно которой человечество едино по своей природе, в своей идее. Второй принцип состоит в признании разнообразия народов, каждый из которых

[1] *Капустин М.Н.* Этнография и право. М.: Катков и Ко, 1868. С. 5.

рассматривается самодостаточным культурным и политическим образованием. Третий принцип вытекает из двух предыдущих и означает признание за каждым из народов своих национальных интересов. Характерны первые строки главного произведения М.Н. Капустина по международному праву: «Человечество, единое по своей идее, представляется в действительной жизни отдельными народами, сознающими свою особенность, имеющими свою историю, предания, нравы, политическую форму и право. С другой стороны, эти народы связаны между собою взаимными интересами, одинаковостью религиозных, нравственных и юридических воззрений, а также сознанием общего происхождения»[1].

Когда международное общение приобретает правовую форму, оно не может иначе строиться как лишь на основе равенства, взаимном уважении суверенитета. Этим определяется содержание идеала справедливости в сфере международного права, которое призвано обеспечить безопасность вступающих в соглашение государств, а также их взаимное процветание. То есть международное право есть не что иное, как механизм защиты национальных интересов, действующий на основе их взаимного признания, признания права каждого народа на самостоятельность (суверенитет). Следует подчеркнуть, что система международного права не нивелирует национальные особенности, напротив, они остаются главной предпосылкой международных отношений на всем их историческом протяжении, а образование союзов и ассоциаций призвано сделать это юридическим фактом. Но в юридической сфере народы, вступающие в отношения друг с другом, выступают как равные, действуют в одном юридическом поле, порядке, основанном на признаваемых всеми членами ассоциации принципах. Поэтому в международном праве фактор национальности не играет существенной роли, также как и другие важные в другом отношении факторы, та-

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 1.

кие как размеры государства, способ его образования, политический режим и пр. По мнению теоретика, «Факт образования и существования самостоятельных государств не подлежит никаким определениям и условиям. Ни внешний размер их, ни внутренний состав не имеют международного значения и не могут служить юридическим основанием или титулом самостоятельности. Поэтому теория больших государств и теория национальности одинаково несправедливы. Малые государства способны к самостоятельной жизни наравне с прочими. Народность есть не условие, а последствие государства; сознание национальности может выразиться в политической форме, но может оставаться без этого выражения; наоборот несколько племенных особей способны слиться в единый народ»[1].

Что означает признание права народов, обладающих своими этнографическими, антропологическими и религиозными свойствами, не идентичными такого рода свойствам народов, с которыми они вступают в общение? Оно означает то, что отношения между ними должны строиться на основе равенства. Так, средневековые походы крестоносцев в Святую землю с целью освобождения Гроба Господня идеологически были оформлены защитой христианских ценностей, оборотной стороной которых было нигилистическое отношение к другим религиям, их непризнание как фактора международной политики, что объясняло безальтернативность военного решения проблемы. Кроме того, колониализм как явление европейской политики был основан на признании антропологической и этнографической ущербности населения стран, попадавших в колониальную зависимость. А колониальная политика самими ее субъектами рассматривалась как великая культурная миссия очеловечивания населения колоний посредством насаждения стереотипов европейской культуры, религиозного культа.

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 22–23.

В связи со сказанным нужно подчеркнуть, что в просвещенный XIX век большинство образованной части европейских обществ понимало истинные предпосылки «расчеловечивания народов», признание их части «проклятыми расами». То есть понимали, что за крестовыми походами стояла жажда материального обогащения, прозябавшей в глубокой бедности средневековой Европы, а за «культурной миссией» стояла работорговля и эксплуатация новых территорий. В связи с этим следует напомнить, что Колумб, открывший Америку, плыл, на самом деле, в Индию за золотом, так нужным кастильским венценосным Фердинанду и Изабелле. Примечательно, что одним из результатов его морских путешествий была не только колонизация островов карибского бассейна, но и полное истребление их населения, которое вскоре было заменено рабами из Африки.

Конвенциальный документ о запрете торговли неграми, подписанный несколькими европейскими державами, в том числе и Россией, в 1841 году, создавал в международном праве новый прецедент, связанный с признанием за «проклятыми расами» права на свободу, что влекло и признание иных прав. Данная норма, став частью правовой системы подписавшего этот документ государства, создавала, таким образом, международный механизм гарантии права на свободу этой расовой категории населения.

В связи с данными положениями необходимо подчеркнуть, что М.Н. Капустин впервые создает учение об этнографическом праве, которое следует рассматривать в качестве части теории международного права. Задача, которую ставит перед собой теоретик, состоит в обосновании положения о том, что сложившееся в мире юридическое положение некоторых рас является несправедливым, противоречит гуманистическому духу современного права. Государства, представляющие народы мира, должны признать этнографические права, прежде всего право на равенство и свободу всех народов мира. Это имело особое значение в условиях уже

пошатнувшейся колониальной системы, развивающегося освободительного движения порабощенных народов. Именно таким образом антропологические и этнографические особенности народов мира рассматриваются в качестве факторов международного права, то есть речь идет о необходимости придания им юридической формы, значения юридического факта. Примечательным обстоятельством является и то, что диспозитивный характер методов регулирования международных отношений, о которых ведет речь теоретик, нисколько не снижают значения признания права на самобытность не только за государствами, но за каждым человеком. Таким подходом М.Н. Капустин значительно опередил свое время.

В связи с положениями об этнических правах необходимо указать на важность мысли М.Н. Капустина о несовпадении этнонационального и политического субъекта. Субъектом международного права и соответственно, международной политики может быть лишь государство. Это означает, что несмотря, например, на моноэтнический характер государства, субъектом международной политики является не его народ, а государство, его представляющее. В отношении этнических прав это означает, что в международном праве такие права существуют в форме признания за соответствующими этническими, этнографическими группами государствами на основе международных договоров. Кроме того, такое признание означает введение в контекст национального законодательства соответствующей совокупности норм, обеспечивающих этнические, этнографические, конфессиональные права. Таким образом, «Понятие о национальности в юридическом смысле не совпадает ни с этнографическим, ни даже с историческим делением племен. Каковы бы ни были состав государства, его постепенное образование и перемены, каждый народ представляется единым политическим лицом и в этом значении своем становится деятелем в международной области; каждое государство получает характер народного единства, имеющего свои интересы, свои

духовные особенности, выступающего в значении особой силы. Эта сила слагается из различных элементов, среди которых естественное или этнографическое начало отодвигается на второй план и становится часто нераспознаваемым; почти все исторические народы образовались из наслоения и смешения многих племен, и наоборот, нередко одно племя образует несколько государств»[1].

По нашему мнению, контекст произведений М.Н. Капустина позволяет выделить несколько значений, которые он вкладывает в понятие «народ». В юридическом смысле данное понятие вообще теряет всякую определенность, так как для права как такового не имеет значение, к какому народу (к какой национальности) принадлежит то или иное лицо. В политическом смысле «народ» — понятие, не обладающее этническим смыслом; народ и население в этом смысле идентичны, но если население есть формальная совокупность индивидов, то народ есть личность, представленная государством, верховной властью, территорией и религией, олицетворяющей народный дух. В этническом смысле народ является исторически сформировавшейся общностью, на основе единства антропологических признаков, языка, культуры, религии. Кроме того, территориальный признак не может быть признан в качестве универсального, так как народ может проживать и в разных ареалах мира, что не влияет на его этническую идентификацию.

Учитывая, что международное право является юридической формой международных отношений, главными участниками которых выступают государства, необходимо подчеркнуть значение политического содержания понятия «народ» в международной жизни. Представителем народа является не представитель какой-либо национальности, а лицо, имеющее юридическую связь с государством, его гражданин, подданный. Соответственно, приобретает особое значение террито-

[1] *Капустин М.Н.* Международное право: конспект лекций. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. С. 31.

риальный суверенитет, так как он является границей юрисдикции государства, его власти и попечительства, под которым находится народ. Особое же значение для обществ XIX века имеет религия, рассматриваемая в качестве важного признака принадлежности к народу. В этом смысле религия имела большое государственное значение, рассматривалась в качестве основы идеологии, создавала необходимую духовную среду интеграции общества.

Если право на этничность во второй половине XIX столетия только пробивало себе дорогу в трудах российских правоведов, посредством его рассмотрения в качестве фактора международной политики, то религия и конфессиональные отношения давно стали практикой международной жизни, объектом государственной международной политики. Со времен вестфальского акта сложился международный порядок в этой сфере, устанавливающий для национальных государств три правила-принципа:

- устанавливать перечень религий, которые допускается исповедовать в государстве и соответствующие условия вероисповедания;
- предпринимать усилия в целях обеспечения безопасности государства от посягательств со стороны других иностранных церквей и религий;
- защищать граждан государства от угроз, исходящих со стороны церковной власти другого государства.

Данный акт придает юридический смысл религиозному процессу, признавая, что религия и церковь для государства обладают значением фундаментальных ценностей. Поэтому государство уполномочено вести международную деятельность по защите своих интересов в конфессиональной сфере. Международные отношения в данной сфере всегда являлись одним из актуальных вопросов международной политики, поскольку церковь имеет большое духовное влияние на народонаселение, а потенциал этого влияния может быть использован по-разному.

Идентичность религий никогда не рассматривалась в качестве достаточного условия для отсутствия межгосударственных противоречий. И наоборот, их различие не означало, что данные противоречия могут принять политическую форму. Конечно, конфессиональная принадлежность всегда являлась одним из важных начал международной интеграции. Так, например, именно этот фактор сыграл решающую роль в выборе князя Владимира в пользу крещения Руси в Христианскую веру. Но это не имело абсолютного значения. Так, войны между государствами Священной Римской империи, также как и междоусобные войны внутри этих государств, были вполне обычным делом. Акт Священного союза, подписанный в 1815 году Российской империей, Австрией и Пруссией, указывавший, в частности, духовную близость всех христианских конфессий, лишь на некоторое время снизил политическую напряженность в Европе. Провозглашенное этим актом равенство конфессий вовсе не означало полного равенства, то есть равенства в юридическом смысле. Это значит, что, например, в России католическая церковь признавалась равной Православной церкви, но это не означало равенства их статуса, так как Православие (государственная религия) — опора государства. Поэтому государство обязано было охранять общество от чрезмерного влияния со стороны иных конфессий, признанных иностранными.

Отношения в данной сфере имеют международный характер, в силу того, что входят в сферу наиболее важных государственных интересов. Как пишет М.Н. Капустин, «Государство не вправе отказываться от представительства народного исповедания и оставлять без внимания религиозное сочувствие своего народа. Хотя религия по существу не имеет строго политического характера, тем не менее она служит основанием церковных властей и обществ. Эти власти, при куриальной, находятся вне пределов государства, а потому отношение их к местной иерархии получает международный характер»[1].

[1] *Капустин М.Н.* Указ. соч. С. 40.

ВЫВОДЫ

Во-первых, представления М.Н. Капустина о роли национальности и ее этнографических особенностей в международном праве базируются на нескольких принципах. Первый из них составляет общую метаюридическую основу международного права, согласно которой человечество едино по своей природе, в своей идее. Второй принцип состоит в признании разнообразия народов, каждый из которых рассматривается самодостаточным культурным и политическим образованием. Третий принцип вытекает из двух предыдущих и означает признание за каждым из народов своих национальных интересов. Юридическое оформление указанные начала приобретают в форме включения в состав идеала справедливости принципа равенства, означающего отсутствие ограничений по признакам этничности и этнографии, равный статус с другими социальными субъектами, а также одинаковую возможность этих групп населения с другими группами. Так, международное право интерпретируется как равное право на безопасность и процветание каждого, представляет собой инструмент защиты интересов не только народов, представляемых государством, но и отдельных этнических, этнографических, конфессиональных групп — это совокупность норм международного общения, источником которых является взаимное признание права на суверенитет, культурные, расовые и иные особенности.

Во-вторых, международная жизнь и международные отношения имеют исторический характер, определяющийся совокупностью социально значимых факторов. Среди значимых факторов современного международного права М.Н. Капустиным обозначена этничность, этнографический и конфессиональный факторы. Конвенциальный документ о запрете торговли неграми, подписанный несколькими европейскими державами, в том числе и Россией, в 1841 году, создавал в международном праве новый прецедент, связанный с признанием за «проклятыми расами» права на свободу,

что влекло и признание иных прав. Данная норма, став частью правовой системы подписавшего этот документ государства, создавала, таким образом, международный механизм гарантии права на свободу этой расовой категории населения.

В-третьих, следует признать первенство М.Н. Капустина в теоретическом обосновании прав этнографического характера. При этом в контекст международного права они включаются на основе закономерностей его возникновения и функционирования, что обосновывается исторической необходимостью. Признание данной группы прав имеет не столько значение заинтересованности в обеспечении безопасности государства, сколько значение нравственного долга человечества перед соответствующими группами населения. В этом смысле указанные положения теории М.Н. Капустина вводят в контекст международного права элемент нравственности, являющийся важным инструментом регулирования международных отношений. Это имело особое значение в условиях уже пошатнувшейся колониальной системы, развивающегося освободительного движения порабощенных народов.

В-четвертых, основанием введения М.Н. Капустиным в международное право этнических, этнографических и конфессиональных прав является не придание соответствующим народам и этническим, конфессиональным группам статуса субъекта международной политики, каковым может быть только государство, а в результате придания международного значения данных прав, требование их ввода в контекст международных соглашений и внутреннее законодательство.

В-пятых, контекст произведений М.Н. Капустина позволяет выделить несколько значений, которые он вкладывает в понятие «народ». В юридическом смысле данное понятие вообще теряет всякую определенность, так как для права как такового не имеет значение, к какому народу (к какой национальности) принадлежит то или иное лицо. В политическом смысле «народ» — понятие, не обладающее этническим смыслом; народ и население в этом смысле идентичны, но

если население есть формальная совокупность индивидов, то народ есть личность, представленная государством, верховной властью, территорией и религией, олицетворяющей народный дух. В этническом смысле народ является исторически сформировавшейся общностью, на основе единства антропологических признаков, языка, культуры, религии. Кроме того, территориальный признак не может быть признан в качестве универсального, так как народ может проживать и в разных ареалах мира, что не влияет на его этническую идентификацию.

В-шестых, Вестфальский акт установил международный порядок в сфере межгосударственных отношений в сфере религии, который основан на трех правилах-принципах: устанавливать перечень религий, которые допускается исповедовать в государстве и соответствующие условия вероисповедания; предпринимать усилия в целях обеспечения безопасности государства от посягательств со стороны других иностранных церквей и религий; защищать граждан государства от угроз, исходящих со стороны церковной власти другого государства. Данный акт придает юридический смысл религиозному процессу, признавая, что религия и церковь для государства обладают значением фундаментальных ценностей. Поэтому государство уполномочено вести международную деятельность по защите своих интересов в конфессиональной сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня важно открывать имена тех ученых-правоведов, которые по разным причинам утрачены, не сохранились в нашей памяти. Это необходимо для того, чтобы восстановить реальную картину эволюции отечественного правового знания, определить его место в общемировом развитии теоретико-правовой мысли. Чрезвычайное богатство нашего научного наследия преимущественно приходится на вторую половину XIX века, которым обозначен небывалый взлет нашей науки. Многие открытия еще впереди. Тем не менее уже сделанные открытия новых имен русских правоведов дают более развернутую картину эволюции правоведения, а процесс эволюции правового знания получил объемный характер, объясняя многое и в настоящем.

Однако исследование правовых учений прошлого имеет не только значение заполнения указанных пробелов исторических знаний, оно обогащает современную теоретическую юриспруденцию. Изучение теоретико-правового творчества Михаила Николаевича Капустина, выдающегося ученого и государственного, общественного деятеля, открывает новые подходы к интерпретации ныне рассматриваемых проблем, таких как проблема структуры и юридической природы правовой нормы, права в субъективном и объективном смысле, методы регулирования международных отношений и пр. Как выяснено в контексте проведенного монографического исследования, некоторые идеи этого теоретика не потеряли своей актуальности для современной правовой науки.

Подводя итог проведенному историко-правовому анализу правовой теории М.Н. Капустина, следует сделать ряд выводов, к которым мы пришли.

Прежде всего, необходимо отметить, что разнообразие теорий правопонимания второй половины XIX — начала XX века

является результатом кризисного состояния российского правоведения этого времени, начавшегося его перехода к новому типу научной рациональности в форме новой альтернативной классическим школам правопонимания модели правопонимания, методологически снимающей противоречие между потребностями юридической практики и фундаментальной правовой теорией.

Важно указать, что критика классических школ правопонимания явилась неизбежным результатом разработки новой юридической теории. При этом задача разработки новой юридической теории, каковой должна быть общая теория права, решалась не путем отрицания классических школ юриспруденции, а посредством их обновления. Так, современный позитивизм, как правило, рассматривался как методология, не в полной мере воплотившая его принципы. Историческая же школа права подвергалась критике в силу абсолютизации исторического подхода. Недостаток школы естественного права состоял в априорном характере знания подобных теорий. Таким образом, задача обновления классических школ правопонимания приобретала формы сочетания их идей в рамках одной конструкции правопонимания, создания на ее базе общей теории права.

Создание новой модели правопонимания и общей теории права интерпретировалось в контексте связи юридической науки и юридической практики. Так, востребованность той или иной модели правопонимания оценивалась в контексте той совокупности задач, которые она могла решать, способствуя более эффективному применению права, в правотворчестве, принятии судебных и управленческих решений. Поэтому критика классических школ правопонимания базировалась на идее их несостоятельности в контексте юридической практики.

Российская правовая наука середины XIX века находилась под сильным влиянием западноевропейского правоведения. В ней были укоренены все школы правопонимания, распространенные в Западной Европе. Значительную роль играло

и религиозно-теологическое правопонимание. Однако русское правоведение имело и внутренние источники развития. К середине столетия к ним следует отнести бурно развивающуюся юридическую практику, требовавшую не только юристов высокой квалификации, знающих законодательство, но и понимающих его смысл. Это тем более стало актуальным после судебной реформы, несоизмеримо повысившей роль суда в жизни общества. В новых исторических условиях правовая наука должна была приспособиться к решению ранее не стоявших перед ней задач, преодолеть кризис правопонимания, дав однозначный теоретически обоснованный ответ на вопрос о том, что такое право, предложив способ его интерпретации и методологию изучения. Эта задача решалась разработкой новой юридической теории — общей теории права — основная задача которой состояла в выработке общих юридических понятий, являющихся результатом обобщения юридической практики, на основе которых правоведение должно приобрести системную целостность. Одним из первых, кто предложил решение этой задачи, был Михаил Николаевич Капустин.

Несмотря на то, что этот русский юрист имеет выдающиеся научные результаты как создатель всеобщей истории права и российской теории международного права, его значение как ученого, прежде всего, следует рассматривать в контексте решения указанный выше задач. Очевидно, что М.Н. Капустин первым из российских ученых-юристов концептуально обосновал общую теорию права не только в качестве учебной, но и в качестве научной дисциплины, особой юридической науки со своим предметом, методом и задачами. Его творческую эволюцию следует рассматривать в контексте решения именно этой задачи, так как результаты его иного творчества являются либо предпосылкой создания данной концепции, либо ее следствием.

Так, проведенное исследование показывает, что на первом этапе творческой эволюции М.Н. Капустина (1852–1868) ре-

шается проблема формулирования концепции новой юридической дисциплины, которая по своему предмету и задачам соответствует возникшей в конце текущего столетия общей теории права, а по своей методологии представляет комплекс приемов, способов и принципов изучения права и юридической практики, соответствующий трем основным школам правопонимания — школе естественного права, школе позитивного права и исторической школе права. Капустин апеллировал к догматическому подходу, для которого право — это норма закона, а его изучение состоит в анализе законодательства, позволяющего посредством абстрагирования и обобщения формулировать систему общих юридических понятий, актуальных не только для действующего права, но и для права любой эпохи; историческому методу, ориентирующему на эмпирическое исследование институтов в их исторической эволюции. Но догматический метод остается главным, ему подчинено применение методологических идей иных школ правопонимания.

Для второго этапа творческой эволюции М.Н. Капустина характерно создание догматической теории права, под которой он понимает общую юридическую теорию, интегрирующую все научное юридическое знание на основе установления системы общих юридических понятий, выражающих право и всю совокупность юридических явлений в систематическом виде. На этом этапе он рассматривает свою догматическую теорию как исторический результат эволюции научного изучения права. Анализ Капустина направлен на то, чтобы обосновать идею новой энциклопедии права, которая должна рассматриваться как самостоятельная юридическая дисциплина, чего не было в истории этой сферы ранее. Так, на втором этапе своей творческой эволюции М.Н. Капустин создает правовую теорию, которую предлагает называть общей догматикой права. По его мнению, создание этой теории является результатом объективной эволюции правового знания, достигшего нового этапа своего обобщения, что объяс-

няет необходимость создания самостоятельной дисциплины, предметом которой является право, а основной задачей — выяснение его общего содержания и формулирование его в системе понятий, имеющих не только теоретическое, но и преимущественно практическое значение.

Любое научное открытие имеет не только субъективную сторону, заключающуюся в уникальном сочетании жизненных обстоятельств и таланте ученого, но и объективную сторону, состоящую в том, что оно является результатом эволюции науки, ее предшествующих достижений. Во втором случае, в применении к концепции общей теории права М.Н. Капустина, это означает, что она должна иметь свои теоретико-методологические источники. Исследованием установлено, что указанные источники являются не только внешними, но и внутренними. К внешним следует отнести философские учения Ж.-Ж. Руссо, несмотря на то, что Капустин не принимал идею общественного договора, а также учение о законах Ш. Монтескье. Кроме того, имея в виду идею общей теории права, к внешним источникам можно отнести концепцию юридической энциклопедии Г. Аренса, указывавшего на необходимость разработки общих начал права, на основе которых может быть «органически изложена наука о праве и государстве». Влияние Аренса видится и в концепции всеобщей истории права, на разработку которой, очевидно, оказал влияние и Г.С. Мэн. Эти ученые-юристы культивировали идею обособленной государственно-правовой эволюции народов, что нашло отражение в учении Капустина. Однако мы не склонны абсолютизировать данное влияние, так как, в отличие от М.Н. Капустина, Аренс изложил свою историю права в качестве раздела юридической энциклопедии, а предметом исследований Мэна было древнее общество.

К внутренним теоретико-методологическим источникам общей правовой теории М.Н. Капустина прежде всего следует отнести концепцию энциклопедии законоведения К.Н. Не-

волина, высказавшего идею общей теории закона, обладающей значительным потенциалом позитивизма и историзма, сочетавшей с ними идею естественного права как воплощенного в законодательстве идеала Правды. Схожие идеи высказывались и не столь известным в России юристом С.Н. Орнатским, который, также как и К.А. Неволин, входил в так называемую «Юридическую школу М.М. Сперанского». Именно он преподавал Капустину законоведение в Московском Императорском университете. Идея необходимости в то время общей науки о праве, источником знаний которой являлись бы знания отраслевых юридических наук, звучала в его произведениях со всей определенностью. Носителем общей идеи права был и другой теоретик из этой же плеяды юристов — П.Г. Редкин, который также преподавал студенту Капустину энциклопедию законоведения.

Тем не менее учения указанных мыслителей и теоретиков права следует рассматривать не в качестве прямого источника идей М.Н. Капустина, а в качестве примера интеллектуальной среды, оказавшей влияние на его становление как ученого, формирование его мировоззрения, способов постановки проблем изучения права. Указанные источники в единстве с объективными предпосылками объясняют методологическую особенность учения теоретика, состоящую в утверждении двух элементов правоведения, включающего философскую и позитивную части. Он не стремится к компромиссу со школой естественного права, он лишь по-новому интерпретирует эту методологическую идею. По его мнению, философский элемент означает идею права, идеал справедливости, в контексте которого становится возможным право как нормативная система. Поэтому и правоведение возможно лишь при условии допущения этого идеала, в контексте которого он приобретает форму принципа правотворчества, правоприменения и правового поведения, реализованного в юридической норме. Принципиально важно, что идея справедливости, по Капустину, формулируется не в ре-

зультате дедукции, напротив, она является результатом индуктивных умозаключений, основанных на анализе юридических фактов. При этом особое значение приобретает их исторический анализ, позволяющий выявить в уникальных формах правовой культуры универсальное содержание справедливости и права (норм и институтов).

Такое сочетание идей разных школ в теории М.Н. Капустина составляет главную ее особенность, которую следует охарактеризовать как попытку методологического синтеза. Данный вывод представляется важным в контексте оценки его методологии как эклектической, которая, очевидно, является поверхностной. Принципиальное значение для понимания теории Капустина имеет то, что он, формулируя начала своей концепции общей теории права, не ограничивается этой задачей, распространяя их на все отрасли правоведения. Очевидно, что концепция всеобщей истории права становится возможной лишь в контексте такого подхода, также как и концепция теории международного права базируется на указанных методологических началах. В силу этого разные по своему предмету концепции Капустина приобретают целостность, существуя в контексте одной теории.

В этой связи принципиальное значение имеет учение М.Н. Капустина о правовой норме и праве в субъективном смысле. Концептуально-теоретические представления М.Н. Капустина о правовой норме базируются на идее, согласно которой справедливость является идеальным содержанием права, а нормы — средство ее установления в обществе посредством запретов и дозволений. Она является идеальным началом, на котором основано право, без нее невозможно совместное сосуществование индивидов. Совместную жизнь индивидов в обществе обуславливает чувство справедливости, которую они идентифицируют с внешним порядком, являющимся выражением внутреннего нравственного порядка. Этот порядок понимался по-разному в разные времена, но он всегда рассматривался в качестве некоего ду-

ховного начала — либо в виде абсолютного разума, либо в виде народного духа и пр.

Следует подчеркнуть, что учение М.Н. Капустина ориентировано на догматический способ изучения права как единственно научный. Предметом такого исследования могут быть лишь нормы положительного права, юридические факты. Но догматический подход сочетается с другими методологическими ориентациями теоретика. Он апеллирует к социальному контексту, роли общественного сознания, ценностям культуры не только в образовании права, но и в его функционировании; указывает на чувство справедливости в качестве важнейшего источника права, что приближает его концепцию к идеям социологического правопонимания.

При этом в обосновании своей концепции правовой нормы М.Н. Капустин намерен выразить общие закономерности ее возникновения, обусловленные не только внутренними особенностями права, но и более глубокими факторами, их социальной природой, ролью сознания и культуры в регулировании общественных отношений, в формировании социальных предписаний и пр. Несмотря на социологизм в понимании права, симпатии к исторической школе права и к школе естественного права, он остается на почве юридического позитивизма с явным нормативистским уклоном. Норма в его понимании есть приказывающее и запрещающее правило поведения, упорядочивающее отношения между лицами на начале справедливости. Право же — совокупность норм, составляющих внешний порядок общества. Однако в его понимании правовая норма не тождественна норме закона, а законодательство является не единственным источником правового порядка. В числе трех источников права (положительных правовых норм) лишь один соответствует признакам позитивного законодательства. Нормы, закрепляющие силу вещей (собственность, безопасность, самооборона и пр.), и нормы договора лишь косвенно можно связать с законодательством. Третья группа — нормы, официально установленные государственной властью, обладающей полномочиями.

Учение о правовой норме играло большую роль в контексте всей правовой теории, решая многие проблемы. М.Н. Капустин является сторонником подхода, согласно которому разделение права на субъективное и объективное является условным, на самом деле существует лишь одно право. В то же время можно вести речь о праве либо в субъективном, либо в объективном смысле. Так, если право рассматривается в связи с субъектом, когда оно означает, что в правоотношениях его участники могут быть наделены такими полномочиями, которые предоставляют возможность одному лицу требовать от другого лица соответствующих действий или бездействия, то в этом случае необходимо указывать на то, что речь идет о праве в субъективном, а не в объективном смысле. Значение такого рода права состоит в предоставляемой объективным правом возможности конкретному лицу (физическому или юридическому) требовать каких-либо действий или бездействия от других лиц, с которыми данное лицо вступает в правоотношения.

В этом случае обязанность одного лица является условием, обеспечивающим право другого лица — это необходимость соответствующих, предписываемых нормой действий, требуемых от лица. В этой связи соответствующие права порождают и соответствующие обязанности, а соответствующие обязанности означают существование соответствующих прав (правомочий). Для того чтобы право имело действительное значение (право в субъективном смысле), необходимо, чтобы оно было обеспечено обязанностью — право одного лица означает обязанность другого лица, порождаемую данным правом. Юридическое значение требования лица имеют лишь в том случае, если они обеспечены обязанностью других лиц (лица).

Необходимо подчеркнуть, что общее учение о праве М.Н. Капустина не ограничивается разработкой перечня понятий, имеющих значение общей догматики. Оно охватывает все теоретическое правоведение. Именно в связи с этим следует рассматривать концепции всеобщей история права

и международного права М.Н. Капустина, являющиеся частями его теории. В учении М.Н. Капустина история права вытекает из идеи права, которая последовательно реализуется в истории. Так, догма права не является результатом умозрительного конструирования, она есть результат обобщения юридических фактов, имевших место в истории. В этом смысле история права является не только частью учения о праве, но выступает в качестве методологической основы теоретического правоведения.

То есть всемирная история права является методом познания права, она дает критерий прогрессивности изменения права, без которого невозможна законотворческая и в известном смысле правоприменительная деятельность, позволяет понять смысл ныне действующих институтов. Юридическая оценка института должна осуществляться и в контексте его прогрессивности, не только внутреннего, но и общего вектора исторической эволюции права, поэтому юрист должен знать и внутреннюю, и внешнюю историю права, что важно не только в общетеоретическом, но и в практическом смысле. Наука права стала возможной именно благодаря обращению к его истории, только тогда возник потенциал достоверности и необходимости знаний о праве, выражающих закономерности его возникновения, развития и функционирования в обществе.

В отличие от Аренса, впервые изложившего концепцию всемирной истории права в учебнике по юридической энциклопедии, М.Н. Капустин подчеркивает относительную самостоятельность этой юридической дисциплины, что делает его основателем данного направления. Он явился основателем и теории международного права, с одной стороны, выступающей частью его теории, с другой стороны, обладающей более частными задачами.

Согласно М.Н. Капустину, феномен международного права делает возможным единство человечества по его идее, обусловленное единой природой всех людей. Несмотря на культурное разнообразие, особенности образа жизни, религиоз-

ных верований, определяющих исторические формы некоего единого в своей основе права, человечество культивирует общую идею справедливости, которая может стать основой международного правопорядка. Это обуславливает возможность интеграции человечества на основе некоторой общей совокупности норм. В то же время международные правовые нормы не являются приоритетными над нормами национального законодательства, последние являются главным источником международного общения, обеспечивают защиту национальных интересов в контексте исторически сформировавшихся представлений о справедливости. Особенность международных юридических норм заключается в их конвенциальном характере, отсутствии института принуждающей силы, характерного для национального права, в сознании их необходимости, ценности не только для отдельно взятого народа, но и для человечества в целом.

Методы регулирования международных отношений, описанные Капустиным, имеют диспозитивный характер. Императивная методология невозможна в контексте международного права, в силу невозможности принятия универсального закона, обязывающего всех его субъектов, предусматривающего принудительный характер норм. Поэтому справедливость является основным источником международного права, а основанный на ней порядок отношений между государствами не обладает прочностью, так как каждый из участников соглашения оставляет за собой право добровольно выйти из него.

Одним из достоинств учения о международном праве М.Н. Капустина является положение о том, что основанием введения в международное право этнических, этнографических и конфессиональных прав является не придание соответствующим народам и этническим, конфессиональным группам статуса субъекта международной политики, каковым может быть только государство, а в результате придания международного значения данных прав, требование их ввода в контекст международных соглашений и внутреннее законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаркин Н.М.* История юридической мысли России: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. — 527 с.
2. *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955.
3. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права: курс лекций. Вып. 2. Нормы права и правоотношения / ред. Г.И. Петрищева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1964.
4. *Алексеев Н.Н.* Общее учение о праве. Симферополь, 1919. — 163 с.
5. *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства // Русская мысль. 1894. Кн.11.
6. *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: Типография И.Н. Кушкерев и Ко, 1894. — 35 с.
7. *Аренс Г.* Юридическая энциклопедия или ограниченное изложение науки о праве и государстве на основании принципов этической философии права. М.: Типография А. Семена, 1963. — 524 с.
8. *Байтин М.И.* О методологическом значении и предмете теории государства и права // Государство и право. 2007. № 4.
9. *Байтин М.И.* О современном нормативном понимании права // Журнал российского права. 1999. № 1.
10. *Бачинин В.А.* История философии и социологии права. СПб.: Михайлов, 2001. — 334 с.
11. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения 12-го января 1755 года, по день столетнего юбилея 12-го января 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. М.: Университетская типография, 1855. Т. 2. — 673 с.
12. *Боголюбов С.А.* Законы природы и законы общества (рецензия на монографию М.М. Бринчука «Законы природы и законы общества») // Государство и право. 2016. № 11.

13. *Борисов Л.П.* История политических и правовых учений. М.: Спутник, 2000. — 273 с.
14. *Бочкарева В.И.* Становление и развитие социологии права в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 2.
15. *Бошко С.В.* Норма права: понятие, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4.
16. *Бухарова И.В.* Психологическая теория правового воздействия Л.И. Петражицкого: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
17. *Васев И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид наук. Екатеринбург, 2011.
18. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Одесса, 1901. — 400 с.
19. *Веланский Д.М.* Великий князь — восходящий узел орбиты. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. — 782 с.
20. *Веланский Д.М.* Обозрение главных содержаний философического естествознания, начертанное из сочинений Окена. СПб.: Типография Иос. Иоаннесова, 1815. — 41 с.
21. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учебник. М.: Омега-Л, 2002. — 608 с.
22. Вершиполец К.П. Методы политических исследований: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2005. — 221 с.
23. *Виноградов П.Г.* Очерки теории права. М.: Товарищество А.А. Левенсона, 1915. — 155 с.
24. *Власов В.И., Власова Г.Б., Цечоев В.К.* История политических и правовых учений: конспект лекций. М.: Юрайт, 2019. — 299 с.
25. *Власенко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград: Из-во ВолГУ, 2009. — 898 с.
26. *Волков Е.В., Конюченко А.И.* Русские императоры XIX века в свидетельствах современников и оценках потомков. Челябинск: Аркаим, 2003. — 335 с.
27. *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград: ВолГУ, 2009. — 896 с.
28. *Воротников А.А.* Теоретические воззрения Н.М. Коркунова на право // Правоведение. 1996. № 3.
29. *Галиуллина С.Д.* Деятельность попечителя учебного округа // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1.

30. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. — 796 с.
31. География России: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 430.
32. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть // Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. — 503 с.
33. *Горюшкин З.А.* Руководство к познанию российского законоискусства: в 4-х т. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1815. Т. 1. — 446 с.
34. *Графский В.Г., Мореева С.Н.* Современная философия естественного права: вопросы новизны и преемственности // Государство и право. 2016. № 12.
35. *Графский В.Г.* Возвращение имени или Новое приобщение к научным традициям российского университетского правоведения: к выходу в свет двух книг серии «Из истории российского правоведения» // Правоведение. 1999. № 1.
36. *Грачева Ю.Е.* Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 33–47.
37. *Григорьев В.В.* История Санкт-Петербургского университета в течение первых 50-ти лет его существования. СПб.: Типография В. Безобразова и Комо, 1870. — 670 с.
38. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. — 260 с.
39. *Грязин И.Н.* Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин, 1983. — 189 с.
40. *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского университета, 2004. — 848 с.
41. *Даль В.И.* Большой иллюстрированный словарь русского языка. М.: Хранитель, 2006. — 349 с.
42. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Рипол-Классик, 2022. — 766 с.
43. *Дегай П.И.* Пособия и правила изучения российских законов, или Материалы к энциклопедии методологии и истории литературы российского права. М.: Типография А. Семена, 1831. — 143 с.

44. *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. СПб., 1899. № 1.
45. Екатеринослав // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона: в 86 т. Т. 82. СПб.: Акционерное издательское общество «Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон», 1890–1907.
46. *Емельянова Б.В.* Русская философия права: история становления и развития. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. — 146 с.
47. *Жуков В.Н.* Юридическая мысль России за последние 10 веков (рецензия на энциклопедический словарь биографий) // Государство и право. 2016. № 10.
48. *Жуков В.И.* Справедливость в парадигме философии права // Государство и право. 2021. № 1.
49. *Захарова Л.Г.* Россия на переломе (Самодержавие и реформы 1861–1874 гг.) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. / сост. С.В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. — 374 с.
50. *Золотарева Л.С.* Психологическое правопонимание: историко-сравнительный анализ учений Л.И. Петражицкого и Н.М. Коркунова: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
51. *Зорькин В.Д.* Закономерности взаимосвязи правовых и философских учений // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. М.: ИГПАН, 1986. — 152 с.
52. *Зорькин В.Д.* Муромцев. М.: Юрид. лит., 1979. — 126 с.
53. *Зорькин В.Д.* Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во МГУ, 1978. — 269 с.
54. *Зорькин В.Д.* Теория права Н.М. Коркунова // Правоведение. 1978. № 3.
55. *Иванов Э.И.* Понятие субъективного права // Марийский юридический вестник. 2011. Вып. 8.
56. *Иванова В.Н.* Учение Н.М. Коркунова о государстве и праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976.
57. *Ивановский И.* Профессор Н.М. Коркунов. Памяти товарища. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1905. — 11 с.
58. *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития: пер. с 3-го испр. нем. изд. СПб.: Типография В. Безобразова, 1875. — 309 с.

59. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб.: Н.В. Муравьев, 1881. Т. 1. — 412 с.
60. История буржуазной социологии XIX начала XX века. М.: Наука, 1979. — 344 с.
61. История государственно-правовых учений. М.: Спарк, 2006. — 589 с.
62. История государственного управления России. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. — 603 с.
63. История политических и правовых учений / под ред. С.Ф. Кечекьяна, Г.И. Федькина. М.: Госюриздат, 1960. — 894 с.
64. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М.: Зерцало, 2000. — 688 с.
65. История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. — 944 с.
66. История политико-правовых учений / под ред. А.Н. Хорошилова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 344 с.
67. История политических учений / под ред. О.В. Мартышина. М.: Юрист, 1996. Вып. 2. — 363 с.
68. История политических учений: в 2 ч. / под ред. К.А. Мокичева. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1972. Ч. 2. — 375 с.
69. История России: в 2 т. С начала XIX в. до начала XXI века / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2003. Т. 2.
70. История СССР. XIX начало XX в.: учебник для вузов / под ред. И.А. Федосова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. — 541 с.
71. История философии права. М., 1904–1905.
72. *Казмер М.Э.* Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли. Рига: Зинатне, 1983. — 130 с.
73. *Калинин И.Б.* Естественные основания JUSNATURAL // Государство и право. 2017. № 1.
74. *Калмыков П.Д.* О символизме права вообще и русского в особенности. СПб.: Типография Карла Крайя, 1839. — 93 с.
75. *Каманина Т.В.* Происхождение государства и права. М., 2004.
76. *Кант И.* Метафизика нравов // Собрание сочинений в 8-и томах. М.: Чоро, 1994. Т. 6. — 613 с.
77. *Капустин М.Н.* Теория права (Юридическая догматика). М.: Катков и Ко, 1868. — 352 с.

78. *Капустин М.Н.* Юридическая энциклопедия (Догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. — 348 с.
79. *Капустин М.Н.* История (всемирная) права. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1872. — 294 с.
80. *Капустин М.Н.* Дипломатические отношения России со странами западной Европы во второй половине XVII века. М.: Университетская типография, 1852. — 152 с.
81. *Капустин М.Н.* Обозрение предметов международного права. Вып. 1–4. М.: Университетская типография, 1856–1859.
82. *Капустин М.Н.* О значении национальности в международном праве. М.: Университетская типография, 1863.
83. *Капустин М.Н.* Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. — 87 с.
84. *Капустин М.Н.* Очерк истории права в Западной Европе. М.: Катков и Ко, 1866.
85. *Капустин М.Н.* Историческое обозрение общих законоположений в Пруссии К. Лебедева // Москвитянин. 1849. Ч. 1. Отд. 4.
86. *Капустин М.Н.* Новости и общественные вопросы в Баварии // Русский вестник (Современная летопись). 1857. Т. 8.
87. *Капустин М.Н.* Письма из Германии // Русский вестник (Современная летопись). 1857. Т. 7. № 4.
88. *Капустин М.Н.* Опыт начертания гражданского судопроизводства по российским законам. Сочинение Логина Камбека // Москвитянин. 1849. Ч. 4. Отд. 4.
89. *Капустин М.Н.* Обозрение русской юридической литературы за 1855 год // Русский вестник (Современная летопись). 1856. Кн. 1.
90. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Ростов н/Д: Феникс, 1995. Кн. 4. — 544 с.
91. *Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н.* Социология права. Ростов н/Д, 2002.
92. *Керимов Д.А.* Методологические функции философии права // Государство и право. 2022. № 2.
93. *Кистяковский Б.А.* В защиту права (Задача нашей интеллигенции) // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1999.

94. *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. — 708 с.
95. *Кленнер Г.* От права природы к природе права. М., 1988. — 317 с.
96. *Ковалева И.В.* Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX — начала XX в. Великий Новгород, 2002.
97. *Коваленко О.С.* Развитие традиций русского консерватизма в теоретической и практической деятельности К.П. Победоносцева: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009.
98. *Козлихин И.Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3.
99. *Конт О.* Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д, 2003.
100. *Коркунов Н.М.* История философии права. СПб.: Типография М.М. Слюсаревича, 1915. — 502 с.
101. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Магазин Н.К. Мартынова, 1914. — 427 с.
102. *Коркунов Н.М.* Наука права и естествознание // Коркунов Н.М. Сборник статей. СПб.: Магазин Н.К. Мартынова, 1898. С. 1–16.
103. *Коркунов Н.М.* Международное право. СПб.: Типография Морского министерства, 1886. — 355 с.
104. *Корнев В.Н.* Теория государства и права как юридическая наука // Государство и право. 2021. № 7.
105. *Коротков Ю.Н.* Учебные округа // Российская педагогическая энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. — 608 с.
106. *Короткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4.
107. *Кочановский Д.И.* Курс международного права. Харьков: Университетская типография, 1863. — 412 с.
108. *Кукольник В.Г.* Начальные основания Российского гражданского частного права. СПб.: Сенатская типография. 1813. — 284 с.

109. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2009. — 301 с.
110. *Куницын А.П.* Право естественное. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. — 135 с.
111. *Куприц Н.Я.* Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. М., 1980.
112. *Лесевич В.В.* Эмпириокритицизм как единственно научная точка зрения. СПб., 1909.
113. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
114. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете, 1876. — 132 с.
115. *Лешков В.Н.* Об исследовании М. Капустина «Дипломатические отношения России с Западною Европою» // Москвитянин. 1852. Т. 3. Отд. 5.
116. *Лиска О.М.* Учения о правоприменении права в России во второй половине XIX — начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
117. *Лищук А.А.* Проблема метода в философии права К.А. Неволина // TEMPUS. 2008. Т. 5. № 6.
118. *Локк Дж.* Два трактата о государственном правлении: соч. в 6-и т. М., 1988. Т. 3.
119. *Локк Дж.* Опыты о законе природы // Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
120. *Лукьянова Е.Г.* Учения о законе в русской юриспруденции. М.: Норма, 2014. — 160 с.
121. *Лукьянова Е.Г.* Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX — начала XX вв. // Государство и право. 2017. № 3.
122. *Майков П.М.* Сперанский М.М. и студенты законоведения // Русский вестник. 1889. Август.
123. *Макуев Р.Х.* Теория государства и права. М.: Норма, 2010. — 639 с.
124. *Малько А.В.* Политическая и правовая жизнь России. М., Юрист, 2000.
125. *Мартышин О.В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6.

126. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М.: Зерцало, 2004. — 800 с.
127. *Матузов Н.И.* О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 4 (227). С. 129–143.
128. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2004.
129. *Мачин И.Ф.* История политических и правовых учений: краткий курс лекций. М., 2003.
130. Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: сборник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2008. Вып. 11. — 224 с.
131. Механизм правового регулирования // Теория государства и права: курс лекций. М., 2003.
132. *Мирзаев А.С.* Концепция философии законодательства К.А. Неволина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. — 162 с.
133. Михаил Николаевич Капустин и его письма к А.А. Борзенко. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. — 25 с.
134. *Михайлов А.М.* К вопросу о философско-методологических основаниях английского юридического позитивизма XIX столетия (правовые учения Й. Бентама и Дж. Остина) // Право и политика. 2020. № 11.
135. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. в 2-х тт. Томск, 1914. Т. 1. — 532 с.
136. *Монтескье Ш.* О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.
137. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. М.: Норма, 2002. — 414 с.
138. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1879. — 244 с.
139. *Мухаев Р.Т.* История политических и правовых учений: учебник для вузов. М., 2004.
140. *Мэн Г.С.* Древнее право, его связь с древней историей общества, в его отношении к новейшим идеям. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1873. — 312 с.
141. *Мэн Г.С.* Древний закон и обычай: исследования по истории древнего права. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1884. — 312 с.

142. *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения // Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 1 «Энциклопедия законоведения». СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857. — 501 с.
143. *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX начало XX в. Саратов, 1999.
144. *Нерсесянц В.С.* Из истории правовых учений: два типа правопонимания // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. М., 1978.
145. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Норма, 2005. — 656 с.
146. *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов. СПб., 1999.
147. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.
148. *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.
149. *Новгородцев П.И.* О задачах современной философии права // Новгородцев П.И. Сочинения / сост., вступ. ст. и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. М., 1995.
150. *Новгородцев П.И.* О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения / сост., вступ. ст. и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. М., 1995.
151. Новый энциклопедический словарь. М., 2005.
152. *Нольде Б.Э.* Методика науки международного права // Право. 1905. № 20.
153. Обозрение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. — 200 с.
154. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.
155. *Орнатский С.Н.* Речь об отношении между общим и частным в законодательстве и законоведении, читанная в торжественном собрании Императорского университета св. Владимира 15 июля 1836 года ординарным профессором, доктором законоведения Орнатским. Киев: Унив. тип., 1840.
156. *Орнатский С.Н.* Сравнительный взгляд на нынешнее понятие об энциклопедии и понятия о ней древних греков и римлян // Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея. М.: Университетская типография, 1855.

157. *Остроух А.Н.* Учение Бентама о праве: учебное пособие. Краснодар, 2002.
158. *Паскачина М.Н.* Юридический подход в концепции И.А. Ильина // Государство и право. 2016. № 11.
159. *Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г.* Формирование русской исторической школы права // Образование и право. 2016. № 2.
160. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
161. *Поляков А.В.* «Возрожденное естественное право» в России (Критический анализ основных концепций): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1987.
162. *Поляков А.В.* Государственно-правовое учение Н.М. Коркунова // Кодекс info. 2002. № 5–6.
163. *Поляков А.В.* Философия права Льва Петражицкого // Кодекс. Правовой научно-практический журнал. 2000. № 1.
164. *Поляков А.В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб., 2003.
165. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учебник. СПб., 2005.
166. *Пузырева Е.В., Гомонов Н.Д.* Правовая норма: современные теоретические аспекты // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. Т. 6. № 2. С. 340–343.
167. *Пяткина С.А.* О правовой теории русского юридического позитивизма // Правоведение. 1964. № 4.
168. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Новое время. СПб., 1996.
169. *Редкин П.Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб.: Типография М.М. Слюсаревича, 1889. Т. 1. — 442 с.
170. *Рейснер М.А.* Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908.
171. *Ренненкампф Н.К.* Очерки юридической энциклопедии. Киев: Университетские известия, 1868. — 282 с.
172. *Ренненкампф Н.К.* Замечания об обработке у нас общего учения о праве: по поводу «Юридической догматики проф. Капустина и критич. статей проф. Незабитовского»: Ст. 1. Киев: Университетская типография, 1869. — 25 с.
173. Речь Б.Н. Чичерина 16 мая 1883 г. // Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998.

174. *Романович-Словатинский А.В.* Жизнь и деятельность Н.Д. Иванищева. СПб., 1876.
175. Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994.
176. *Рудаков В.Е.* Михаил Николаевич Капустин (некролог) // Исторический вестник. 1900. Т. 79.
177. Русский биографический словарь. СПб., 1914.
178. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или принципы политического права // Трактаты. М., 1969.
179. *Савиньи Ф.* Система современного римского права: в 8 т. М.: Статут, 2017. Т. 1.
180. *Савиньи Ф.К.* О римском праве в средние века. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1838. — 71 с.
181. *Сапун В.А.* Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право: вопросы теории и истории. Владивосток, 1992.
182. *Семеникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. М., 2003.
183. *Симонов В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994.
184. *Синха С.П.* Юриспруденция. Философия права: краткий курс; пер. с англ. М., 1996.
185. *Соловьев Вл.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев Вл. Сочинения. М., 1988. Т. 1.
186. *Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права* в связи с теорией государства. Ярославль, 1919.
187. *Сорокин В.В.* Дух права — фундаментальная категория правовой науки // Государство и право. 2021. № 12.
188. *Спенсер Г.* Данные науки о нравственности. СПб., 1880.
189. *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1876. Т. 1; 1877. Т. 2.
190. *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования). Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. — 678 с.
191. *Стефанов А.Ю.* Понятие методологии юридической науки в работах российских правоведов второй половины XIX — начала XX века // Проблемы и перспективы современной юриспруденции: сборник научных трудов по итогам науч-

но-практической конференции. Н. Новгород: ИЦРОН, 2018. — 36 с.
192. *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1996. — 400 с.
193. *Суржик О.С.* Проблемы пореформенной России в духовно-нравственной концепции К.П. Победоносцева: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2012.
194. *Сухомлинов М.И.* Русские университеты, учрежденные в начале царствования Александра I. СПб.: Б. и., 1866. — 89 с.
195. *Сырых В.М.* Проблемы теории государства и права. М.: ЭКСМО, 2008. — 525 с.
196. *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001.
197. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. М., 2000.
198. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2001. — 776 с.
199. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Норма, 2002. — 616 с.
200. *Терлаич Г.И.* Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. СПб.: Императорская Академия наук, 1810. Ч. 1. — 172 с.
201. *Тимошина Е.В.* Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб., 2000.
202. *Тимошина Е.В.* Стандарты научности в теории права: классическая и неклассическая парадигмы в социогуманитарном знании // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2011.
203. *Тимошина Е.В.* Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.; М., 2013.
204. *Томсинов В.А.* Русский законоискусник Захар Аникеевич Горюшкин (1748–1821) // Закон. 2009. № 6.
205. *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* История политической и правовой мысли России: учебное пособие для вузов / под ред. В.И. Жукова. М., 1999.
206. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1998.
207. *Уильямс Г.* Демократия и право в теории права и ценности Хабермаса // Правовая мысль XX века. М., 2002.

208. *Устинов В.М.* Памяти М.Н. Капустина. Речь, читанная в Санкт-Петербургском Юридическом обществе 4 декабря 1899 г. // Вестник права. 1900. Янв.
209. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
210. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1910.
211. *Фролова Е.А.* Исторический и логический методы изучения права: из истории философии права // Государство и право. 2021. № 1.
212. *Фролова Е.А.* Методология науки в философии права российских неокантианцев // Государство и право. 2016. № 7.
213. *Фролова Е.А.* Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 2.
214. *Хабермас Ю.* Право как средство и право как институт // Правовая мысль XX века. М., 2002.
215. *Хомяков А.С.* Политические письма 1848 года // Вопросы философии. 1991. № 3.
216. *Цветаев Л.А.* Краткая теория законов. М.: Унив. тип., 1810. — 126 с.
217. *Цветаев Л.А.* Начертание теории законов. М.: Университетская типография, 1816. — 377 с.
218. *Чаадаев П.Я.* Философические письма // Сочинения. М.: Правда, 1989.
219. *Чернявский А.Г.* Методологические аспекты соотношения природы права и человеческих интересов // Государство и право. 2017. № 4.
220. *Чернявский А.Г.* Современное значение понимания сущности и идеи государства // Государство и право. 2021. № 12.
221. *Четвернин В.А.* Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 1997.
222. *Чижов Н.Е.* Очерки учений русских юристов о праве. Одесса, 1881.
223. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. М., 2001.
224. *Чичерин Б.Н.* Задачи нового царствования // Философия права. СПб., 1998.
225. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Ч. 1. Древность и средние века. М.: Типография Грачева, 1869. — 444 с.

226. *Чичерин Б.Н.* О судебной реформе // Философия права. СПб., 1998.
227. *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Философия права. СПб., 1998.
228. *Чичерин Б.Н.* Россия накануне XX столетия // Философия права. СПб., 1998.
229. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М.: Типография Грачева и К°, 1866. — 552 с.
230. *Чулков Г.И.* Императоры России. М., 2003.
231. *Шаповал О.В.* Учение Н.М. Коркунова о праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
232. *Шатров М.А.* Город на трех холмах. Днепропетровск: Промин, 1969. — 416 с.
233. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. К., 1912.
234. *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. М., 1908.
235. *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб.: Труд, 1907. — 748 с.
236. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890. Т. 48. Ярославль: «ТЕРРА» — «TERRA», 1992.
237. Юридическая социология: учебник для вузов. М., 2000.
238. *Яблоков С.А.* Научная деятельность М.Н. Капустина в период работы в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 1. С. 109–128.
239. *Яковлев М.Н.* Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
240. *Яхина А.Р.* Учение П.И. Новгородцева о праве и государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.
241. *Ячменев Ю.В.* Правовая теория К.А. Неволина (истоки естественно-правовой мысли в России): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995.
242. *Ященко А.С.* Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. М., 1912.
243. ГАРФ. Ф. 1154. Б.Н. Чичерин.
244. ГАРФ. Ф. 119. Кавелины.
245. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 24. Д. 528. Л. 2.

246. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 25. Д. 83. Л. 74. Отчет о состоянии деятельности Московского императорского университета за 1858–1859 академический и 1859 гражданский годы.
247. Архив РГБ. Отдел рукописей РГБ. Письма к Грабарю В.Э. (1906–1911, 1917). Фонд № 376; Картон № 12; Единица хранения № 21.
248. РГИА. Ф. 1574. Д. 81. Капустин Михаил Николаевич. Письма к Победоносцеву Константину Петровичу. Письмо от 25.01.1862.
249. РГИА. Ф. 1574. Д. 81. Капустин Михаил Николаевич. Письма к Победоносцеву Константину Петровичу. Письмо от 08.02.1862.
250. Antropological Review. 1866, apr. P. 125–127.
251. *Arnold W.* Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte im Anschluss an die Verfassungsgeschichte der Stadt Worms, Bd 1–2, Hamb. Gotta, 1854.
252. *Arnold W.* Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten, Basel, 1861.
253. *Arnold W.* Recht und Wirtschaft nach geschichtlicher Ansicht, Basel, 1863;
254. *Arnold W.* Cultur und Rechtsleben, B., 1865.
255. *Arnold W.* Cultur und Recht der Römer, B., 1868.
256. *Loran F.* Etudes sur l'histoire de l'humanité. Brusiel, 1861. T. 1.

Научное издание

Аслан Даурович Сангулия

УЧЕНИЕ М.Н. КАПУСТИНА О ПРАВЕ: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Монография

Оригинал-макет подготовлен в Издательском Центре РИОР

Подписано в печать 25.11.2025.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 13,8.
Тираж 500 (I – 150) экз. Заказ № 00000

ООО «Издательский Центр РИОР»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В.
E-mail: info@riorp.ru https://www.riorpub.com